

Труды по русской и славянской филологии

Лингвистика XI

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA



ТАРТУ 2008

HUMANIORA: LINGUA RUSSICA

Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI.
Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту, 2008

Тартуский университет
Кафедра русского языка

Труды по русской и славянской филологии
Л и н г в и с т и к а X I

H U M A N I O R A:
L I N G U A R U S S I C A

Я з ы к
в ф у н к ц и о н а л ь н о -
п р а г м а т и ч е с к о м
а с п е к т е



TARTU ÜLIKOOLI
KIRJASTUS

Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. *Язык в функционально-прагматическом аспекте.* Отв. ред. И. П. Кюльмоя. Тарту, 2008. 289 стр.

Международная редакционная коллегия

С. Б. Евстратова (Тарту), Е. И. Костанди (Тарту), М. А. Кронгауз (Москва), Ю. С. Кудрявцев (Тарту), А. М. Кузнецов (Даугавпилс), И. П. Кюльмоя (Тарту), А. Мустайоки (Хельсинки), В. С. Храковский (Санкт-Петербург), В. П. Щаднева (Тарту)

Редакторы тома: Ю. С. Кудрявцев, И. П. Кюльмоя
Технический редактор: О. Н. Паликова

В оформлении обложки использован фрагмент рисунка «Древнерусский рисовальщик» (перо) со страницы Евангелия 1401 г. Рисунок воспроизводится по книге: А. А. Сидоров. *Рисунок старых русских мастеров.* Москва, 1956. С. 43. Фотография М. А. Шелякина сделана О. Н. Паликовой.

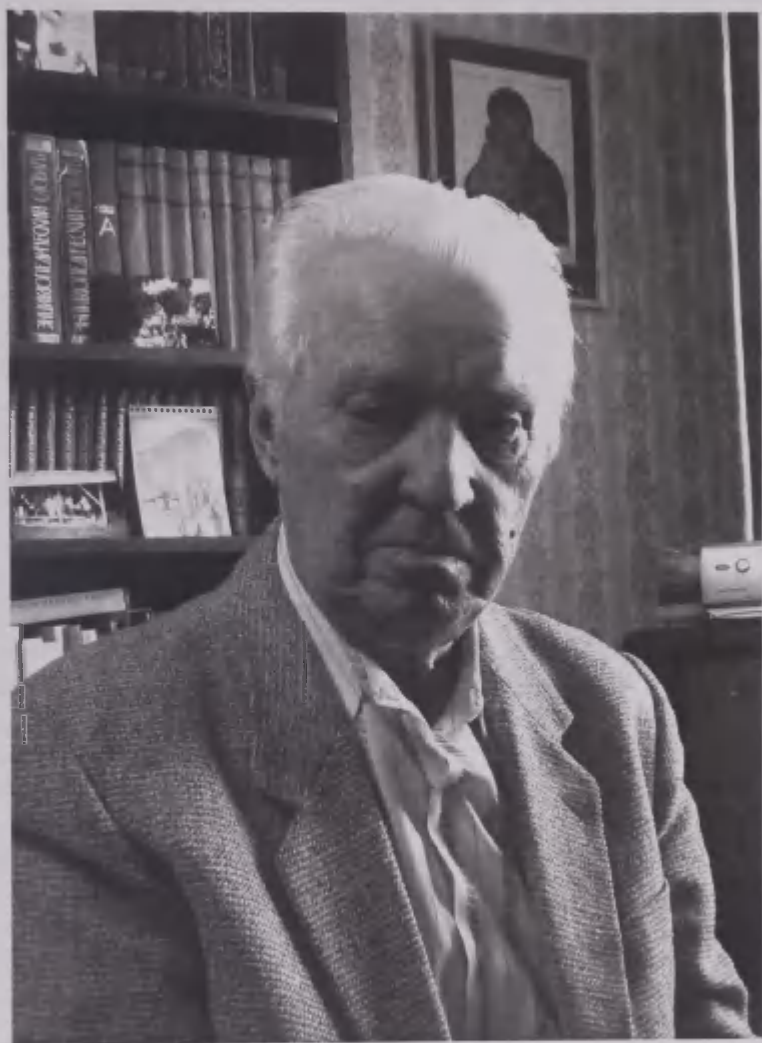
© Статьи: авторы, 2008

© Составление: кафедра русского языка Тартуского университета, 2008

ISSN 1406-2623

ISBN 978-9949-19-156-7

Tartu Ülikooli Kirjastus / Издательство Тартуского университета
Tiigi 78, Tartu 50410 Eesti



Н

стоящий выпуск научных трудов кафедры русского языка Тартуского университета посвящен 80-летию со дня рождения профессора-эмеритуса кафедры, доктора филологических наук **Михаила Алексеевича Шелякина**. Большая часть статей этого тома написана на основе докладов, прочитанных на международном семинаре «Язык и человек», состоявшемся 3–4 января 2008 года в честь юбиляра.

Михаил Алексеевич Шелякин известен как глубокий, основательный и чрезвычайно вдумчивый исследователь с широким кругом научных интересов. Хронологически основные этапы научных достижений юбиляра связаны с тремя направлениями его научных изысканий. На первом этапе научной деятельности его внимание было направлено на изучение языка И. С. Тургенева (кандидатская диссертация «Работа И. С. Тургенева над языком “Записок охотника”», 1954), затем его привлекли вопросы истории языка.

Постепенно Михаил Алексеевич Шелякин перешел к изучению актуальных проблем современного русского языка. К 1970-м годам в русистике сформировалась тогда еще сравнительно молодая, но необычайно важная для славянских грамматик лингвистическая дисциплина — аспектология, проблемам которой и была посвящена докторская диссертация юбиляра «Приставочные способы глагольного действия и категория вида в русском языке» (1972). Кроме многочисленных статей по данному вопросу и докторской диссертации, автор пишет монографию «Категория вида и способы действия русского глагола» (1983). Михаил Алексеевич Шелякин был одним из тех специалистов, которые стояли у истоков этого на-

правления исследований. Он внес значительный вклад в развитие аспектологии. Благодаря исследованиям в данной области, Михаил Алексеевич Шелякин приобретает широкую известность в лингвистических кругах: сегодня его труды признаны в научном мире и широко цитируются. Но работу над данной проблематикой автор не прекращает и сейчас, о чем свидетельствует вышедшая недавно книга «Категория аспектуальности русского глагола» (Москва, 2008).

Область аспектологии затрагивает не только многие смежные языковые явления, но и сферу употребления. Поэтому неудивительно, что известный ученый обращается к исследованию закономерностей функционирования языковых единиц, к особенностям использования последних человеком как субъектом речевой деятельности. Изучение функций языковых единиц в итоге воплощается в целом ряде статей и в монографических трудах: «Русские местоимения» (1985), «Функциональная грамматика русского языка» (2001), «Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы» (2002, 2005). В целом цикл работ функциональной направленности лингвисты и в России, и за ее пределами оценивают как вклад в развитие русистики. Установленные Михаилом Алексеевичем Шелякиным закономерности использования языка позволяют его ученикам и последователям плодотворно развивать его подход к языку.

К настоящему времени Михаил Алексеевич Шелякин является автором более 200 научных работ по функциональной грамматике, истории русского языка, словообразованию и проблемам общего языкознания. В их числе статьи, монографии, учебные пособия.

Научная деятельность юбиляра успешно сочеталась с педагогической. Он долгие годы читал содержательные лекции по морфологии и синтаксису, отличавшиеся оригинальным подходом к языковому материалу и его осмыслению, вел интересные спецкурсы по актуальным проблемам лингвистики, готовил кандидатов и докторов наук. Под его руководством защищено более 30 кандидатских, докторских и магистерских диссертаций (только в Потсдаме, где юбиляр работал пригла-

шенным лектором, он руководил более чем 10 кандидатскими диссертациями по русскому языку).

Следует упомянуть и научно-административную деятельность юбиляра, который исполнял обязанности проректора по научной части (Новосибирск, Воронеж), был директором филиала Института русского языка им. А. С. Пушкина в Республике Куба, а затем долгие годы работал заведующим кафедрой русского языка (Тарту). И везде Михаил Алексеевич Шелякин, осуществляя свои научные замыслы, писал научные работы, выступал с докладами на научных конференциях, а также принимал активное участие в их организации.

И в настоящее время Михаил Алексеевич Шелякин не прекращает научной деятельности и трудится за своим рабочим столом. Поэтому мы надеемся, что скоро увидим плоды его новых исследований, которые станут вехой в развитии русистики.

Коллеги и ученики юбиляра

ОГЛАВЛЕНИЕ

Михаил Алексеевич Шелякин (<i>Тарту</i>) Грамматические заметки	13
Александр Владимирович Бондарко (<i>С.-Петербург</i>) Грамматика функционально-семантических полей и категориальных ситуаций	26
Сергей Юрьевич Дмитренко, Виктор Самуилович Храковский (<i>С.-Петербург</i>) Заметки о глаголах, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека	45
Светлана Борисовна Евстратова (<i>Тарту</i>) Наименования одежды как этнический символ	60
Людмила Владимировна Зубова (<i>С.-Петербург</i>) Категория вида в поэтических экспериментах	74
Елизавета Илмаровна Костанди (<i>Тарту</i>) Аксиологический компонент разговорной речи	108
Анатолий Михайлович Кузнецов (<i>Даугавпилс</i>) Варьирование языковых средств в преамбулах договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.	125

Ирина Павловна Кюльмоя (<i>Тарту</i>) Об одном актуальном аспекте исследования вида глагола в русском языке	137
Ханс Роберт Мелиг (<i>Киль</i>) Совместимость несовершенного вида в процессуальной функции с дополнением, обозначающим ограниченное количество	147
Борис Юстинович Норман (<i>Минск–Хельсинки</i>) Идентичность языковой личности в свете отношений «автор – медиатор» (на материале «Диалогов с Иосифом Бродским» С. Волкова)	166
Надежда Константиновна Онипенко (<i>Москва</i>) «Независимый таксис» и синтаксис присоединительных конструкций	184
Елена Николаевна Ремчукова (<i>Москва</i>) Проблемы префиксальной видовой пары в современном толковом словаре	199
Ханну Томмола (<i>Тампере</i>) Аспектуально значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары	218
Анжелика Вадимовна Штейнгольд (<i>Тарту</i>) Мифологический аспект семантики слова <i>легкий</i> (на материале русских фразеологизмов и паремий)	233
Валентина Петровна Щаднева (<i>Тарту</i>) Медицинская терминология: свое и чужое	252
Ирина Валерьевна Абисогомян (<i>Тарту</i>) Формирование лексикографических принципов Й. Юнгманна: авторский замысел и его реальное воплощение	264

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

М. А. ШЕЛЯКИН

1. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО МЕСТОИМЕНИЯ *TOT* В ТЕКСТЕ

В настоящей статье уточняются наблюдения над употреблением местоимения *tot* в тексте, который уже был предметом исследования в [Шелякин 2001]. Новый вариант статьи ставит задачу более убедительно показать связь первоначального системного значения местоимения с его текстовым употреблением.

Поскольку текст разворачивается во времени, пространственные функции местоимений *этот* / *tot* трансформируются в нем в особые функции, указывающие на степень отдаленности предметов (событий) во времени по отношению к говорящему как наблюдателю сообщаемой ситуации. Местоимение *этот* в соответствии со своим пространственным указанием на предмет, наименее удаленный от говорящего, замещает в тексте обозначение предмета, (действия, события), упомянутого говорящим позднее (то есть последнего по времени, не отдаленного от говорящего и тем самым как бы непосредственно наблюдаемого им), а местоимение *tot* в соответствии со своим пространственным указанием на предмет, наиболее удаленный от говорящего, замещает в тексте обозначение предмета (действия, события), упомянутого по времени раньше, чем другие (то есть отдаленного от говорящего как наблюдателя представляемой им ситуации):

Девушка сидела на лавочке в темном углу церкви; другая терла ей виски. «Слава богу, — сказала эта, — насилу вы приехали»
(А. Пушкин);

Пришла телеграмма, что отец умер. Мы сошли с поезда и **отправились в деревню**. Этот печальный путь я запомнил надолго (А. Чехов);

— Здесь у нас есть музыкант, старик, из немцев, чудак, очень ученый; он Лизе уроки дает; **тот** просто от вас с ума сойдет (И. Тургенев);

Но человека **человек** Послал к анчару властным взглядом, И **тот** послушно в путь потек, И к утру возвратился с ядом (А. Пушкин);

Настя и тут ей помогла: она **сняла мерку** с Лизиной ноги, сбегала в поле к Трофиму настуху и заказала ему пару лаптей **по той мерке** (А. Пушкин);

У лукоморья **дуб** зеленый; Златая **цепь** на **дубе том** (А. Пушкин);

К **кастрату** раз пришел **скрипач**, Он был бедняк, а **тот** богач (А. Пушкин);

Он бросился к **отцу** и горячо поцеловал его. **Тот** отвечал ему тем же (Ф. Достоевский);

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться; И надобно ж беде случиться, Что около **тех мест** голодный рыскал Волк (И. Крылов);

Есть у меня **деревушка**... Так я туда еду. — **Это деревушка**, что вам от Глафиры Петровны досталась?... — **Та самая** (И. Тургенев);

Топтыгин занемог, вскочил **чиряк** на шее... Вот Дятла он велит к себе позвать скорее, **Чтоб тот чиряк** немедленно проткнуть (С. Михалков).

Ср. также указание **тот** на раннее упомянутый предмет в сочетании со словами *другой, этот (сей)*, указывающими на предметы в последовательном ряду предметов: **Ни тот, ни другой / ни этот** ничего не знали об этом; **ни с того, ни с сего, ни то, ни се**.

С этой анафорической функцией местоимения **тот** связано указание им на временные моменты в отдаленном прошлом (**с тех пор, в ту пору, в то время, тогда**) или на сдвиг повествования в план прошлого:

У сильного всегда бессильный виноват; **Тому в Истории** мы тьму примеров слышим (И. Крылов).

Отнесение предмета к отдаленному прошлому выражается местоимением *тот* и в сочетании с собственными именами:

А вы — Коля, тот самый Коля, неуклюжий, застенчивый и обидчивый Коля? ... Какая странная встреча (А. Куприн).

При обозначении в тексте нескольких связанных между собой разных событий местоимение *тот* может указывать на предшествующее событие или его участников:

... дед его, великий муж, Имел пятнадцать тысяч душ. Из них отцу его досталась Осьмая часть — и та сполна Была сперва заложена, Потом в ломбарде продавалась... (А. Пушкин);

Любой американский бизнесмен платит своему юристу большие деньги за то, что тот помогает ему уходить от налогов (из газет);

Неожиданно для Быкова было в 1958 году приглашение, поступившее от Алексея Баталова. Тот приступал к экранизации «Шинели» Н. В. Гоголя и предложил Быкову главную роль (из газет);

Российская партия жизни обвинила «Единую Россию» в том, что та препятствует участию кандидатов от РПЖ в осенних выборах» (из газет);

Он хотел один раз прибить капитаншу, а та была старушка и ходила с палочкой (Ф. Достоевский);

<Позднышев> все курил и пил заваренный еще на той станции чай (Л. Толстой);

Мужики пришли. Те? — Те самые, намеднишние (М. Пришвин);

Луна светила ярко, хотя незадолго перед тем пробежал легкий дождик (И. Тургенев).

В связи с тем, что местоимение *тот* указывает на нечто предшествующее по отношению к чему-либо следующему, оно выполняет в сложном предложении функцию предваряющего соотносительного слова, содержание которого раскрывается в последующем придаточном предложении:

Мы спорили о том, что... Я обратил внимание на то, что он взволнован. Он взял ту книгу, которую ему рекомендовал профессор. Не одобровать тому, кто мне попадется (И. Тургенев).

Из этой функции возникли устойчивые сочетания (*да*) и *то сказать* в значении вводящего подтверждения сказанному, *того и гляди*, *того и жди* в значении предупреждающего возникновения чего-либо:

— Прекрасной дочерью своей гордится Кочубей. *И то сказать*: в Полтаве нет красавицы, Марии равной (А. Пушкин);

У него всегда дел пропасть, *да и то сказать*, что ему за удовольствие со старухой сидеть? (Л. Толстой);

Того и гляди дождь пойдет; *Того и жди* какой-нибудь неприятности.

Эту же функцию выполняет и пояснительный союз *то есть*: *До станции еще сорок километров, то есть час езды*.

Признак отнесенности обозначаемого предмета, явления, события к ранее упомянутым моментам в плане отдаленного прошлого содержится в образованных от *тот*, *та*, *то*, *те* местоимениях *тот же*, *та же*, *то же*, *те же*, указывающих на отождествление говорящим чего-либо с чем-то ранее ему известным:

У Палагеи Николавны *Все тот же* друг мосье Финмуш, *И тот же* шниц, и *тот же* муж (А. Пушкин);

Все тот же сон! Возможно ль? В третий раз! Проклятый сон!.. (А. Пушкин);

В других местах на земле кипела, торопилась, грохотала жизнь: здесь *та же* жизнь текла неслышно (И. Тургенев).

Ср. также указание местоимением на что-либо, не соответствующее или соответствующее его прежнему опыту, знаниям или ожиданиям:

Мне все кажется, ... что я пишу не так, как надо, и что даю больным не *те* порошки (А. Чехов);

— Батя, что такое? Звон не *тот*... — Как не *тот* звон?.. — Ой, батя не *тот*.. Нынче звонят редко, а это... (А. Толстой);

А не похож ты на странника божьего... Для странника — *речь у тебя не та* (М. Горький).

Ср. устойчивые сочетания *встать не с той ноги*, *не на того напал*, *Федот да не тот*.

Однако местоимение *тот* употребляется в текстах и без указанных мотиваций:

Барин, слышь, не поладил с Кириллом Петровичем, а тот подал в суд (А. Пушкин);

Лаврецкий подвез старика к его домику, тот вылез, достал свой чемодан (И. Тургенев);

Мужики гонялись за овцами, телятами и коровами, а те убежали от них во все лапаты (Ф. Гладков);

Российский боксер послал в нокаут мексиканца, тот умер (из газет);

Когда же открылось, что отец Пушкина согласился принять на себя «полное смотрение» за сыном, тот крупно ссорится с ним (из книги о Пушкине), ср. «... за сыном, он крупно ссорится с ним»;

Она заявила, что когда впервые увидела лидера БЮТ Юлию Тимошенко, та ей понравилась (из газет).

Е. В. Падучева [Падучева 1985:126–127] объясняет такое употребление местоимения тем, что оно указывает на то из двух упоминаемых в тексте лиц, которое не является смысловой темой предложения, текста или фрагмента текста, то есть выступает как отстраненное лицо от смыслового развития сообщаемого, ср.: *Посоветуй Ивану взять секретаря, чтобы тот навел порядок в его бумагах. Он снимает перед ним шляпу, а тот и не смотрит на него*. Думается, что в приведенных примерах местоимение *тот* указывает на действие лиц в последующем временном плане и тем самым на их отдаление от говорящего как наблюдателя. Приведем еще примеры:

Он спросил новую бутылку, и только через час ее докончил, спросил другую, докончил и ту (Ф. Достоевский);

Мы туда-сюда, спрашиваем кухарку: та ничего не говорит (И. Тургенев);

Забудут жены про наряды, а их мужья тому и рады (Л. Мей);

Попадись эта тема другому автору, тот бы ее обделал иначе (Н. Добролюбов);

Хотите Алексея Ивановича заколоть, и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? (А. Пушкин).

Ср. исторически образованные от *тот* наречные союзные слова со значением следствия *потому, оттого*, основанным на указании на последующее событие по отношению к предыдущему причинному событию: *Ему надо было быть в городе, потому он и выехал срочно. Мы давно не виделись, оттого мне стало грустно*. Они синонимичны союзному слову *поэтому*. Подобное отнесение к последующему времени по отношению к предыдущему содержится и в наречии *потом* в значении «спустя некоторое время, после, вслед за кем чем-либо», исторически образованным от *тот*: *Поработаем, потом отдохнем* (ср. образованное от этого наречия существительное *потомок* в значении «человек, по отношению к своим предкам, предшественникам»). Эту функцию выполняет элемент *то* и в составе условного союза *если... то*: *Если он приехал, то он зайдет ко мне*.

С указанием на последующее событие по отношению к предыдущему связано значение частицы *тоже*, обозначающей повторение действия, совершаемого субъектом вслед за другим субъектом: *Я тоже уехал в деревню*. Ср. также разделительное значение повторяющегося союза *то* в сложносочиненных предложениях чередования, выражающих сменяющие друг друга события: *Он то вскочит, то ляжет*.

Таким образом, текстовая функция местоимения *тот* заключается в представлении предмета, действия, события в отвлечении от их непосредственной наблюдаемости: либо как отдаленно предшествующих, либо как отдаленно последующих по отношению к другому предмету, действию, событию. Тем самым местоимение *тот* выполняет в тексте особую выделительно-информативную, а не изобразительную, как местоимение *этот*, функцию: оно придает тексту «объективированный» взгляд на повествуемое с особым указательным выделением в нем замещаемого предшествующего компонента предмета, действия, события. В ряде случаев его употребление вызывает только этой выделительно-информационной функцией:

Тростник заговорил: То голос человека И голос ветра был
(Ю. Лермонтов);

— *Нонеча, мол, курица, и та с хитростью к зерну приближается*
(И. Тургенев);

- (Маланья): *Самовар, и тот* лень поставить (А. Островский);
— У нас неинтересные знакомые, да и *тех* мало (А. Чехов);
Выдь на Волгу: чей стон раздается Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется — То бурлаки идут бечевой
(Н. Некрасов);
Соломин — и тот заметил, что есть две манеры выжидать
(И. Тургенев);
Один путешественник пишет, что изо всех азиатских городов, в
одном Арзруме нашел он башенные часы, и те были испорчен-
ны (А. Пушкин);
Карась берет поданную ему шапку и начинает очень усердно
тереться тою шапкой (Н. Помяловский).

Выделительно-подчеркивающая функция местоимения *тот* свойственна следующим устойчивым с ним сочетаниям: *и то* верно, хорошо, *и того* лучше, *и тому* подобное, кроме *того*, мало *того*, тем лучше, *то* ли дело, *и тем* самым, не без *того*, не в *ту* степь, не до *того*, к *тому* же.

Наблюдения на текстовой функции пространственного местоимения *тот* показывают, что его первичное системное значение не исчезает при его употреблении в тексте, сохраняя в нем свои исторические основы. Это свидетельствует о том, что вообще каждая значимая единица языка развивается и изменяется в первично заданной семантической рамке, которая содержит ее этимологическую память как историческое инвариантное значение.

ЛИТЕРАТУРА

- Падучева Е. В. 1985 — *Высказывание и его соотношенность с действительностью*. Москва.
Шелякин М. А. 2001 — Текстовые функции пространственных местоимений в русском языке. *Исследования по языкознанию. К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко*. С.-Петербург.
Шведова Н. Ю., Белоусова А. С. 1995 — *Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий*. Москва.

2. БЕЗЛИЧНЫ ЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА: *ГРОЗЫ НЕ БЫЛО. МЕНЯ ТАМ НЕ БЫЛО*

Почти во всех научных и учебных описаниях русских предложений выделяются отрицательные односоставные «безличные предложения» с родительным падежом и «безличным» сказуемым: типа *Грозы не было. Меня там не было*. Они соотносятся с утвердительными и отрицательными предложениями с именительным падежом подлежащего: *Грозы не было / Гроза была — Гроза не была. Меня там не было / Я был там — Я не был там*. Видимо, отнесение их к безличным предложениям основано только на формальных признаках: на отсутствии в них именительного падежа подлежащего и наличии неизменяемой «безличной формы» (3-го лица единственного числа и прошедшего времени среднего рода). Содержательно же они нигде не интерпретируются как безличные с точки зрения общей теории безличности. Только П. А. Лекант усматривает в таких предложениях структурно обязательное дополнение в родительном падеже в значении «объекта отрицания» [Лекант 1974: 34], не объясняя синтаксической природы отрицания объекта (кто или что отрицает данный объект?).

Примечание. Предложения, в которых лексически отдельно выражены состав подлежащего и состав сказуемого, называются двусоставными. Предложения, в которых один из составов не имеет отдельного словесного выражения, называются односоставными.

Другие исследователи считают родительный падеж с отрицанием в подобных предложениях субъектом предложения (подлежащим). Так, еще Ф. И. Буслаев, выделяя случаи замены личных предложения безличными, отмечает «замену личных безличными при отрицании, с родительным подлежащего; напр., *нет денег, не было денег, не будет денег*» [Буслаев 1869: 162]. Г. А. Золотова, характеризуя родительный падеж при отрицании в таких случаях, указывает на то, что он является предикцируемым (то есть подлежащим) в отрицательных модификациях предложений с глаголами бытия, появления, наличия (коррелируется с именительным в соответствующих утвердительных предложениях):

Ни облачка на небе не бродило (Жуковский); Ожидаемой помощи не приходило (Пушкин); Между бревнами и косяками окон не скиталось резвых пруссаков, не скрывалось задумчивых тараканов (Тургенев); Никакой телефонограммы не было (Булгаков) и под. [Золотова 1988: 31].

«Русская грамматика», характеризуя безглагольные отрицательные предложения типа (1) *Нет времени*, (2) *Ни звука*, (3) *Ничего нового*, (4) *Никакой надежды*, указывает на их следующую семантику: «несуществование или отсутствие субъекта» (1), «несуществование, отсутствие потенциально неединичного субъекта» (2), «полное отсутствие или несуществование субъекта» (3, 4). Грамматика считает такие предложения двукомпонентными (двусоставными), состоящими из субъектного компонента, выраженного родительным падежом, и предикатного компонента, выраженного отрицательным словом. [Русская грамматика – 1980: 336–346]. Ср.:

Ни шелеста листьев, ни пения птиц. Вокруг ни друзей, ни знакомых. Не было ни гроша, да вдруг алтын (пословица);

Ни огня, ни черной хаты ... Глушь и снег (Пушкин);

Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа (Гоголь) и под.

Таким образом, в рассматриваемых предложениях выражаются такие же подлежащие и сказуемые, как в соответствующих утвердительных и отрицательных предложениях с именительным падежом. Поэтому они являются двусоставными предложениями с подлежащими в форме родительного падежа, который вызван выражаемым значением предложения (о чем см. ниже).

Но остается открытым вопрос о природе «безличной» формы их сказуемых. Отвечая на этот вопрос, В.В.Виноградов связывает ее с безличным способом воспроизведения действия: «Простое отрицание факта существования или присутствия производителя действия также согласуется с безличным способом воспроизведения действия. Например:

«И не будет на свете ни слез, ни вражды (Надсон); Не здешний он, этот человек, да и здесь его теперь не находится (Досто-

евский); Или тебе жаль меня, или ты уж чувствуешь, что хозяина твоего скоро не станет (Тургенев)» [Виноградов 1947: 465].

Но ведь в собственно безличных предложениях не выражается отсутствие производителя, о чем писал В.В.Виноградов: «Итак, безличные конструкции, в основе которых лежит употребление безличной формы глагола, служат средством преднамеренного изображения действия с неизвестным или неопределенным субъектом» [там же]. Ср.: *Парит. Вдали прогремело* и под.

Иначе представлял себе происхождение отрицательных «безличных» предложений А. А. Шахматов, утверждавший, что «происхождение таких предложений связано с развитием безличности: когда вместо предложения типа *не был хлеб* явилось предложение *не было хлеб*, отсутствие согласования между прежним подлежащим и прежним сказуемым повело к замене формы именительного падежа формой отложительного, известного в отрицательных предложениях» [Шахматов 1941: 122]. В таком случае, видимо, следует признать, что безличные предложения с именительным падежом подлежащего исторически были первичными по отношению к их отрицательным вариантам с родительным падежом. Однако А. А. Шахматов указывает на то, что отрицательные предложения, имеющие в главном члене сочетание безличных форм глагола с родительным падежом существительных или местоимений-существительных, восходят к глубокой древности: они имеются в других славянских языках, в литовском, готском и соответствуют немецкому *es gibt nicht* [Шахматов 1941: 121], то есть можно предположить, что исторически существовали параллельные конструкции с разными формами их подлежащих.

Отличие рассматриваемых отрицательных предложений от собственно безличных состоит в том, что в них может синтаксически выражаться любое грамматическое лицо и число и сказуемое лексически ничем не ограничено: 1-е (*Меня там не было*), 2-е (*Тебя / Вас там не было*), 3-е (*Его, их, рабочих там не было*). В отрицательных предложениях сказуемое выражается только глаголами со значением бытия, появления, ста-

новления, возникновения, положения, пребывания, достатка (хватить, недоставать), что принято называть бытийными глаголами. К ним относятся глаголы *быть, существовать, иметься, находиться, оказаться, стать, состоять, водиться*, делексикализованные (то есть утратившие первичные лексические значения) глаголы *стоять, лежать, висеть происходить, случаться, остаться* и др. [см. Арутюнова, Ширяев 1983: 26–36, а также подробный перечень бытийных глаголов у А. А. Шахматова 1941: 122–125]. Поэтому такие предложения можно назвать по аналогии с утвердительными бытийными предложениями отрицательно-бытийными.

Другая особенность отрицательно-бытийных предложений заключается в их возможности трансформироваться в личные предложения с подлежащим в именительном падеже: типа *Лосей в нашем лесу не водится — Лоси в нашем лесу не водятся. Понятия валентности в химии раньше не существовало — Понятие валентности в химии раньше не существовало. Детей в цирке не было — Дети в цирке не были*. Отличие отрицательных бытийных предложений с родительным подлежащим заключается в значении неопределенности их подлежащих, за исключением лично-местоименной или собственно-именной определенности (ср. *Меня там не было. Герасима уже не было во дворе*), и определенности подлежащих (ожидаемых, упомянутых, предполагаемых или конкретных) во вторых предложениях. В тексте родительный подлежащего всегда может восстанавливаться или иметься в виду как именительный подлежащего, ср.: *Грозы не было. Она прошла мимо*.

В отрицательно-бытийных предложениях родительный падеж употребляется в значении отсутствия, отрицания обозначенного предмета как варианта его первичного отложительно-сепаративного значения [Шелякин 2001: 39–40], отсюда отрицательно-бытийное значение их подлежащего: отрицание преддицируемого предмета ведет к выражению отрицания его бытия или его отсутствия в локализаторе (пространственном, временном, личностном и др., см. о его типах в [Арутюнова, Ширяев 1983: 14–18]. Поэтому синтаксическая связь между родительным подлежащего и отрицанием при бытийных ска-

зуемых является взаимообусловленной, а не подчинительной со стороны сказуемого, как считал А. М. Пешковский [Пешковский 1956: 365]. В отрицательно-бытийных же предложениях с подлежащим в именительном падеже отрицается не подлежащее, а бытийное сказуемое, что ведет к выражению определенности подлежащего: *Гроза (ожидаемая) не была, она прошла мимо. Мои дети не были в цирке.*

При нем формы 3-го лица единственного числа и среднего рода прошедшего времени обозначают связь отрицаемого подлежащего с любым синтаксически выраженным грамматическим лицом и числом. Поэтому форму сказуемого в отрицательно-бытийных предложениях можно назвать отвлеченно-личной, не имеющей никакого отношения (видимо, и исторически) к собственно-безличному значению, которое имеет статус только 3-го лица, так как указывает на нечто не участвующее в коммуникации подобно личному 3-му лицу.

В итоге можно сделать следующий вывод: рассматриваемые отрицательные конструкции являются не односоставными безличными, а двусоставными отвлеченно-личными предложениями. Тем самым теоретический русский синтаксис освобождается еще от одних «безличных предложений», выражающих непознаваемые и полные загадок события, которые якобы отражают антирационализм русского характера [Вежбицкая 1996: 33–88]. Указанные отрицательно-бытийные предложения опровергают распространенное мнение о том, что подлежащее в русском языке выражается только именительным падежом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. 1983 — *Русское предложение. Бытийный тип*. Москва.
- Буслаев Ф. 1869 — *Историческая грамматика русского языка. Синтаксис*. Москва.
- Вежбицкая А. 1996 — *Язык. Культура. Познавание*. Москва.
- Золотова Г. А. 1988 — *Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса*. Москва.

- Лекант П. А. 1974 — *Синтаксис простого предложения в современном русском языке*. Москва.
- Пешковский А. М. 1956 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Русская грамматика. II. — 1980. Москва.
- Шахматов А. А. 1941 — *Синтаксис русского языка*. Ленинград.
- Шелякин М. А. 2001 — *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.

MÄRKMEID GRAMMATIKAST

*M. Šeljakin*1. Ruumitähendusliku asesõna *mom* kasutusest tekstis

Artiklis seostatakse asesõna *mom* kasutust tekstis tema esmase ruumilise tähendusega. Esmane süsteemne ruumitähendus säilib ka tekstis, muundudes eralisteks tekstifunktsioonideks. See annab tunnistust tõigast, et keelend on võimeline arenema ja muutuma ajalooliselt etteantud semantilistes piirides, millesse jääb keelendi invariantne lähtetähendus.

2. Kas laused *Грозы не было. Меня там не было* on isikuta

Kummutatakse levinud arvamust, et seda tüüpi lausete puhul on tegemist isikuta lausetega. Tõestatakse, et need laused on kahepealiikmelised ning sisaldavad eitusega alust genitiivis ja eitusega eksistentsiaalõeldist. Nn isikuta predikaadi vorm on neis põhjustatud eitusega alusest, seega on formaalne, mitte semantiline.

ГРАММАТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ И КАТЕГОРИАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ¹

А. В. БОНДАРКО

Посвящается юбиляру

Труды Михаила Алексеевича Шелякина вносят существенный вклад в разработку теории языкознания и проблем грамматики русского языка. С именем М. А. Шелякина связано направление исследования, основанное на подходе к функциональному описанию грамматики по принципу «от формы выражения (средства) к функции». Система функциональной морфологии и функционального синтаксиса анализируется в книге «Функциональная грамматика русского языка» [Шелякин 2001]. Функциональный анализ, базирующийся на сочетании исходно-семантического и исходно-формального направления описания языкового материала, представлен в книге «Категория аспектуальности русского глагола» (2008). Монографии и статьи ученого по проблемам аспектологии (см. [Шелякин 1983; 1988; 1997; 2008] и др.) представляют значительный интерес. В частности, заслуживает внимания интерпретация «уровней функционально-семантической категории аспектуальности»; речь идет о грамматическом, глагольном лексико-семантическом и контекстуальном уровнях, а также

¹ Статья основана на исследовании, осуществленном при содействии Фонда Президента РФ на поддержку ведущих научных школ, гранты НШ-6124.2006.6; НШ-1335.2008.6.

об уровнях характера и типа действия (см. [Шелякин 2008: 30–39]). Мы высоко ценим участие М. А. Шелякина в публикациях Петербургской школы функциональной грамматики. Михаил Алексеевич — член редакционной коллегии коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» и автор ряда разделов («Способы действия в поле лимитативности» [ТФГ 1987: 63–85], «О семантике неопределенно-личных предложений» [ТФГ 1991: 62–72], «Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости» [ТФГ 1991: 312–326]). Наше сотрудничество реализовалось также в участии петербургских лингвистов в изданиях Тартуского университета, создававшихся под руководством М. А. Шелякина.

1. Функционально-семантические поля и категориальные ситуации. Разрабатываемая нами теория функциональной грамматики направлена на описание системы семантических категорий в их языковом выражении и речевых реализациях. Для этой модели грамматики характерно сочетание двух направлений анализа и описания языкового материала — исходно-семантического и исходно-формального. Построение грамматики базируется на подходе «от семантики к средствам ее выражения». На этой основе базируется выделение и описание системы функционально-семантических полей и репрезентирующих их в речи категориальных ситуаций. Функциональный характер лингвистического описания сохраняется и при подходе от формы к семантике: в центре внимания находятся значения и функции грамматических форм, представленные в различных типах их употребления.

Функционально-семантическое поле (ФСП) трактуется как семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой взаимодействующих средств ее выражения в анализируемом языке (имеются в виду связанные друг с другом морфологические, синтаксические, лексико-грамматические и лексические средства). В коллективной монографии «Теория функциональной грамматики» [ТФГ 1987; 1990; 1991; 1992; 1996 а; 1996 б] предметом анализа являются ФСП разных структурных типов: а) поля с предикативным ядром: ас-

пектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность, персональность, залоговость; б) с субъектно-объектным ядром: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность; в) с качественно-количественным ядром: качественность, количественность; г) с предикативно-обстоятельственным ядром: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей причины, условия, цели, следствия и уступки).

Выделяются два основных структурных типа ФСП — моноцентрические и полицентрические. Моноцентрический тип структуры ФСП наиболее четко представлен полями, в центре которых находится определенная грамматическая категория, концентрирующая в целостной системе специализированное и регулярное выражение данного круга функций. Ср. отношения: вид глагола и аспектуальность, глагольное время и темпоральность, лицо и персональность, залог и залоговость. К полицентрическому типу относятся такие поля, как таксис (зависимый и независимый), качественность (атрибутивная и предикативная), бытийность (дискретная и недискретная), посессивность (атрибутивная и предикативная).

Для центральных компонентов поля характерен ряд признаков: а) максимальная концентрация базисных семантических элементов, определяющих качественную специфику данного ФСП; б) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы средств для реализации определенных семантических функций; в) регулярность функционирования языковых единиц.

Многообразие языковых средств, охватываемых изучаемыми полями, в сочетании с общностью семантических функций, относящихся к определенной семантической категории, создает возможность использования понятия ФСП в сопоставительных исследованиях. Так, понятие аспектуальности представляется более надежным основанием для межъязыковых сопоставлений, чем априорная констатация грамматической категории вида или аналогии со славянским глагольным видом.

Принципы анализа ФСП рассматриваются в ряде недавно опубликованных работ (см. [Проблемы 2005; Feldergrammatik 2007; Гладров 2001; Бондарко 2007]). Обсуждаются и частично реализуются возможности расширения системы ФСП (в частности, ставится вопрос о поле одушевленности / неодушевленности; см. [Володин 2001]). В составе «аспектуально-темпорального комплекса» помимо аспектуальности, темпоральности, временной локализованности и таксиса выделяется поле временного порядка (см. [Бондарко 1996: 167–196; 1999: 204–230; 2002: 519–540]).

Категориальная ситуация (КС) трактуется как выражаемая различными языковыми средствами типовая содержательная структура, а) репрезентирующая в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее ФСП; б) представляющая собой один из аспектов выражаемой в высказывании «общей» сигнификативной ситуации; в) являющаяся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания. КС представляет собой родовое понятие, интегрирующее видовые понятия аспектуальной, таксисной, персональной, качественной, количественной, локативной, экзистенциальной (бытийной), посессивной, кондициональной ситуаций и т. п. Ср., например: *Долго уговаривал и наконец уговорил* — аспектуальная ситуация; *Рука руку моет* — ситуация временной нелокализованности; *Заходите!* — императивная ситуация; *Он прекрасный человек* — качественная ситуация; *Где она?* — локативная. Анализируемые КС рассматриваются как ситуации сигнификативные. Разумеется, КС отражают денотативные ситуации, однако предметом анализа являются именно семантические структуры, выступающие на уровне высказывания в определенной языковой и речевой интерпретации.

Понятие КС, введенное в работах [Бондарко 1982: 3–20; 1983: 115–200; 1984: 99–124], используется в ряде разделов коллективных трудов по теории функциональной грамматики (см. анализ лимитативных ситуаций [ТФГ 1987: 85–98], ситуаций аспектуально-таксисных [там же: 256–294], императивных [ТФГ 1990: 80–89], ситуаций возможности [там же: 134–140],

необходимости [там же: 142–156], оптативных ситуаций [там же: 174–175], ситуаций качественной характеристики [ТФГ 1996 а: 79–93], ситуаций бытийных [ТФГ 1996 б: 53–80], по-сессивных [там же: 100–118], ситуаций обусловленности [там же: 140–174]).

Функциональный анализ на основе понятия КС представляет собой одну из разновидностей «ситуативного подхода». О ситуациях идет речь при описании различных типов функционирования грамматических форм, при рассмотрении общих проблем семантики, в синтаксических исследованиях. Классификации, базирующиеся на понятии КС, по их семантическим основаниям соотносятся с семантическими основаниями типов синтаксических конструкций, рассматриваемых в типологических исследованиях (см. работы, развивающие принципы петербургской / ленинградской типологической школы, в частности, [Храковский 2001; Типология итеративных конструкций 1989; Типология императивных конструкций 1992; Типология условных конструкций 1998; Типология уступительных конструкций 2004]). Специфика проводимого нами анализа КС как категориальной характеристики высказывания заключается в следующем: а) выделяемые типовые ситуации рассматриваются в их связи с анализируемыми ФСП; речь идет о своего рода «проекции поля на высказывание»; б) проводится разграничение и соотнесение понятий «категориальная ситуация» и «общая ситуация».

Понятия ФСП и КС дополняют друг друга в общей системе функционального анализа. Если понятие ФСП соотносится с представлением о семантической категории и упорядоченном множестве средств ее выражения в данном языке, то понятие КС служит для изучения функциональных вариантов определенной семантической категории, выражаемых в высказывании. Анализ КС связывает элементы парадигматической системы языка, охватываемые ФСП, с речевой синтагматикой. Значимость понятия КС в данной модели функциональной грамматики не менее существенна, чем роль понятия ФСП. В конкретных исследованиях основным предметом анализа являются различные варианты типовых сигнификативных си-

туаций и связанные с ними типы функционирования языковых средств. Особый аспект исследования и описания КС заключается в их соотношении с категориальными характеристиками текста как целого; ср. нарративные тексты, тексты с доминантой узуальности, императивности, 1-го или 3-го лица, активности или пассивности.

Концепция функциональной грамматики, основанная на понятиях ФСП и КС, складывалась на базе аспектологических исследований. Аспектология (прежде всего то ее направление, основателем которого был Ю. С. Маслов; см. [Маслов 1984; 1987; 2004]) была той первоначальной сферой исследования, в которой обобщались и объяснялись такие явления, как связи вида и способов действия, взаимодействие категориальных значений видовых форм и контекста. Анализ этих явлений привел к необходимости определения и обоснования понятия аспектуальности как ФСП.

Сопоставляя системно-структурные признаки традиционной и функциональной грамматики, следует подчеркнуть непреходящую значимость традиционной грамматики и актуальность перспектив ее дальнейшего развития. Функциональная грамматика, разработка которой находится в стадии научного поиска, и традиционная грамматика — дополняющие друг друга и взаимосвязанные направления исследования и описания языкового материала.

2. Функции языковых средств. В функциональной грамматике, разумеется, важную роль играет понятие функции. Разделяя широко распространенное истолкование функции (Ф) в сфере лингвистики как назначения языковых средств (цели, которой они служат), мы обращаем внимание на ряд вопросов, сопряженных с данной проблематикой. Телеологический подход к понятию Ф связывается с подходом каузальным. Если то или иное языковое средство имеет определенное назначение, то эта целевая потенция детерминирует определенное поведение данного элемента языковой системы, его взаимодействие с другими элементами при реализации Ф в речи. Ср. один из возможных вариантов определения рассматриваемого понятия: функция того или иного элемента языко-

вой системы — это его назначение, обуславливающее определенные типы его употребления.

В понятии Φ выделяются аспекты потенции (Φ п) и реализации (Φ р). Функции языковых единиц и их сочетаний выступают, с одной стороны, как существующие в системе языка потенциальные назначения, цели, обуславливающие определенные типы функционирования («способы поведения») языковой единицы, а с другой — как процессы и результаты реализации этих потенций в речи. Присущая данному элементу языковой системы способность участвовать в передаче определенного семантического и/или структурно-синтаксического содержания обуславливает выбор данного элемента говорящим в процессе речи.

Рассматриваемые отношения сопряжены с идеей взаимодействия. Функциональные потенции языковых средств (цели, для достижения которых они предназначены) обуславливают реализацию определенных назначений в речи. Речевые реализации функций (результаты каузации употребления, вытекающей из его цели), в свою очередь, становятся основой для формирования потенций, которые находят все новые и новые реализации. В этом круговороте потенций и реализаций осуществляется, с одной стороны, воспроизведение Φ языковых единиц, а с другой — их развитие.

С функциями, рассматриваемыми в телеологическом (прежде всего потенциальном) и каузальном аспектах, связано понятие «функциональный потенциал». Имеется в виду весь комплекс Φ п, возможных для данной языковой единицы и определяющих (программирующих) ее поведение в речи. Рассматриваемое понятие охватывает Φ разных типов — не только собственно семантические, но и эмоциональные, экспрессивные, стилистические, структурные. Владение функциональным потенциалом языковых средств входит в языковую компетенцию говорящего и определяет выбор того или иного средства в процессе формирования высказывания.

При анализе функциональных потенций грамматических форм в соответствующих схемах могут быть обозначены различные отношения к дифференциальным семантическим при-

знакам: «+» — данный признак выражен, «-» — данный признак исключен, «+/-» — признак не выражен, но и не исключен, «(+)/-» — возможность выражения признака ограничена, «+/(-)» — ограничена возможность невыражения признака (ср. анализ потенциала форм глагольного вида в кн. [Бондарко 1971: 11–21; 2005: 231–232]; подробнее о различных аспектах понятия «функция» и о соотношении понятий «функция» и «значение» см. [Бондарко 2002: 339–355; 2004: 79–86]).

Понятие Φ тесно связано с взаимодействием системы и среды. Говоря о среде по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке, трактуемой как исходная система или ее компонент, мы имеем в виду некоторое множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов, играющее роль окружения, во взаимодействии с которым исходная система выполняет свою функцию. Понятие среды обобщает и интегрирует давно изучавшиеся типы окружений. Имеются в виду контекст, целостный текст, речевая ситуация (в широком понимании, включающем ролевые отношения участников речевого акта и фоновые знания), «лексическое наполнение» грамматических форм и конструкций, взаимодействующие с ними грамматические категории, лексико-грамматические разряды.

Взаимодействие системы и среды детерминируется функцией. Отдельный элемент языковой системы не мог бы обеспечить реализацию функций, выполняемых в процессе общения, если бы этот элемент был изолированным. Лишь взаимодействие данного системного объекта с другими объектами, играющими роль среды, делает возможной реализацию семантических, семантико-прагматических, стилистических и структурных Φ в процессе речи. Так, Φ настоящего исторического (как Φ п и как Φ р) предполагает взаимодействие категориального значения формы настоящего времени как элемента системы с контекстом и ситуацией отнесенности действия к прошлому — элементами среды (см. [Бондарко 2004: 86–102]).

3. Системно-функциональные исследования последних лет. Продолжение исследований по функциональной грамматике и грамматической семантике находит отражение в новой

серии коллективных трудов «Проблемы функциональной грамматики» [Проблемы 2000; 2003; 2005], в коллективной монографии [Межкатегориальные связи 1996], а также в ряде индивидуальных монографий (см., в частности, [Voeikova 2000; Матханова 2000; Смирнов 2001]).

В различных разделах книги [Межкатегориальные связи 1996] выделяются следующие аспекты рассматриваемых отношений: 1) типы системных связей между грамматическими категориями, а также между ФСП; взаимозависимости и односторонние зависимости; 2) вычленение «фокуса взаимодействия» (ср., например, настоящее время момента речи как фокус взаимодействия категорий вида и времени); 3) выделение исходных центров изучаемых отношений; так, анализируются межкатегориальные связи, сосредоточенные вокруг аспектуального, модального и залогового центров, в частности, отношение категории вида к категориям времени, наклонения, залога и лица, связи аспектуальности с полями темпоральности, временной локализованности, таксиса, а также модальности, залоговости, персональности, субъектности, объектности, коммуникативной перспективы высказывания, определенности / неопределенности, качественности, количественности и локативности. Обращается внимание на возможность истолкования функциональной разновидности одной грамматической категории как позиции по отношению к употреблению компонентов другой категории.

В коллективном труде [Проблемы 2000] общая проблематика взаимосвязей системно-языкового и речевого аспектов категорий морфологии и синтаксиса раскрывается и конкретизируется в анализе категорий засвидетельствованности, компаративности и временной локализованности (на материале русского языка). Рассматриваются такие вопросы, как употребление видов глагола в русских и западнославянских повествовательных текстах, текстообразующие функции и текстовые реализации синтаксических конструкций, функциональное варьирование грамматических форм в условиях морфологической транспозиции, употребление грамматических форм в русских диалектных текстах. Исходно-речевое направление

исследования представлено в проводимом на материале русского языка анализе соотношения дейктического модуса текста и единиц текстообразования, а также при рассмотрении вариативности морфологических характеристик предиката в вопросе-ответных единствах.

В коллективной монографии [Проблемы 2003] соотношение инвариантности / вариативности рассматривается как один из основных принципов анализа грамматических категорий и функционально-семантических полей. Дихотомия инвариантности / вариативности и «прототипический подход» трактуются как тесно связанные друг с другом аспекты анализа языкового представления семантического содержания. В различных разделах этой книги находит отражение многомерность проблематики инвариантов и прототипов и многообразие возможностей интерпретации этой проблематики. Анализ проводится главным образом на материале русского языка; вместе с тем в ряде разделов речь идет о фактах других языков — немецкого, английского, французского, курдского, тунгусских.

В книге [Проблемы 2005] исследуется системно-структурная организация языковой семантики и средств ее выражения, отражаемая в понятиях «центр — периферия», «полевая структура», «прототипы и их окружение». Изучение рассматриваемых отношений в языковой системе связывается с исследованием закономерностей функционирования языковых единиц в разных типах речи. Данная проблематика раскрывается в анализе семантики аспектуальности, темпоральности, модальности, персональности, качественности, количественности и некоторых других категорий. Полевые структуры характеризуются при рассмотрении таких вопросов, как коммуникативная функция высказывания, актуализация категориальной семантики, безличные конструкции. Анализ проводится на материале русского, немецкого, английского, латинского, персидского и ряда других языков. Особый предмет исследования — становление грамматических категорий и выражение семантических комплексов в детской речи.

В теории функциональной грамматики важную роль играет рассмотрение различных аспектов категоризации. В работах

по когнитивной лингвистике чаще всего речь идет о «категоризации мира». Исходя из общих принципов разрабатываемого нами направления функционального анализа, мы используем сочетание «категоризация семантики». Различные стороны данного вопроса рассматриваются в коллективной монографии «Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики», которая будет опубликована в 2008 г.

Очередной том серии «Проблемы функциональной грамматики», над которым мы работаем в настоящее время, посвящен принципу естественной классификации. Речь идет о классификациях, которые строятся на основе существенного признака, определяемого природой («естеством») изучаемых объектов. Анализ на основе данного принципа стремится раскрыть членения, существующие в предмете исследования фактов языка и речи, выявить реальную системность, структуру и вариативность изучаемых единиц, классов и категорий.

В развитии рассматриваемой теории существенную роль играет ее разработка на материале детской речи. Это направление исследований, ведущихся под руководством С. Н. Цейтлин, представлено в ряде работ, посвященных анализу формирования в речи ребенка семантических категорий в их языковом выражении (см., в частности, [Цейтлин 2000; Казаковская 2006]).

Для теории функциональной грамматики важное значение имеют типологические исследования, ведущиеся в лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН. Из работ последнего времени следует особо отметить сборник [Эвиденциальность в языках Европы и Азии 2007], посвященный памяти Наталии Андреевны Козинцевой. Сошлюсь также на пятитомный труд [Reciprocal Constructions 2007], созданный под руководством и при участии В. П. Недялкова.

4. Системно-языковые и речевые элементы связи анализируемых категорий с позицией говорящего. Одним из аспектов системно-функционального анализа в сфере грамматики является рассмотрение языковых значений и семантических функций в их отношении к говорящему. Обсуждаемый

вопрос связан с известными классификациями грамматических категорий; ср. проводимые в разных терминах и при этом во многом сходные членения: «субъективно-объективные / объективные категории» в интерпретации А. М. Пешковского, «категории-шифтеры / не-шифтеры» в теории Р. О. Якобсона, «коммуникативно-грамматические / логико-грамматические категории» в истолковании В. Г. Адмони (см. [Пешковский 1956: 88–90; Якобсон 1972: 95–113; Адмони 1988: 30–36, 67, 71]). М. А. Шелякин связывает вопрос о субъективно-объективных грамматических категориях и сходных понятиях с широкой проблематикой отражения эгоцентризма в семантической системе языка (см. [Шелякин 2002: 199–206]), что представляется вполне закономерным.

На наш взгляд, при анализе грамматических категорий в их отношении к говорящему важно учитывать следующие различия: а) точка зрения говорящего как элемент значения той или иной грамматической формы (ср. дейктические элементы значений глагольных форм времени, наклонения и лица) и б) позиция говорящего, представленная в конкретных высказываниях, в определенной речевой ситуации.

Речевые проявления отношения к говорящему возможны и при функционировании «нешифтерных» категорий. Одна из таких категорий — таксис. Известны суждения Р. О. Якобсона о семантике таксиса как «нешифтерной» категории: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101]. В категориальной семантике таксиса, действительно, четко выражен доминирующий признак «соотношение сообщаемых фактов», тогда как отношение к говорящему не является компонентом категориального значения таксиса (в отличие от категории времени). Вместе с тем в передаваемой в высказывании ситуации с доминантой «характеристики одного сообщаемого факта по отношению к другому» может проявляться точка зрения говорящего как субъекта, устанавливающего (определяющего) или наблюдающего данное соотношение. Ср., например, выражение последовательности в случаях типа *Как только прочту письмо, все тебе скажу*.

Представляются обоснованными суждения о роли говорящего в вербализации последовательности обозначаемых событий, высказанные в написанном В. П. Недялковым и Т. А. Отаиной разделе 1-го тома «Теории функциональной грамматики» [ТФГ 1987], посвященном типологическим и сопоставительным аспектам анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским): «Нивхский текст, как, видимо, и текст на любом другом “деепричастном языке”, не строится на основе единственно возможного выбора деепричастий и финитных форм — выбора, который был бы полностью обусловлен хронологической последовательностью реальной действительности и их взаимным смысловым соотношением. Хотя реальная действительность в значительной мере обуславливает характер ее вербализации в отработанных моделях конструкций, у говорящего остается большая или меньшая свобода выбора форм, связанных с его углом зрения, с желанием подчеркнуть или выделить то или иное соотношение событий...» [Недялков, Отаина 1987: 301].

Актуализация точки зрения говорящего возможна и при выборе той или иной формы залога, относящейся, как и таксис, к сфере «не-шифтеров». Устранение субъекта с центральной позиции в структуре предложения и замещение этой позиции объектом может быть живым процессом, протекающим при формировании высказывания (например, когда автор, избегая подчеркивания своей личности, заменяет первоначальный вариант высказывания *Мы рассматриваем этот вопрос...* вариантом, в котором субъект отодвигается на задний план: *Этот вопрос рассматривается нами...*).

Возможность актуализации связи с говорящим при функционировании таксисных и залоговых конструкций лишний раз свидетельствует о необходимости проводить различие между характеристикой рассматриваемых категорий в их отношении к позиции говорящего на основе категориальных значений языковых средств (этим определяется истолкование таксиса и залога как категорий, не относящихся к числу шифтеров) и проявлениями «воли говорящего» в конкретных высказываниях (ср. приведенные выше примеры).

При рассмотрении различных типов грамматических категорий по признаку «точка зрения говорящего» особенно сложной является характеристика глагольного вида. В семантике вида отражается особая языковая интерпретация «взгляда» на характер протекания действия, существенно отличающаяся от актуализационных оснований семантики времени, наклонения и лица. Элементы «взгляда на действие» в видовых значениях отмечаются в работах многих исследователей (из работ последнего времени см., в частности, [Золотова 2006; Пупынин 2006; Шелякин 2008: 48–92]). На наш взгляд, в семантике глагольного вида выявляется сложное соотношение актуализационных и неактуализационных признаков. В семантике совершенного вида (СВ) обычно выделяется признак целостности действия. А. В. Исаченко писал о том, что признак целостности действия в значении СВ сопряжен со взглядом на действие «со стороны»: именно таким образом действие может быть представлено как целое, в отличие от обозначения действия в процессе его протекания, когда говорящий как бы находится внутри процесса [Исаченко 1960: 131–133]. На наш взгляд, данное различие может актуализироваться в высказывании, особенно в ситуации наблюдаемости, однако целостность действия далеко не во всех случаях может рассматриваться как цель употребления формы СВ. Мы не можем сказать, что говорящий употребляет формы СВ для того, чтобы выразить неделимую целостность действия. Примечательно, что понятие целостности плохо усваивается в практике обучения глагольному виду. Употребление видовых форм в конкретном акте речи может быть обусловлено связью с категориями, характеризующимися более высокой степенью интенциональности. Ср. замечание Ф. Лемана о том, что в случаях типа *Петров придет* мотивацией к употреблению СВ является не целостность действия, а скорее «будущее» и «однократность» [Lehmann 1986: 150–151].

Сложным и непоследовательным в разных типах функционирования видов является проявление перцептивности (имеется в виду языковая и речевая интерпретация восприятия явлений внешнего мира с точки зрения перцептора). Перцептив-

ность представляет собой одну из важных сторон реализации точки зрения говорящего. На наш взгляд, необходимо различать ориентационные элементы грамматических значений видовых форм и перцептивность как семантический признак высказывания. Соотнесенность этих явлений не является всеобщей и постоянной. В условиях облиigatorности грамматической категории вида, охватывающей все глагольные формы, естественно, что различия во «взгляде на действие» далеко не всегда включаются в актуальный смысл высказывания (см. [Бондарко 2002: 273–285; 2004: 156–164; 2006: 67–79]).

Предлагаемое истолкование категорий грамматики в их отношении к признаку «точка зрения говорящего» существенно отличается от встречающихся в современной лингвистической литературе проявлений тенденции к изучению речевых ситуаций вне специального анализа языковых структур с их значениями, сопряженными с определенными формами. Глубинная связь вопросов «как это функционирует?» и «как это устроено?», на наш взгляд, играет важную роль в проблематике «языковой картины мира» и в перспективе дальнейшего развития системно-функциональных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Адмони В. Г. 1988 — *Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1976 — *Теория морфологических категорий*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1982 — Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике. *Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 625. Семантика аспектуальности в русском языке. Вопросы русской аспектологии*. Тарту. С. 3–20.
- Бондарко А. В. 1983 — *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград (изд. 2-е, стереотипное, — Москва, 2001; изд. 3-е — 2003; изд. 4-е — 2007).
- Бондарко А. В. 1996 — *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*. С.-Петербург.
- Бондарко А. В. 1999 — *Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени*. С.-Петербург.

- Бондарко А. В. 2002 — *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка*. Москва.
- Бондарко А. В. 2004 — *Теоретические проблемы русской грамматики*. С.-Петербург.
- Бондарко А. В. 2005 — *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. Москва.
- Бондарко А. В. 2006 — Перцептивность и аспектуально-темпоральный комплекс. *Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида, IV*. München. С. 67–79.
- Бондарко А. В. 2007 — Концептуальная система функциональной грамматики. *Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция. Москва, 22–23 октября 2007 г. К Общему собранию Российской академии наук*. Москва. С. 386–396.
- Володин А. П. 2001 — О функционально-семантическом поле одушевленности-неодушевленности. *Исследования по языкознанию*. С.-Петербург. С. 36–43.
- Гладров В. 2001 — Функциональная грамматика и сопоставительная лингвистика. *Исследования по языкознанию*. С.-Петербург. С. 67–77.
- Золотова Г. А. 2006 — Категория вида и говорящее лицо. *Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида, IV*. München. С. 161–168.
- Исаченко А. В. 1960 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. II*. Братислава (2-е изд. — Москва, 2003).
- Казаковская В. В. 2006 — *Вопросо-ответные единства в диалоге «взрослый — ребенок»*. С.-Петербург.
- Маслов Ю. С. 1984 — *Очерки по аспектологии*. Ленинград.
- Маслов Ю. С. 1987 — Перфектность. *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград. С. 195–209.
- Маслов Ю. С. 2004 — *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Москва.
- Матханова И. П. 2000 — *Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке*. Новосибирск.
- Межкатегориальные связи в грамматике 1996. С.-Петербург.
- Недялков В. П., Отаина Т. А. 1978 — Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским). *Теория функциональной*

- грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград.
- Пешковский А. М. — 1956. *Русский синтаксис в научном освещении*. Изд. 7-е. Москва (8-е изд., доп. — 2001).
- Проблемы 2000 — *Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. С.-Петербург.
- Проблемы 2003 — *Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность*. С.-Петербург.
- Проблемы 2005 — *Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры*. С.-Петербург.
- Пупынин Ю. 2006 — *Глагольный вид и дейктические параметры высказывания. Глагольный вид и лексикография: Семантика и структура славянского вида, IV. München*. С. 317–331.
- Смирнов И. Н. 2001 — *Категория временной локализованности действия в современном русском языке*. С.-Петербург.
- Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис 1987. Ленинград (ТФГ 1987; изд. 2-е, стереотипное, — Москва, 2001; изд. 3-е — Москва, 2003; изд. 4-е — Москва, 2006).
- Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность 1990. Ленинград (ТФГ 1990).
- Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость 1991. С.-Петербург. (ТФГ 1991).
- Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность 1992. С.-Петербург (ТФГ 1992).
- Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность 1996 а. С.-Петербург (ТФГ 1996 а).
- Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. 1996 б. С.-Петербург (ТФГ 1996 б).
- Типология итеративных конструкций 1989. Ленинград.
- Типология императивных конструкций 1992. С.-Петербург.
- Типология условных конструкций 1998. С.-Петербург
- Типология уступительных конструкций 2004. С.-Петербург.
- Храковский В. С. 2001 — *Таксисные конструкции (опыт классификации). Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы Всероссийской научной конференции (С.-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.)*. С.-Петербург. С. 109–112.
- Цейтлин С. Н. 2000 — *Язык и ребенок: Лингвистика детской речи*. Москва.

- Шелякин М. А. 1983 — Категория вида и способы действия русского глагола (*Теоретические основы*). Таллин.
- Шелякин М. А. 1988 — Категория вида и модальность. *Системные и функциональные аспекты языка. Труды по русской и славянской филологии. Ученые записки Тартуского гос. университета*. 825. Тарту. С. 8–23.
- Шелякин М. А. 1989 — Современный русский язык. *Теоретический курс. Словообразование. Морфология*. Москва.
- Шелякин М. А. 1997 — О спорных вопросах русской аспектологии. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1*. Москва. С. 210–219.
- Шелякин М. А. 2001 — *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.
- Шелякин М. А. 2002 — *Язык и человек (К проблеме мотивированности языковой системы)*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия, VII. Тарту.
- Шелякин М. А. 2008 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой 2007. С.-Петербург.
- Якобсон Р. О. 1972 — Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва.
- Feldergrammatik in der Diskussion. Funktionaler Grammatikansatz in Sprachbeschreibung und Sprachvermittlung 2007. Joachim Buscha, Renate Freudenberg-Findeisen (Hrsg.). Peter Lang. Europäischer Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien.
- Lehmann V. 1986 — Satzsemantische oder verarbeitungssemantische Aspektbeschreibung. *Slavistische Beiträge, Bd. 200*. München.
- Reciprocal Constructions 2007 — Reciprocal Constructions. Vol. 1–5. Edited by Vladimir P. Nedjalkov (Typological Studies in Language, vol. 71). Amsterdam / Philadelphia.
- Voieikova M. D. 2000 — *Russian existential sentences: A functional approach*. München.

FUNKTSIONAAL-SEMANTILISTE VÄLJADE JA
KATEGORIAALSITUATSIOONIDE GRAMMATIKA*A. Bondarko*

Kirjeldatakse funktsionaalgrammatika mudelit, mis tugineb funktsionaal-semantilise välja ja kategoriaalsituatsiooni mõistetele. Funktsionaal-semantiline väli kujutab endast semantilist kategooriat, mida käsitletakse koos selle tähenduse väljendusvahenditega analüüsitavas keeles (väljendusvahendid võivad olla morfoloogilised, süntaktilised, leksikaalsed ja leksikaal-grammatilised). Analüüsitakse aspektuaalsuse, temporaalsuse, taksise, subjekti, objekti, kvantitatiivsuse, kvalitatiivsuse, lokatiivsuse, eksistentsiaalsuse, possessiivsuse, konditsionaalsuse funktsionaal-semantilisi välju.

Kategoriaalsituatsioon on tüüpiline sisuline struktuur, mis esindab lau-sungis konkreetset semantikat ning ühtlasi ka vastavat funktsionaal-semantilist välja. Ühes kategoriaalsituatsioonis võivad omakorda integ-reeruda ka erinevad situatsioonid, nt aspektuaalsus, temporaalsus, taksis, kvalitatiivsus jms. Tähelepanu keskmes on funktsiooni mõiste. Keelendite funktsioonides eristatakse kahte aspekti — potentsiaalset ja realiseeruvat. Funktsiooni probleemi seostatakse süsteemi ja keskkonna vastastiku toi-me probleemiga. Vaatluse all on ka viimase aja funktsionaal-süsteemsed uuringud, eriti uus sari „Funktsionaalgrammatika probleeme”.

Artikli lõpuosa sisaldab arutlusi grammatikakategooriate semantikas sisalduvast suhtest kõnelejasse. Seda vaadeldakse nii keelesüsteemi kui kõne aspektist. Autor näeb funktsionaaluuringute perspektiivi keelendite funktsioneerimise ja keelestruktuuri seoste süvaanalüüsis.

ЗАМЕТКИ О ГЛАГОЛАХ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ СТАНДАРТНЫЕ И НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА¹

С. Ю. ДМИТРЕНКО, В. С. ХРАКОВСКИЙ

Хотя глаголов, обозначающих стандартные положения тела человека, немного (например, в русском языке — это лексемы *лежать, сидеть, стоять*²), они играют особую роль не только в лексике, но и в грамматике различных языков и по этой при-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (Проект № 06-06-80273-а) и Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории».

² Эти глаголы обозначают конкретные ситуации, играющие чрезвычайно важную роль в жизни человека: всю свою жизнь человек, правда, в разных пропорциях, либо лежит, либо сидит, либо стоит, либо, добавим к этому, ходит. Отметим, что такой набор лексем, очевидно, не исчерпывает всех допустимых стандартных положений, представленных в языках мира. В частности, в некоторых южноамериканских языках представлены глаголы, обозначающие стандартное положение 'быть в подвешенном состоянии'. В языке сикуани (гуахибо) это глагол *ru-*, в языке куна — глагол *na(i)*, в языке терибе (чибча) — глагол *pang*. Наличие подобных глаголов в этом регионе объясняется образом жизни местного населения, которое значительную часть времени суток проводит в гамаках [Grinevald 2005].

чине уже давно привлекают к себе пристальное внимание лингвистов разных специальностей и направлений.

Возникает вопрос: в чем заключается специфика этих глаголов, которая вызывает столь большой интерес у специалистов? Отвечая на него, мы хотим обратить внимание на то, что, во-первых, у этих глаголов широкий спектр переносных употреблений, а во-вторых, они часто выполняют грамматические функции, то есть грамматикализуются. Исследователей как раз и волнует то, каким образом с одной стороны происходит метафоризация этих глаголов, а с другой — их грамматикализация. Исходным, прототипическим значениям этих глаголов внимания уделяется значительно меньше.

Проблема расширения значений является, например, центральной в работах [Кравченко 1998; Рахилина 2000]. (Отметим, кстати, что Е. В. Рахилина называет эти глаголы, а также глагол *висеть*, позиционными.) Проблема грамматикализации является основной в работе [Kuteva 1999]. Обеим проблемам много внимания уделяется и в монографии [Newman (ed.) 2002]. Относительно недавно опубликованная книга [Майсак 2005] в известном смысле обобщает результаты предыдущих исследований по проблеме грамматикализации, но в то же время содержит и исчерпывающую информацию по проблеме расширения значений глаголов, обозначающих стандартные положения тела человека, которые автор называет глаголами позиции.

Признавая указанные проблемы очень важными как для описательной лингвистики, так и для лингвистической типологии, мы в этих заметках хотим прежде всего обратить внимание на первичные исходные значения и толкования глаголов, обозначающих стандартные положения тела человека, а также на соотношение этих глаголов с глаголами, обозначающими нестандартные положения тела человека.

Наше исследование опирается на фундаментальную классификацию предикатов (= глагольных лексем), предложенную Ю. Д. Апресяном [Апресян 2003: 8–10; Апресян 2005; Апресян 2006]. Данная классификация нацелена на выявление закономерных связей между семантическим классом глаголов и

всеми прочими свойствами входящих в него лексем [Апресян 2006: 82]. В рамках данной классификации выделяются следующие основные, или главные, классы: (1) **действия** (*атаковать, идти*), (2) **деятельности** (*торговать, воевать*), (3) **занятия** (*играть, гулять*), (4) **поведения** (*баловаться, капризничать*), (5) **воздействия** (*размывать, прогревать*), (6) **процессы** (*расти, падать, гореть*), (7) **проявления** (*блестеть, звенеть*), (8) **события** (*встречать, находить, происходить*), (9) **положения в пространстве** (*стоять, сидеть*), (10) **локализации** (*быть 2, находиться, оказываться*), (11) **состояния** (*знать, любить, хотеть*), (12) **свойства** (*заикаться, виться*), (13) **способности** (*говорить по-русски, ездить верхом*), (14) **параметры** (*вмещать, насчитывать*), (15) **существования** (*бывать, водиться*), (16) **отношения** (*равняться, соответствовать*), (17) **интерпретации** (*ошибаться, подводить*) [Апресян 2006: 83].

В другой работе Ю. Д. Апресян обращает внимание на то, что «принадлежность к любому из перечисленных классов и подклассов позволяет формировать определенные ожидания относительно числа и состава семантических актантов глагола, а в случае небольших по объему классов или подклассов — с большой долей уверенности предсказывать и более специальные свойства, в частности, семантические роли актантов, способы их внешнего (в том числе морфологического) оформления, их порядок в различных типах предложения и т. п.» [Апресян 2007: 19]. Далее, в этой же работе Ю. Д. Апресян отмечает, что «глаголы со значением положения в пространстве (*висеть, лежать, опираться, сидеть, стоять*) имеют по крайней мере три базовых актанта — локализуемого объекта, опоры (*висеть на стене, лежать на полу, опираться на перила, сидеть на стуле*) и рабочей части предмета, на которую он опирается (*висеть на руках, лежать на боку, опираться локтем, стоять на одной ноге, упираться лбом в стекло*) [Апресян 2007: 20].

Принимая в целом предлагаемую трактовку глаголов положения в пространстве, но ограничиваясь рассмотрением

только исходных прототипических значений этих глаголов¹, и тем самым исключая из анализа случаи типа *Картина висит на стене*, *Птица сидит на ветке*, мы вместе с тем полагаем, что приводимый список содержит семантически и деривационно неоднородные глаголы.

По нашему мнению, этот список включает с одной стороны элементарные положения тела человека, которые делятся на естественные (*лежать, сидеть, стоять*), иначе стандартные, и неестественные (*висеть*), а с другой — неэлементарные, производные (*опираться, упираться, прислоняться, облокачиваться*), которые являются нестандартными. Нестандартные положения всегда сопутствуют стандартным и в определенной степени модифицируют их.

Заметим, что если человек не может одновременно находиться в двух стандартных положениях, то есть стоять и лежать, стоять и сидеть, лежать и сидеть, то он может одновременно находиться в двух нестандартных положениях, например, наклоняться и опираться:

Человек схватил веревку и дернул. Потом он низко наклонился над ямой, опершись одной рукой о землю, другой схватил меня за протянутую кисть и сердито вытащил. (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура)

В предлагаемых ниже толкованиях глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека, используется следующий набор семантических ролей:

Агенса — участник, выполняющий роль Агенса, создает данную ситуацию и контролирует ее:

Он сидел на корточках и следил за движениями рук Рубахина.
(В. Маканин. Кавказский пленный)

Объекта — участник, выполняющий роль Объекта, находится в данной ситуации, не контролируя ее и не претерпевая изменений в ходе ситуации:

¹ Исходными прототипическими значениями этих глаголов считаются те, которые реализуются при их употреблении с Агенсом-человеком.

Увидав нас, они без памяти от страха бросились плыть-бежать по воде с шумящим плеском, но, сильно упираясь в дно **веслами**, мы дали быстрый ход лодке и стали их настигать. (М. Пришвин. Дневники)

Рабочая часть — часть тела человека (*рука, спина, кулак, туловище* и др.), которая а) контактирует с Опорой или в процессе движения, осуществляемого человеком, выступающим в роли Агенса, начинает контактировать с Опорой или б) прекращает свое движение в точке пространства, являющейся Ориентиром:

Выйдя на улицу вслед за всеми, Гусейн закурил сигарету и оперся **спиной** о стену вагончика. (В. Пелевин. Generation «П»); Стоя посреди темной комнаты, я растянул на груди рубашку, наклонился **корпусом** вперед, нащупал между ребер сердце, бившееся, как небольшое животное... (В. Набоков. Соглядатай)¹

Опора — участник ситуации, выполняющий роль Опоры, принимает на себя тяжесть тела человека, выполняющего роль Агенса:

И в эту же секунду он понял, что не стоит в пустом коридоре поезда, а лежит **на диване** своего купе и видит сон. (В. Пелевин. Желтая стрела); Он оперся **на винтовку**, и вовсе не дозволенные уставом мысли насчет женского пола начали овладевать им. (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Примечание. Трактовка роли Опоры, принятая в данной работе, относится к ситуациям, выражаемым всеми глаголами, которые обозначают стандартные и нестандартные положения тела человека, кроме глагола *висеть*. В соответствии с другой возможной трактовкой данной роли, участник ситуации, выполняющий роль Опоры, не позволяет контактирующему с ним какой-либо своей Рабочей частью участнику, выполняющему роль Агенса, двигаться вниз. При такой трактовке роль Опоры оказывается релевантной только для глаголов, обозначающих стандартные положения человека (включая глагол *висеть*):

¹ Большая часть примеров, приводимых в этой статье, взята из «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru).

*Около 5 утра жильцы дома № 10 по Верхней Красносельской улице были разбужены истошными криками «Помогите!». Виножник переполоха висел **на внешней стороне балкона** на восьмом этаже. Несмотря на прохладную погоду, мужчина был одет в одни брюки и рубашку, на ногах у него были только носки. («Вечерняя Москва», 2002.10.10)*

Ориентир — участник ситуации, выполняющий роль Ориентира, представляет собой точку в пространстве (впереди, сбоку, внизу), в которую человек, выполняющий роль Агенса, опускает свое туловище (реже — голову), играющее роль Рабочей части:

Потом, так же просто обошедши гостя, он сел за стол, оперся на него и немного нагнулся вперед с видом: я слушаю. (Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара)

Предлагаются следующие толкования для глаголов, обозначающих элементарные стандартные положения тела человека:

СТОЯТЬ

‘Тело человека (от головы до стоп ног), выступающего в роли Агенса, занимает (относительно) вертикальное положение, а стопы ног (Рабочая часть) контактируют с горизонтальной поверхностью (Опора)’.

Примечание. Стопы ног представляют собой стандартную Рабочую часть, которая поэтому в текстах обычно не обозначается, хотя в принципе может обозначаться словом *ноги*:

*Все вокруг смотрели в сторону скрывшейся реки — даже непонятные люди в рясах, обычно не обращавшие никакого внимания на остальных, сейчас **стояли на ногах** и растерянно глядели на восток, где навсегда остался неизвестный. (В. Пелевин. Желтая стрела); И это мучительство её ликования продолжалось далеко за полночь, несмотря на всю нашу усталость, причём я, слушая, как по-детски радовалась Рената, всё оставался на коленях у её постели, так что, когда наконец сказала она мне идти спать, я едва мог **стоять на затёкших ногах**. (В. Брюсов. Огненный ангел)*

Рабочая часть может быть и не стандартной (одна нога, колени, щипочки, голова):

Приезжая в плодомасовский дом, муж отставной боярской ба-
рыни служил боярину шутом и посмешищем: **стоя на голове**, он
выпивал стопы вина и меду; ходил на кругах колесом; разбивал
затылком орехи и плясал на столе казачка перед всей барской
дворней. (Н. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове); Она
стояла на коленях и, хлопая жёсткими, выгоревшими ресница-
ми, глядела на меня жалостливо и нежно. (Ф. Искандер. Рассказ
о море)

Нестандартная Рабочая часть всегда обозначается в текстах, а
в некоторых языках такие положения, как *стоять на коленях*,
обозначаются отдельными лексемами. Ср. пример из кхмер-
ского языка:

niəŋ təmlɔp...	(lut	səŋkəŋ)	əw	lɔ:k	puk
девушка PN	вставать.на.колени	колено	отец	господин	отец

neak	mae aɯ!	vəŋ trəkoul	niɪ	ciə	səmbok	ət
госпожа	мама PTL	семья	этот	быть	гнездо	без

me:₁ ba:₂

меба_{1, 2} (духи предков, оказывающие покровительство)

‘Тумлоап (встает на колени): О, отец! О, мама! Наша семья — гнез-
до, которое лишилось духов-покровителей’.

В этом примере, представляющем собой реплику из пьесы, глагол *lut* ‘стоять на коленях’ употреблен в инхоативном кон-
тексте (театральная ремарка), обозначая переход агенса в дан-
ное пространственное положение. Отметим, что в данном
примере глагол *lut* функционирует вместе с косвенным допол-
нением *səŋkəŋ* ‘колено’, обозначающим стандартную Рабочую
часть. Лексемы с аналогичной семантикой зафиксированы и в
других языках Юго-Восточной Азии, например, в аустроази-
атских языках ксингмул, мыонг, рук и др.

ЛЕЖАТЬ

‘Тело человека, выступающего в роли Агенса (от головы до
ног), занимает горизонтальное положение, контактируя одной
из своих сторон (спина, живот, бок), выступающих в роли Ра-
бочей части, с горизонтальной поверхностью (Опора)’.

Примечание: Рабочая часть (прежде всего спина, но также живот, бок), как впрочем и Опора, в текстах обозначается не всегда:

На берегу лежал настух и, закинув руки за голову, смотрел на небо (Паустовский. Повесть о лесах).

Вместе с тем в некоторых языках такие положения как *лежать на животе*, *лежать на спине* обозначаются отдельными лексемами. Ср., например, ситуацию в кхмерском языке, где имеются две лексемы, различающиеся именно рабочей частью: *de:k* 'лежать на спине или боку' и *kra:p* 'лежать на животе':

(1) sɾɛy	de:k	yum	daoy
женщина	лежать.на.спине / боку	плакать	из-за
ka:₁ touc₂ cət₃	huəh₄ prɔma:n₅		
горе₁, 2, 3	безмерный₄, 5		

'Она лежала на спине / боку и плакала от безмерного горя'.

(2) sɾɛy	kra:p	yum	daoy
женщина	лежать.на.животе	плакать	из-за
ka:₁ touc₂ cət₃	huəh₄ prɔma:n₅		
горе₁, 2, 3	безмерный₄, 5		

'Она лежала на животе и плакала от безмерного горя'.

СИДЕТЬ

'Тело человека, выступающего в роли Агенса, (от головы до ягодиц) занимает (относительно) вертикальное положение, а ягодицы (Рабочая часть) контактируют с горизонтальной поверхностью (Опора)'.

Примечание: ягодицы представляют собой стандартную Рабочую часть, вследствие чего такая Рабочая часть в текстах обычно не обозначается, хотя, в принципе, обозначить можно и ее:

Только отсюда, с высоты утёса, сидя голой задницей на камне, начинаешь понимать, как мы были несправедливы к собственной перестроечной жизни конца 80-х, как не умели ценить её достоинств. (Г. Горин. Иронические мемуары); *Думаю, он увидел, что не сработало, а может быть, просто заболели коленки, не знаю, но он повалился на бок, выпростал из-под себя ноги и теперь сидел на попе прямо у моей кровати.* (В. Шаров. Воскрешение Лазаря)

Рабочая часть может быть и нестандартной (ягодицы плюс пятки ног, согнутых в коленях, ягодицы плюс пятки ног, согнутых в коленях, плюс стопы ног). Такая рабочая часть всегда обозначается в текстах:

Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных корешков. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); Рядом с ним средолетний казах чабан Егенбердиев на своей кровати не лежал, а сидел, поджав ноги накрест, будто дома у себя на кошке. Ладонями больших сильных рук он держался за круглые большие колени — и так жёстко сцеплено было его тугое ядрёное тело, что если он и чуть покачивался иногда в своей неподвижности, то лишь как заводская труба или башня. (А. Солженицын. Раковый корпус)

А в некоторых языках такие положения, как *сесть на колени / сидеть на коленях, сесть на корточки / сидеть на корточках, сесть, скрестив ноги / сидеть, скрестив ноги* обозначаются отдельными лексемами. Например, в литературном арабском языке есть глагол *ḍʒaʃa*: ‘сесть на колени’, глагол *tarabba‘a* ‘сесть скрестив ноги’, *qarfafa* ‘сесть на корточки’:

(1) fa nazal-tu ‘ila: l-kani:sati ‘ḍʒaʃaw-tu
и отправиться-1SG в DEF-церковь сесть.на.колени

wa madad-tu kaffay-ya ‘ila: l-la:hi
и вознести-1SG обе.руки-POSS.1SG к DEF-Бог

‘И я отправился в церковь. Я опустился (досл. сел) на колени и вознес руки к Богу’.

(2) tarabba‘-a ‘ala: l-‘ardi
сесть.скрестив.ноги-3SG.M на DEF-земля

wa qa:l-a ‘uq‘ud
и сказать-3SG.M сесть.IMP.2SG.M

‘Он сел на землю, скрестив ноги, и сказал: «Садись»’.

(3) zaḥaf-a ‘ala: rukbatay-hi summa
ползти-3SG.M на колени-POSS.3SG потом

qarfaf-a qurba n-na:ri
сесть.на.корточки около DEF-огонь

‘Он пополз на четвереньках (досл. на коленях), потом сел на корточки около огня’.

Комментируя предложенные толкования, хотелось бы отметить, что в принципе для положений 'стоять', 'сидеть' и 'лежать' ключевыми являются разные части тела человека: достаточно очевидно, что в образовании положения 'стоять' принимает участие все тело человека, также очевидно, что в образовании положения 'сидеть' принимает участие нижняя часть тела человека, начиная от ягодиц. Менее очевидно, что для положения 'лежать' ключевой является только верхняя часть тела человека, включая ягодицы. Тем не менее, это так, и об этом свидетельствуют семантически абсолютно правильные примеры типа *Мальчик лежал на полу, задрав кверху ноги*. Если же лежащий человек приподымает верхнюю часть тела, то он меняет положение 'лежать' на положение 'сидеть'.

Предлагаются следующие толкования для глаголов, обозначающих нестандартные положения тела человека:

ОПЕРЕТЬСЯ / ОПИРАТЬСЯ

'Занять / занимать положение, при котором человек, выступающий в роли Агенса, стоя, сидя или лежа, начинает контактировать или контактирует частью тела (спиной, рукой, ногой и т. д.), выступающей в роли Рабочей части, с каким-либо предметом или человеком, играющим роль Опоры'.

Мармеладов стукнул себя кулаком по лбу, стиснул зубы, закрыл глаза и крепко оперся локтем на стол. (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *Когда он впервые встал с постели в присутствии врача и нескольких из своих любимых офицеров, он не хотел ничьей помощи и оперся на меня, пожав при этом крепко мою руку.* (Ф. Булгарин. Воспоминания); *Я прямо внутренне содрогалась, смотрю на Севку — он белый стоит, о притолоку опирается.* (Л. Петрушевская. Такая девочка, совесть мира); *Я сидел, опершись на мусорный бак.* (С. Довлатов. Чемодан); *Он лежал, высоко опираясь головой на подушки.* (Л. Толстой. Война и мир)

УПЕРЕТЬСЯ / УПИРАТЬСЯ

'Занять / занимать положение, при котором человек, выступающий в роли Агенса, стоя, сидя или лежа, начинает контактировать или контактирует частью тела (рукой, ногой, лбом,

подбородком и т. д.), выступающей в роли Рабочей части, или предметом (палкой, ледорубом и т. п.), выступающим в роли Объекта, с каким-либо предметом (Опорой), прилагая при этом определенные усилия’.

[Дворник] *приостановился, уперся подбородком на ручку своей лопаты, оглядел Ордынова.* (Ф. Достоевский. Хозяйка); *Митя подошел к двери на балкон, уперся виском о притолоку, молча смотрел на Олю.* (Н. Атаров. Повесть о первой любви); *Поздним летним вечером Митя Северин выбирался во двор, садился на принесенный с собою стул, упирался босыми пятками в землю и подносил к губам трубу.* (Ю. Буйда. Живем всего два раза); *Оружие друг на друга люди в фуражках и кепках, в разболтанных, со сбитыми набок пряжками, ремнях, упираясь ломami, жердями и обломками рельсов, обжигаясь о головни и дымящееся железо, сбрасывали с насыпи то, что осталось от предпоследнего поезда, на который, как много позже призналась Seraфиму Роза Расуловна, она в Ленинграде пыталась пристроиться, но не смогла.* (А. Дмитриев. Закрытая книга); *Ребята разгребли камыш, взобрались в лодку; Сашко, упираясь лопатой-веслом в кочки, вывел ее на чистую воду.* (Н. Дубов. Небо с овчинку)

ПРИСЛОНИТЬСЯ / ПРИСЛОНЯТЬСЯ

‘Занять / занимать положение, при котором человек, выполняющий роль Агенса, стоя, сидя или лежа, начинает контактировать или контактирует частью тела (рукой, спиной, плечом и т. д.), выступающей в роли Рабочей части, с вертикальной поверхностью (Опора)’.

В гостиной, увешанной ржавым оружием, заставленной причудливой, источенной жучками мебелью, он встал у окна и, глядя на улицу, прислонился лбом к холодному темному стеклу. (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом); *Я сел на землю и прислонился спиной к одной из подпорок.* (В. Пелевин. Чапаев и Пустота); *Страдая от криков того парня и от всего, что видели глаза, и от всего, что входило через нос, Русанов стоял, чуть прислонясь к выступу стены.* (А. Солженицын. Раковый корпус); *Некоторые падали и оставались лежать на месте, прислонившись спиной к фонарю или обняв руками уличную чугунную тумбу.* (В. Катаев. Отче наш)

Примечание: В «Национальном корпусе русского языка» зафиксировано более 300 контекстов употребления глаголов *прислониться* и *прислоняться* с лексически выраженной Рабочей частью. Любопытно, что практически почти всегда речь идет о верхней части тела человека (как правило — рука, спина, плечо, лоб, голова, редко, но встречаются губы, уши). Есть всего два примера с Рабочей частью — нижней частью тела (ногами), но они (по разным причинам) представляются сомнительными:

Если было что-нибудь скучное, я забирался на диван и, прислонившись ногами к стене, смотрел передачу наоборот — вниз головой. (Б. Минаев. Детство Левы); *Изувеченная боярыня решила сама себе помочь: она прежде всего приподняла с полу свои руки и хотела на них опереться, но вывернутые в суставах руки ей не повиновались. Старушка прислонила к полу ногами, но обожженные подошвы ее ног тоже сказали ей, чтобы она на них не надеялась.* (Н. Лесков. Старые годы в селе Плодомасове)

Ср., впрочем, пример из Интернета: *Юрий прислонился бедром к теплоту капоту машины*, — который кажется вполне приемлемым.

ОБЛОКОТИТЬСЯ / ОБЛОКАЧИВАТЬСЯ

‘занять / занимать положение, при котором человек, выступающий в роли Агенса, стоя, сидя или лежа, начинает контактировать или контактирует локтем / локтями / рукой / руками (но не кистью руки!), выполняющими роль Рабочей части, с каким-либо предметом или человеком (Опора)’¹.

Она облокотилась правой рукой на стол и длинным грустным взглядом следила за декламировавшим братцем своим. (Ф. Достоевский. Бесы); *Мария стояла с биноклем в середине арки, облокотившись обоими локтями о подоконник.* (А. Куприн. Колесо времени); *Она обычно лежала облокотившись, подперев щеку ладонью, смотрела, почти не мигая.* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Он пошел в зал для ожидания первого класса, сел на жесткий дубовый диван, облокотился, закрыл ладонью глаза — и так на долгие часы остался неподвижным.* (А. Толстой. Хождение по мукам)

¹ Данное толкование является предварительным. Семантика глагола *облокачиваться* нуждается в дальнейшем изучении.

НАКЛОНИТЬСЯ / НАКЛОНЯТЬСЯ¹

‘Занять / занимать положение, при котором человек, выступающий в роли Агенса, стоя, сидя или находясь в движении, опускает торс / голову, выполняющие роль Рабочей части, в какую-либо точку пространства (вперед, назад, вправо, влево), выступающую в роли Ориентира’.

Тимур Тимурович **наклонился над телефоном** и нажал какую-то кнопку. (В. Пелевин. Чапаев и Пустота); Полковник в кресле повернул ко мне голову, **чуть наклонился вперед** и снял очки, словно чтобы лучше меня разглядеть. (В. Пелевин. Омон Ра); — В гвардию? — спросил окружной военный пристав, **наклоняясь черной прилизанной головой к соседу за столом**. (М. Шолохов. Тихий Дон); Чьи-то плечи заслонили ее плечи, чья-то голова надвинулась на ее профиль, Андрей **наклонился вправо, влево**: еще секунда, другая — и она затеряется в толпе. (Д. Гранин. Искатели); Он **наклонился назад** и что-то сказал лежащей девице. (С. Осипов. Страсти по Фоме); Мы **шли, наклоняясь вперед**, закутав лица так, что оставались лишь узенькие щелки для глаз. (И. Ефремов. Голец подлунный)

НАГНУТЬСЯ / НАГИБАТЬСЯ

‘Занять / занимать положение, при котором человек, выступающий в роли Агенса, стоя, сидя или находясь в движении, опускает торс, выполняющий роль Рабочей части, сгибая его в пояснице, в какую-либо точку пространства (вперед, назад, вправо или влево’), выступающую в роли Ориентира’.

Быстрыми шагами подошла красивая женщина в пушистом свитере — та, что открывала концерт. **Нагнулась сбоку над Максимом**. (В. Крапивин. Болтик); Так сильной боли нет, присесть и тянуть могу нормально, но боль появляется, когда **нагибаюсь назад**, в районе поясницы. (www.powerlifting.ru); Подполковник замолчал на секунду, **нагнулся к сидящему рядом с ним майору** и что-то сказал ему на ухо. (В. Пелевин. Омон Ра); Первый **шел** Радько, низко **нагибаясь**, широко расставляя ноги в кожаных поршнях. (Д. Балашов. Господин Великий Новгород)

¹ Более подробно о глаголах *наклониться* и *нагнуться* см. [Храковский (в печати)].

Самый предварительный вывод, который следует из приведенного анализа, заключается в том, что единый класс глаголов положения в пространстве, представленный в классификации Ю. Д. Апресяна, на самом деле распадается на два класса: в один класс входят глаголы, обозначающие элементарные (стандартные и нестандартные) положения тела человека, а в другой класс входят глаголы, обозначающие неэлементарные нестандартные положения тела человека.

Другой вывод, более общего характера, заключается в том, что в принципе ситуации, обозначаемые глаголами, бывают с одной стороны независимыми (ситуации, обозначаемые глаголами стандартных положений), а с другой стороны зависимыми, которые могут лишь сопутствовать независимым ситуациям (ситуации, обозначаемые глаголами нестандартных положений).

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 2003 — Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография. *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие*. С.-Петербург. С. 7–21.
- Апресян Ю. Д. 2005 — О московской семантической школе. *Вопросы языкознания*. № 1. С. 3–30.
- Апресян Ю. Д. 2006 — Основания системной лексикографии. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Москва. С. 33–160.
- Апресян Ю. Д. 2007 — Трехуровневая теория управления: лексикографический аспект. *Типология языка и теория грамматики. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона*. С.-Петербург. С. 17–21.
- Кравченко Н. Н. 1998 — Когнитивно-семантический анализ глаголов сидеть, стоять и лежать. *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. № 5. С. 62–72.
- Майсак Т. А. 2005 — *Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции*. Москва.
- Храковский В. С. (в печати) — Два глагола — наклониться и нагнуться (К вопросу о соотношении глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека). В печати.
- Рахилина Е. В. 2000 — *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. Москва.

- Grinevald C. 2005 — Vers une typologie de l'expression de la localisation statique: le cas des prédicats locatifs. *Lazard G., Moyse-Faurie* (eds.) *Linguistique typologique*. Lille: Presses Universitaires du Septentrion, 33–54.
- Kuteva T. A. 1999 — On 'sit' / 'stand' / 'lie' auxiliation. *Linguistics*. Vol. 37, № 2, 191–213.
- Newman J. (ed.). 2002 — *The Linguistics of Sitting, Standing, Lying*. John Benjamin's Publishing Company, Amsterdam / Philadelphia.

STANDARDSEID JA MITTESTANDARDSEID INIMKEHA ASENDEID TÄHISTAVATEST VERBIDEST

S. Dmitrenko, V. Hrakovski

Vaadeldakse nii elementaarseid, kui ka mitteelementaarseid inimkeha asendeid tähistavaid tegusõnu. Elementaarsed võib jagada loomulikke e. standardseid asendeid tähistavateks (*лежать, сидеть, стоять*) ja eba-loomulikke e. mittestandardseid asendeid tähistavateks (*опираться, упряматься, прислоняться, облачиваться, наклоняться, нагибаться*). Mittestandardised asendid saadavad alati standardseid ning teatud määral modifitseerivad neid.

Näidatakse, et inimene ei saa olla samaaegselt kahes standardasendis, st nt seista ja lamada, seista ja istuda, lamada ja istuda. Samas võib ta olla samaaegselt kahes mittestandardises asendis, nt kummarduda ja toetuda. Pakutakse välja analüüsitavaid verbide seletus ning jõutakse järeldusele, et situatsioonid, mis on esitatud standardasendite verbidega, on oma olemuselt sõltumatud. Situatsioonid, mis on esitatud mittestandardasendite verbidega, sõltuvad standardasendite verbidest ning esinevad koos nendega.

НАИМЕНОВАНИЯ ОДЕЖДЫ КАК ЭТНИЧЕСКИЙ СИМВОЛ

С. Б. ЕВСТРАТОВА

Одежда является составной частью бытового пространства в языковой картине мира любого народа и одним из важнейших средств характеристики литературных персонажей. Деталь костюма может всецело определять внешний облик персонажа, его принадлежность к определенной культуре и эпохе. Наименования одежды являются культурными знаками, которые помогают нам представить особый мир целых поколений и смысл которых иногда нуждается в расшифровке, особенно в результате смены культурных кодов при переводе текста с одного языка на другой. «Художественный концепт как единица перевода требует осмысления его лингвокультурного наполнения в оригинале, в противном случае доминантные смыслы авторского мировидения предстанут утраченными» [Сырица 2006: 280].

Этнографический и бытовой материал, лежащий в основе «Записок охотника» И. С. Тургенева, вводит нас в атмосферу русской народной жизни XIX столетия. Объектом нашего исследовательского внимания является один из фрагментов этого материала и отражение его специфики в переводе «Записок» на эстонский язык (переводчик — Erni Krusten “Küti kirjad” 1950, 1959). Перевод в свое время получил высокую оценку читателей и критиков, и мы не намерены оспаривать это мнение, однако хотели бы поделиться своими наблюдениями над переводом названий одежды.

Как уже отмечалось ранее, среди признаков этнического своеобразия любого народа одежде принадлежит одно из первых мест. Ханс Вайгель в своей широко известной «Книге одежды, из которой можно узнать о костюмах почти всех известных в настоящее время наций» (1577) писал о том, что каждую нацию и каждый народ можно узнавать и отличать как по мужской, так и по женской одежде и платью. Именно в XIV–XVII веках, то есть пору становления русского этноса, сформировались основные типы мужской и женской рубахи, мужских штанов, различные виды кожаной и лыковой обуви, головных уборов. Тогда же началась выработка общенациональных форм одежды, результатом чего стало ее сравнительное единство на всем пространстве расселения русского народа. Традиционный костюм XVIII – начала XX века отличался ярко выраженной этнической спецификой, а включение в состав народного костюма элементов одежды европейского образца началось лишь в 20–30-е годы XIX века.

Фонд названий народной одежды огромен и чрезвычайно разнообразен. Мужской костюм состоял из рубахи-косоворотки, штанов; дополняли костюм шапка, валянная из овечьей шерсти, кожаные сапоги или лыковые лапти. Женский костюм, сохраняя общерусские черты, был более разнообразен: сарафан, рубаха, кокошник для женщин и венец для девушек; понева, рубаха, сорока для женщин и повязка для девушек, кожаная или лыковая обувь. Верхняя одежда была более единообразна. По всей России женщины и мужчины зимой носили одежду из меха: шубы, полушубки, тулупы, а в осенне-зимний сезон — одежду из сукна: кафтаны, зипуны, армяки, ферязи и т. п.

Костюм с юбкой (полосатой, реже однотонной), рубахой со стоячим воротником, жилеткой, широким поясом и кокошником был известен в ряде сел южных губерний Европейской России, где он соседствовал с поневным комплексом, в соответствии с правилами ношения которого четко различались костюмы девушек и замужних женщин, причем различие это проявлялось главным образом в головных уборах. Одежду

шили из льняных, конопляных и шерстяных тканей домашнего изготовления, а также из фабричных тканей.

Характерной чертой русского национального костюма было его единообразие на всей территории расселения русского народа. «Региональные или местные отличия казались незначительными и проявлялись в количестве предметов, составляющих костюм, в манере ношения одежды, деталях кроя, расположении орнамента на рубаше, его цветовой гамме, в технике плетения пояса и форме головного убора» [Русский традиционный быт 2003: 497].

Особенностью русского традиционного костюма было также то, что он разделял людей по возрасту, семейному положению, социальному статусу. Кроме того, он всегда соответствовал конкретной ситуации или определенному событию в жизни людей.

Зналок особенностей русского быта, И. С. Тургенев подробно описывает одежду персонажей своих произведений. Для писателя характерно «выпячивание какой-либо бытовой детали, случайно брошенной, как прием характеристики» [Виноградов 1976: 235], как средство воссоздания атмосферы того времени. Именно поэтому необходимо внимательное изучение этих знаковых средств культуры, особенно при переводе, требующем смены культурных кодов.

Методом сплошной выборки нами были выписаны из тургеневских рассказов все наименования одежды в количестве 46 (включая повторы). Изучение данного лексико-семантического поля позволило распределить составляющие его языковые единицы по четырем рубрикам: в первую включены названия одежды, при переводе которых на эстонский язык не возникает потери смысла; вторая группа представлена менее удачными переводами, зачастую вступающими в противоречие с оригиналом; в третьей группе наименований одежды используется латинизация русских слов с сопутствующим комментарием в тексте. Особняком стоит четвертая группа, когда при переводе лексемы изменяют семантический объем обозначаемых реалий, а коннотативный фон рассматриваемых контекстов оказывается размытым.

Рассмотрим первую группу названий одежды, в которую входят лишь выделенные наименования.

- (1) Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избёнках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит **лапти**; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в **сапогах**. (с. 7)

Orjoli talumees on kasvult väike, vimmakas, sünge, vaatab altkulmu, elab viletsais haavapiust hurtsikuis, on teoorjuses; ta ei kaubitse, sööb halvasti ja kannab viiskusid; Kaluuga renditalumees elutseb avarais pedakastes taredes, on kasvult pikk, vaatab rõõmsalt ja julgelt, näolt puhas ja valge; kaubitseb või ning tõkatiga ja kannab pühapäeviti säärikuid. (lk. 3)

- (2) При этом слове Хорь поднимал свою ногу и показывал Калинычу **сапог**, скроенный, вероятно, из мамонтовой кожи. (с.17)

Seda öeldes tõstis Hor oma jala kõrgele ja näitas Kalinõitšile saabast, nii tugevat, nagu oleks see mammutinahast tehtud. (lk. 14)

- (3) За несколько медных грошей баба отдает «корлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину **рубашу** и собственную **паневу**. (с. 15)

Naine annab „kotkale” mõningate vaskkrosside eest ära mitte ainult tarbetuid kaitse, vaid sageli ka mehe särgi ja omaenda seeliku. (lk. 12)

- (4) Этот человек ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом **кафтани** немецкого покроя, но подпоясывался **кушаком**; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком. (с. 20)

See mees käis nii suvel kui talvel kollakas puuvillases kaftanis, mis oli õmmeldud saksa lõike järgi, kuid rihmaga võõtatud; ta kandis siniseid kottpükse ja tallenahkset mütsi, selle mütsi oli talle kord lõbusal hetkel kinkinud keegi vaesunud mõisnik. (lk. 17)

- (5) Дом у него в порядке необыкновенном: даже кучера подчинились его влиянию и каждый день не только вытирают хомуты и **армяки** чистят, но и самим себе лицо моют. (с. 125)

Ta maja on haruldaselt korras; isegi kutsarid on tema mõjule alistanud ja puhastavad iga päev mitte ainult range ja vammuseid, vaid pesevad nägugi. (lk. 61)

- (6) В нескольких шагах от двери, подле грязной лужи, в которой беззаботно плескались три утки, стояло на коленках два мужика: один — старик лет шестидесяти, другой — малый лет двадцати, оба в **замашных** заплатанных **рубяхах**, на босу ногу и подпоясанные веревками. (с. 133)
*Uksest mõned sammud eemal, mudase lombi ääres, milles oli murretult lobistamas kolm parti, põlvitasid kaks talumeest: üks neist oli aasta kuuekümnene vanamees, teine — kahekümne-aastane poiss, mõlemad **kanepistes** paigatud **särkides**, palja jalu ja nõõridega võõtatud.* (lk. 70)
- (7) <...> девочка лет двенадцати, в **рубашонке**, подпоясанная **покромкой**, с фонарем в руке, показалась на пороге. (с. 156)
 <...> *umbes kaheteistkümnne-astane tütarlaps, seljas **ultusäärega** võõtatud **särgike**, ilmus lävele, latern käes.* (lk. 94)
- (8) На нем были новые **ланги** и **онучи**; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала ему опрятную черную свитку. (с. 91)
*Ta kandis uusi **viiske** ja **jalanartse**; jäme nõõr, kolm korda ümber keha keeratud, tõmbas hoolikalt kokku ta korraliku musta sviita.* (lk. 117)
- (9) — Вот и соврал, — перебил его парень, рябой и белокрысыый, с красным галстуком и разорванными локтями, <...> насилу ноги домой приволок, да с тех пор все в одном **кафтанишке** живешь. (с. 149)
*„Vaat kui luiskab,“ katkestas teda rõugearmiline ja linalakk poiss punase kaelasidemega ja lõhkiste küünarnukkidega, „vaevu vedasid oma sõrad jälle koju ja sellest ajast peale käid ikka ühes ja sellessamas **kaftaninärus**“.* (lk. 86–87)

Выделенные наименования имеют давнюю традицию использования и в русской, и в эстонской культуре, являясь универсальными наименованиями — эквивалентами, понятными носителям обоих языков. Однако хотелось бы отдельно остановиться на некоторых наименованиях. Русским *сапогам* (1–2) соответствуют *säärikud* (1) и *saapad* (2). В современных объяснительных словарях эстонского языка оба варианта приводятся как синонимичные [Eesti kirjakeele 1998, V, 2: 251; Eesti kirjakeele 2000, V, 4: 757], причем в настоящее время лексема *säärikud* имеет разговорный оттенок, однако в этнографическом словаре [Manninen 1993: 54] и «Eesti rahvakultuuri leksi-

kon» [Eesti rahvakultuuri 2000] дается лишь первый вариант — *säärrikud*: *säärega saapad* как более точно называющий историческую реалию, а именно — сапоги с высокими голенищами.

Наиболее распространенной крестьянской одеждой в России XIX века был *кафтан* и его разновидности: *полукафтан*, *свитка*, *поддевка*, *сибирка*, *азям*, *зипун*, *сермяга*, *чуйка* [Федосюк 1998: 186–187]. Историки русского костюма отмечают, что для крестьянской одежды не существовало строго определенных, постоянных названий: многое зависело от местных говоров, в русской классической литературе приведенные названия смешиваются даже у одного автора. Аналогичная картина наблюдается в эстонском языке: в ряде источников даются такие наименования кафтана, как *pihtkuub*, *pikk-kuub*, *vammus*, *suur-jäku*, *kuub* [Manninen 1993: 43; Eesti rahvakultuuri 2000: 38], и только в объяснительном словаре эстонского языка мы находим слово *kaftan* как обозначение реалии русского быта, известное и эстонским крестьянам [Eesti kirjakeele 1992: 38]: “etn. vanaaegne pikk meeste pealiskuub (Venemaal jm.)”.

Е. Krusten использует различные варианты, учитывая наиболее общие, частотные характеристики этого вида одежды: *кафтан* — *kaftan*, *армяк* как «широкое, длинное одеяние вольного покроя, напоминающее халат» [Федосюк 1998: 187] — *vammus* как «(muistne) meeste pealiskuub, <...> on tähendanud pikemat ülririet (pikka kuube)» [Manninen 1993: 63], *архалук* (*полукафтан*) — *lühikuub*. Перечисленные названия реализуют свою культурную семантику и в оригинальном, и в переводном текстах, актуализируя основное значение «крестьянская верхняя одежда». Следует, однако, отметить, что в русской культурной традиции армяк являлся верхней крестьянской одеждой не только мужчин, но и женщин, в то время как в эстонской культуре эти названия дифференцировались, обретая дополнительный смысл: *vammus* — одежда для мужчин, *kampsun* — аналогичная одежда для женщин [Manninen 1993: там же; Eesti kirjakeele 1992: 84].

Забытое современным читателем словосочетание *замашные*, или *посконные*, *рубахи* (6), называющее столь характерные как для русского, так и для эстонского крестьянского быта

рубашки из замашки, то есть холста, сотканного из конопли [РТБ 2003: 148], переводится на эстонский язык при помощи эквивалентного, семантически точного словосочетания *kanepised särgid* [Eesti kirjakeele 1992: 93], причем к нему, в отличие от выражения *kanepitoit*, то есть эстонская национальная пища, приготовленная из семян льна, не дается помета *etn.* / этнографическое [Eesti kirjakeele 1992: там же].

При переводе с одного языка на другой неизбежно приходится говорить об утрате определенных оттенков смысла, о соотношении переводимых и непередаваемых элементов. В первой группе выделенных нами примеров явно доминируют переводимые элементы, поскольку многие из них являются универсальными, общими для эстонского и русского культурных контекстов, чего нельзя сказать о второй, наиболее многочисленной, группе примеров, во многом имеющих идиозмический характер и содержащих неточности при изменении культурных кодов в процессе перевода текста с одного языка на другой.

Ознакомимся с материалом, включенным во вторую группу:

- (10) *За несколько медных грошей баба отдает «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную панеу.* (с. 15)

Naine annab „kotkale” mõningate vaskkrosside eest ära mitte ainult tarbetuid kalte, vaid sageli ka mehe särgi ja omaenda seelikku. (lk. 12)

- (11) *Я, разумеется, тотчас же приказал ее остричь, одеть в затпанез и сослать в деревню.* (с. 28)

Mina, endastki mõista, käskisin tal sedamaid pea paljaks pügada, matsiriided talle selga ajada ja külasse saata. (lk. 26)

- (12) *Этот человек ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя, но подпоясывался кушаком; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком.* (с. 20)

See mees käis nii suvel kui talvel kollakas puuvillases kaftanis, mis oli õmmeldud saksa lõike järgi, kuid rihmaga vöötatud; ta kandis siniseid kottpükse ja tallenahkset mütsi, selle mütsi oli talle kord lõbusal hetkel kinkinud keegi vaesunud mõisnik. (lk. 17)

- (13) <...> они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые **тулупы**, масляные горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком, подметали банными вениками сор. (с. 129)
 <...> nad kandsid sealt välja igasugust pahna, tühje puust kanne, kangestunud **kasukaid**, võipütte, kätki terve kuhja kaltsudega ja kirjult rietatud lapsega, pühkisid saunavihtadega prahti välja. (lk. 65–66)
- (14) Зато ключница у него <...> по буднишним дням ходит в накрахмаленных платьях, а по воскресеньям и **кисейные** рукава надевает. (с. 165)
 Küll aga tal virtin <...>, kes isegi argipäevadel käib targeldatud kleitides, kuid pühapäeviti tõmbab koguni **musliinist** käised üle. (lk. 104–105).
- (15) Экипаж, правда, у Хвалынского формы довольно старинной; на лакеях ливрея довольно потертая (о том, что она серая с красными **выпушками**, кажется, едва ли нужно упомянуть) <...>. (с. 166)
 Tõsi, kindral Hvalõnski sõiduk on üsna vanamoeline; teenrite livreed on kaunis kulunud (seda, et need on hallid ja punaste **kantidega**, maksab vist vaevalt meenutada) <...>. (lk. 105).
- (16) На нем была довольно опрятная суконная **чуйка**, вдетая на один рукав <...>. (с. 211)
 Ta kandis üsna korralikku villast **pikkvammust**, mis oli üht käist pidi selga tõmmatud <...>. (lk. 115)
- (17) Одет он был в желтый, истасканный **архалук** с черными **плисовыми патронами** на груди и полинялыми серебряными галунами по всем швам; через плечо висел у него рог, за поясом торчал кинжал. (с. 274)
 Ta oli rietatud kollasesse kantud **lühikuube** mustade **plüüšpadrunitega** rinnal ja pleekinud hõbedaste tressidega kõikidel õmblustel; üle õla rippus tal jahisarv, puusal tõllerdas pistoda. (lk. 356)
- (18) Надеваю я месяц, ровно как **кокошник**, и так сама сейчас вся засияла, все поле вокруг осветила. (с. 335)
 Asetasin siis kuu pähe, täitsa nagu **kokošnik**, ja sedamaid lõin ise üleni hiilgama, näitasin valgust ümberringi kogu põllule. (lk. 142)
- (19) В бильярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскрасневшиеся лица, усы, хохлы, старомодные **венгерки** и новейшие **свято-славки**. (с. 237)

Piljarditoas vilksatas läbi suitsupilvede punetama lõõnud nägusid, vurrusid, juuksetutte, vanamoelisi nöörikuubesid ning kõige uuemaid svjatoslavkasid. (lk. 308)

Рассмотрим некоторые примеры из этой группы.

Слово *панева* (10) переводится как *seelik*, что является семантически неточным, поскольку *панева* — не просто юбка, а «элемент крестьянского костюма замужней женщины; представляет собой кусок ткани домашней работы, обернутой вокруг талии внахлест, с разрезом сбоку или спереди» [РИБС 1999: 318]. Данный вид одежды в эстонских источниках обозначается как *vaipseelik* [Eesti kirjakeele 2000; Eesti rahvakultuuri 2000], что является более точным вариантом перевода, хотя потеря оттенков смысла при этом неизбежна. Не совсем удачным следует признать и пример (13), в котором лексема *тулуп* — «верхняя крестьянская одежда из дубленой овчины» [РТБС 1999: 462] переводится как *kasukas* — “pealisriidega v. pealisriideta karusnahast ülerõivas” [Eesti kirjakeele 1992: 148].

Не совсем точным является предлагаемое переводчиком соответствие *шапка со смушками*: смушка — «овчина из шкурки маленького ягненка; отличается мелкими завитками шерсти; шла на шапки, отделку одежды и др.» [РИБС 1999: 428] и *tallenahkne müts* (‘шапка из смушки’).

Что касается примера (11), то название одежды *затрапез* также нуждается в дополнительном комментировании, поскольку это — дешевая хлопчатобумажная ткань из разноцветных ниток, изготовлявшаяся на фабрике купца Затрапезнова в Ярославле [Федосюк 1998: 193], а не просто *matsiriided* (‘мужичья одежда’). Культурологический комментарий представляется в данном случае особенно уместным и потому, что слово *затрапезный* широко используется в современном русском языке. В дополнительных пояснениях нуждаются, на наш взгляд, и такие лексемы, как *венгерки со святославками*, *кисея с муслином*, *кокошник*, *выпушки* (не просто кант как тонкая полоска шитья по кромке, а полосы цветного сукна, вшитые в швы фирменной одежды), *чуйка*. При переводе необходимо учитывать не только денотативные, но и коннотативные смыслы выделенных слов, поскольку в контакт вступают раз-

ные языковые менталитеты. Например, к слову *венгерка* дается описательный перевод *nõörkiub* (19), и эстонский читатель понимает, о каком виде одежды идет речь, но при этом утрачивается целый спектр значений: то, что этот вид одежды был заимствован у венгерских гусар и венгерки в память о славном прошлом носили также осевшие в провинции отставные русские офицеры [Федосюк 1998: 178].

Довольно редко употребляемое наименование короткого кафтана *архалук* (17) переводится как *lühikuub*, и с этим можно согласиться, хотя некоторые оттенки смысла (например, точное происхождение наименования) при этом утрачиваются. Однако данная лексема не включена в *Eesti kirjakeele seletussõnaraamat* [Eesti kirjakeele 1993], ей дается объяснение лишь в словаре И. Маннинена [Manninen 1993] и в *Eesti rahvakultuuri leksikon* [Eesti rahvakultuuri 2000]. Эстонского читателя может привести в замешательство и словосочетание *плюшевые патроны* / *plüüšpadrunid* (17), которое ни в одном эстонском словаре не толкуется как деталь одежды.

И. С. Тургенев создает свое пространство восприятия, в котором наименования одежды играют очень важную роль, и они должны быть значимы и понятны, хотя многие из них устарели и неясны даже русскому читателю. Многие слова, понятные в пятидесятые годы прошлого столетия, когда был осуществлен перевод «Записок охотника» на эстонский язык, также вышли из активного употребления. Однако противоречия между текстом оригинала и его переводом возникают не только из-за временного разрыва между ними, но прежде всего из-за различия между двумя культурами, в результате смены культурных кодов, когда многие этнические символы утрачивают свою прозрачность. Поэтому наиболее приемлемым представляется способ наименований одежды, вынесенных в третью группу. Это самая малочисленная группа примеров, и мы включаем в нее наименования не только русской национальной одежды, поскольку в данном случае важно выделить именно способ подачи материала.

- (20) На Аркадии Павлыче были широкие желтые шаровары, черная бархатная куртка, красивый **фес** с синей кистью и китайские желтые туфли без задков. (с. 126)

Arkadi Pavlõts kandis laiu siidist kottpükse, musta sametist pihtkuube, ilusat sinise tupsuga fessi <внизу страницы дан перевод: *fess — idamine müts* ja kollaseid ilma kandadeta hiina tuhvleid. (lk. 62)

- (21) Я обернулся и увидел маленькую крестьянскую девочку, лет восьми, в синем **сарафанчике**, с клетчатым платком на голове и плетеным кузовком на загорелой голенькой руке. (с. 120)

Ma pöördusin ümber ja nägin väikest, umbes kaheksa-aastat talutüdrukut, kel oli sinine sarafan <внизу страницы дан комментарий: *sarafan — käisteta pihtseelik*> *seljas, ruuduline rätik peas ja punutud korvike päevitunud palja käe otsas.* (lk. 55)

- (22) В противоположном углу, направо от двери, сидел за столом какой-то мужичок в узкой изношенной **свите**, с огромной дырой на плече. (с. 213)

Vastasnurgas, paremal pool ust, istus mingi mehike ärakantud hallikas sviitas <в низу страницы дано пояснение: *sviita — uk-rainlaste pikk üleriie*>, *mille õlal hiiglasuur auk.* (lk. 118)

- (23) <...> на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во **фризовой** шинели, низко подпоясанный голубым кушачком. (с. 211)

<...> kõrtsi lävele ilmus kõrget kasvu mees — ilma mütsita, friisriidest <внизу страницы дано объяснение: *friisriie — teat. plüüsisarnane riie*> *sinelis, mis oli madalalt sinise vööga vöötatud.* (lk. 115)

Л. А. Новиков называл себя сторонником «максимальной «кириллизации» иностранных слов и выражений. В нашем случае можно говорить о латинизации русских названий одежды, то есть приспособлении их к системе заимствующего языка посредством транслитерации с сопутствующим текстовым комментарием. Возможен и другой прием: использование иноязычного (русского) слова в тексте в его исконной форме, в виде так называемых иноязычных вкраплений, но этот вариант представляется более проблематичным. В нашем случае перевода нет, есть только транслитерация — «не потому, что мы такие неповторимые, а потому, что это очерчивает «траекторию жизни» слова в русском языке и русской культуре» [Ба-

бенко 2007: 136] и наименование одежды становится этническим символом.

Четвертая группа примеров стоит особняком, поскольку переводчик непоследовательно использует диминутивы или соответствующие им языковые средства, что зачастую приводит к изменению коннотативного фона наименований одежды, и тогда читатель эстонского перевода не ощущает эмоционального усиления слов, утрачивается тургеневская интонация.

- (24) Мальчишки в длинных **рубашонках** с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали головы, закидывали ноги кверху <...>. (с. 128)

Pikkades särkides poisipõnnid põgenesid hädakisaga taredesse, heitsid kõhuli kõrgeile künnistele, lasksid pead rippu, paiskasid jalad ülespoole <...>. (lk. 65)

- (25) Купец вручил приказчику небольшую пачку бумаги, поклонился, потряхнул головой, взял свою шляпу двумя пальчиками, передернул плечами, придал своему стану волнообразное движение и вышел, прилично поскрипывая **сапожками**. (с. 146)

Kaupmees andis peakontoristile väikese paberipaki, kummardas, raputas pead, võttis kahe sõrmega oma mütsi, väristas õlgu, andis oma pihale vaba liikumise ja väljus viisakalt saapaid kriuksutades. (lk. 83)

- (26) Как к любезной я ходил,
Все **сапожки** обносил... (с. 25)

*Kui kallil musu andsin ma,
Kõik saapad ära kandsin ma... (lk. 22)*

- (27) <...> на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанный голубым **кушачком**. (с. 211)

<...> kõrtsi lävele ilmus kõrget kasvu mees — ilma mütsita, friisriidest sinelis, mis oli madalalt sinise vööga vöötatud. (lk. 115)

- (28) Людей у Мардария Аполлоныча множество, и все одеты по-старинному: в длинные синие **кафтаны** с высокими воротниками, панталоны мутного колорита и коротенькие желтоватые **жилетцы**. (с. 167)

Mõisateenijaid on Mardari Apollonõiõil terve vägi ja kõik nad kannavad vanaaegset riietust: pikki siniseid kõrgete kraedega kaf-

taneid, ähmase värvinguga pükse ja lühikesi kollakaid vestikesi.
(lk. 107)

(29) <...> девочка лет двенадцати, в **рубашонке**, подпоясанная покромкой, с фонарем в руке, показалась на пороге. (с.156)

<...> *umbes kaheteistkümmne-astane tütarlaps, seljas ultusäärega võõtatud särigike, ilmus lävele, latern käes.* (lk. 94)

«Все окружающие нас вещи включены не только в практику вообще, но и в общественную практику, становятся как бы сгустками отношений между людьми и в этой своей функции способны приобретать символический характер. ... Быт, в символическом его ключе, есть часть культуры» [Лотман 1994: 10–11], и при включении идиоэтнических наименований в контекст другой культуры данный момент необходимо учитывать.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Н. 2007 — *Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна*. С.-Петербург.
- Виноградов В. 1976 — *Поэтика русской литературы: Избр. труды*. Москва.
- Лотман Ю. 1994 — *Беседы о русской культуре*. С.-Петербург.
- Мыльников А. 1999 — *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы*. С.-Петербург.
- РИБС 1999 — *Российский историко-бытовой словарь*. Под ред. Л. В. Беловинского. Москва.
- РТБ 2003 — *Русский традиционный быт*. Энциклопедический словарь. — С.-Петербург.
- РТК 1998 — *Русский традиционный костюм*. Иллюстрированная энциклопедия. Авт.-сост. Н. Соснина, И. Шангина. С.-Петербург.
- Сырица Г. 2006 — К проблеме перевода художественного концепта: концепт ДОМ. *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX. Взаимодействие языков и языковых единиц*. Тарту 2006. С. 271–282.
- Федосюк Ю. 1998 — *Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века*. Москва.
- Эстонская народная 1960 — *Эстонская народная одежда*. Таллин.
- Astel, E. 1998 — *Võõd. Tartu*.
- Eesti kirjakeele 1998 — *Eesti kirjakeele seletus-sõnaraamat*. Tallinn.

Eesti rahvakultuuri 2000 — Eesti rahvakultuuri leksikon. *Eesti Entsüklopeediakirjastus*. Tallinn.

Manninen, I. 1993 — *Etnograafiline sõnastik*. Tallinn.

Manninen, I. 1934 — *Rahvariiete ajalugu*. Lk. 454–457.

RIIDEESEMETE NIMETUSED ETNILISE SÜMBOLINA

S. Jevstratova

Artiklis vaadeldakse riideesemete nimetusi I. Turgenevi „Küti kirjade” nii venekeelses tekstis, kui ka eestikeelses tõlkes. Riided on igapäevase elu osa iga rahva keelises maailmapildis. Ühest keelest teise tõlkimisel lähevad mõned tähenduse nüansid paratamatult kaotsi.

Antud leksikaal-semantilise rühma uurimise tulemusena jaotati kõik analüüsitavad sõnad neljaks rühmaks. Esimesse kuuluvad riiete nimetused, mille puhul originaalkeeles ja tõlkes on täheldatav sõnade täielik semantiline kattuvus (*ланти* — *viisud*, *замашная рубаха* — *kanepist särk*). Teise rühma moodustavad etnilise komponendiga sõnad, mille puuduvad täpsed eestikeelsed vasted (*панева* — *seelik*, *тулун* — *kasukas*). Kolmandas rühmas on rõivaste nimetused, mida tõlkija translitereerib ja annab lühikese kommentaari joonealuses märkuses (*сарафан* — *sara fan*, käisteta pihtseelik; *свита* — *sviita*, ukrainlaste pikk üleriie). Neljanda rühma moodustavad sõnad, mille eestikeelsetes tõlgetes on muutunud leksikaaltähenduse nüansid (*рубашонка* — *särk*, *särgike*).

„Küti kirjade” võrdlev analüüs tõestab, et kui tõlkija kasutab ühe rahva riiete nimetusi teise kultuuri kontekstis, peab ta neid erisusi arvesse võtma. Artikli autori arvates on kõige täpsem ja väljendusrikkam variant, kui kasutatakse translitereeritud nimetusi lühikese eestikeelse kommentaariga.

КАТЕГОРИЯ ВИДА В ПОЭТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТАХ¹

Л. В. ЗУБОВА

Многочисленные грамматические аномалии в поэзии второй половины XX – начала XXI в., в том числе связанные с глагольным видом, показывают высокую степень художественной мотивации ненормативных явлений. Тем самым весьма наглядно подтверждается, что «мотивированность образования языковых знаков тесным образом связана с культурологическим аспектом языковой системы. Языковые знаки — это своеобразные артефакты, создаваемые носителями языка в соответствии с особенностями своей культуры» [Шелякин 2005: 104]. Поэты — люди особенно чувствительные к языку, к его устройству и возможностям, а современная поэтическая культура, во многом ориентированная на выражение необычного восприятия мира, допускает и поощряет вольное обращение со всеми языковыми знаками, в том числе и с грамматическими. Е. В. Красильникова пишет в статье, обобщающей наблюдения над поэтической грамматикой XX века: «[После футуристов и обэриутов. — Л. З.] нацеленность на “расшатывание”, “разрушение”, “ломку”, “преодоление” грамматики во-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Грамматика в современной поэзии» РГНФ № 08-04-00214а. Благодарю А. В. Бондарко за ценные советы, которые помогли уточнить многие формулировки при подготовке статьи.

шла в языковое сознание или дала рефлексы в реальной поэтической практике многих поэтов» [Красильникова 1993: 222].

Задача этой статьи — проанализировать те процессы глагольного видообразования, которые находят наиболее активное и наиболее отчетливое воплощение в современных поэтических текстах, ориентированных на языковой эксперимент. Соответственно, в центре внимания находятся отступления от нормы, представляющие собой «отрицательный материал», о ценности которого для изучения живых языков писал Л. В. Щерба [Щерба 1974: 33]. Только Щерба предлагал лингвистам обратить внимание на ошибки, а в тех текстах, которые будут анализироваться далее, «отрицательный материал» создается поэтами сознательно, с определенными художественными задачами.

При несомненных достижениях аспектологии, детально исследующей систему глагольных видов во многих противоречиях и тончайших смысловых нюансах этой категории¹, не лишним оказывается и внимание к формам вида в особых условиях поэтического текста, так как эстетическая функция языка предполагает интерес отправителя и получателя информации не только к означаемому, но и к означающему. Свойства языковых единиц формируются в поэзии сложным сплетением различных авторских и читательских ассоциаций. Естественно, языковой опыт, вкусы и чувство языка у авторов стихов и читателей не могут полностью совпадать², но поэты нередко направляют внимание читателей, тем более читателей-

¹ Историю изучения видов и обсуждение теоретических проблем аспектологии см., например, в работах: [Авилова 1976; Бондарко 1983, 1996; Гловинская 2001; Зализняк, Шмелев 2000; Исаченко 2003; Маслов 1984; Перцов 1998; Петрухина 2000; Плунгян 2000; Ремчукова 2005; Силина 1982; Тихонов 1998; Шелякин 1983, 2008].

² «На самом деле языковая информация не воспринимается получателем, а воссоздается в его сознании путем интерпретации знака, с которым у получателя ассоциируется соответствующая информация» [Шелякин 2005: 17].

лингвистов, на такие свойства языка, которые становятся заметными именно благодаря поэтической специфике текстов.

Современная поэзия, наряду с другими сферами активного языкотворчества (художественной прозой, публицистикой, разговорной речью, см., напр.: [Норман 2006: 63–66; Ремчукова 2005: 167–279]), свидетельствует о значительном слово- и формообразовательном потенциале глагольного вида, не всегда проявленном кодифицированной грамматикой. Впрочем, категория вида вряд ли может быть достаточно определенно кодифицирована, так как «видообразование в славянских языках отличается известной иррегулярностью, “капризностью”, неизвестной в такой степени в других областях глагольного формообразования» [Исаченко 2003: 138]. Скорее можно говорить об отклонениях не от кодифицированного, а от узуального употребления форм, и устанавливать эти отклонения приходится больше по интуиции, чем по зафиксированным правилам. В большинстве случаев видовые неологизмы возникают в ситуациях языкового конфликта между синтагматикой и парадигматикой, грамматической моделью видообразования и лексическим значением слова, видовой функцией приставки и ее семантикой. Эти конфликты вызваны свойствами самой категории вида, до сих пор находящейся в стадии становления. Характерно, что именно в разделе о категории вида А. М. Пешковский писал: «Здесь опять надо вспомнить об иррациональности языка и о психологических, а не чисто логических корнях его» [Пешковский 1938: 125]. Для анализа примеров из современной поэзии существенно, что глагольный вид является категорией интерпретационной [Бондарко 1996: 7–8].

Рассмотрим несколько явлений, отражающих самые многочисленные эксперименты поэтов в сфере аспектуальности: обратное словообразование, вторичную имперфективацию, перфективацию, вид в аналитических формах сказуемого и видовое сопоставление однокоренных глаголов в пределах узкого контекста.

1. ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Парадигматические предпочтения, характерные для современной поэзии [Зубова 2003], склонность этой поэзии не столько воспроизводить грамматические реликты в составе фразеологизмов, сколько воссоздавать забытые свойства и грамматические отношения языковых единиц, а также указывать на возможные будущие состояния языка, часто приводят к заполнению нормативных лакун под давлением системы, в частности, к обратному словообразованию:

Зверей не буди, захожсий, / Посоха не рони¹ (В. Карпец. «Ordnung aus Osten»); *Мир бременить шеренгой пар, / За рожей строя обрину...* (А. Страхов. «Зреть в зеркалах, цвести у витрин...»); *Но, пока соберутся меня непелить / Долгокосые сестры-зарницы, / Разреши на меже поваляться в пыли: / Так от блох избавляются птицы* (А. Страхов. «На бумаге, пером пролагаю между...»); *А покойник сунился печально* (Е. Шварц. «Труды и дни Лавинии, монахини из ордена обрезания сердца»); *выходи на проповедь, и стану / Духотворить судьбу твою и мысль!* (О. Охапкин. «Возвращение Одиссея»).

На синхронном уровне авторские формы несовершенного вида произведены от глаголов совершенного: *уронить, обременить, испелить, насуниться, одухотворить*. Диахронически же эти формы с большой вероятностью были производящими для форм совершенного вида. Поэты уstraняют приставки, которые внесли в глаголы частные значения способов действия, в результате глаголы получают обобщенное лексическое значение. Игнорирование связанности морфем — одно из проявлений общей тенденции современной поэзии (как и других сфер речевой креативности) к дефразеологизации языка.

При обратном словообразовании встречается контекстуальное омонимическое столкновение современного слова с архаизмом, например, когда в семантическом сдвиге участвует глагольное управление:

Мне стыдно вам казаться на глаза / Пловцы работники сутяги вору / Вникать невольно в ваши разговоры / И нехотя испыты-

¹ Здесь и далее шрифтовые выделения мои. — Л. З.

вать азарт // Борьбы на выживание (С. Вакуленко. «Мне стыдно вам казаться на глаза»).

В этом примере с обманутым ожиданием (ср. нормативное управление: *казаться кем-либо, каким-либо*) нет заполнения лакуны, поскольку норма позволяет говорить и *показаться на глаза*, и *показываться на глаза*.

К обратному словообразованию во многих случаях располагают темы стихов, изображаемые ситуации. Картины смерти, религиозная образность часто вызывают употребление архаизмов, каковыми и являются по сути приведенные авторские имперфективы.

2. ВТОРИЧНАЯ ИМПЕРФЕКТИВАЦИЯ

Наибольшее количество примеров авторских видовых форм демонстрирует вторичную имперфективацию, что естественно: «...именно суффиксальная имперфективация была и остается по сей день главным стержнем всего морфологического механизма глагольного вида во всех без исключения славянских языках» [Маслов 1984: 110]; «В современном русском языке идет тотальное и абсолютно свободное образование вторичных имперфективов от приставочных глаголов СВ» [Ремчукова 2006: 176].

При ненормативной вторичной имперфективации глаголы неизбежно актуализируются в текстах. Читателю предлагается сосредоточить внимание именно на длительности действия¹. Кроме того, вторичная имперфективация выявляет противоречие между приставкой, которая имеется в производящих глаголах совершенного вида, и суффиксом несовершенного вида. К этой группе новообразований относятся как глаголы, обо-

¹ «...не только в ходе эволюции строя языка с событийной внутренней формой, но и в его современном синхронном функционировании категория степени длительности является живой, функционально нагруженной и существенно влияющей на состав, значение и форму других глагольных и отглагольных категорий» [Мельников 1997: 127].

значающие направленность действия или состояния на предел, так и глаголы, не имеющие такой направленности:

Шмель сладостно зудит внутри цветка / и взрывает¹, как бомбардировщик (Владимир Строчков. «Шмель сладостно зудит внутри цветка»); *Теперь дыру груди залатывай, / крылатое, / хоть чем...* (Н. Делаланд. «Ходившая в седьмую сторону...»); *Держа прилежно кулачок у глаза, / Степенно — погода, или небрежно — фразу / Вымалвливает мудрое чело: / «Свозобразно» или «Нинничего»* (Ю. Ким. «В мастерской скульптора»); *А белизна с голубизной / не сжаливались надо мной* (Л. Лосев. «Как труп в пустыне»); *Время жизни свернулось, срослось, и ни взад, ни вперёд. / Бесконечное вдруг оказалось почти безнадёжным. / Догадал меня этот — неважно — свинья разберёт — / Накуковывать* сроки живым с упоением вполне молодёжным (В. Лейкин. «Время жизни свернулось, срослось и ни взад, ни вперёд...»); *Так воздух, поверху летя, / То возгласом, то всхлипом клейким / Вылепливает, как дитя, / Воспоминание о флейте* (Д. А. Пригов. «Так воздух, поверху летя...»); *Только нас туда не впускают, нас / мать с отцом не хотят впустить, / что-то быстро вру, / говорю: один я, один, — винясь / перед всеми, всеми, умоляю простить / и ускальзываю в дверную нору* (В. Гандельсман. «Поздним вечером, поздним...»); *На аэротаможне аэротаможенники (наши ли?) / нашли, мне карманы проверяя, / четыре грецких ореха, / их били кувалдой, искали брильянты короны моей и / огорчились, что не нашли* (В. Соснора. «Третий Париж»); *он полон речью внутреннею: лечь / лицом в сугроб (я только оболочка / для жара тайного!) и слушать как шипит / как тает снег потеплевает почва* (В. Кривулин. «Приближение лица»).

Если в производящих глаголах совершенного вида *взрывает*, *вымолвить*, *сжалиться* и т. д. значение предела, инвариантное для этой категории, маркировано как точка во времени, то в этих грамматических неологизмах внимание переключается на характер протекания действия или изменения состояния. Целостность и завершенность действия, определяемые видовыми

¹ Ср.: *Машина затряслась и запрыгала... Мотор взрывал, камни били в днище* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий); пример Б. Ю. Нормана [Норман 2006: 64].

приставками, которые ранее уже осуществили перфективирующую функцию, отрицаются.

Авторские формы, создаваемые вторичной имперфективацией, иконичны: производная словоформа обычно длиннее производящей, и во всех приведенных цитатах наблюдается изобразительное замедление действия. Оно нередко усугубляется ритмическим и звуковым образом авторской словоформы. Многие из видовых новообразований содержат фонетические повторы и переключки, например, в глаголе *вымаливливает* — ошутимо подобие слогов *вы* — *ва*, очевидна затрудненность произнесения звуковой комбинации *влл'*; потенциальный образ долготы передается и меной *о* на *а*, долгое по происхождению¹. Форма *сжаливались* содержит повтор *ли* — *ли*; в форме *накуковывать* есть звуковая переключка слогов *ку* — *ко*, *вы* — *ва*.

Любопытный словообразовательно-фонетический образ актуализированной длительности находим в таких строчках:

Дует ветер порывисто и смольно / разволноволновывает пальмы / Воду всю в курчавках видим вдаль мы <...> / Дрожь прошла переберебирая веер (Г. Сапгир. «Перемена»).

Здесь слова растягиваются дублированием фрагментов *волно-волно* и *вы-ва*. Эти два повтора объединяются звуком [в]. В созвучии, содержащем внутреннюю рифму *пере-бере-бира*, наблюдается экспрессивная акцентуация слогов, в норме безударных: в глаголе *переберебирая* оказывается три ударения.

Когда поэты фонетически и ритмически усиливают значения длительности или повторяемости действия, они интуитивно проникают в тот древний пласт языка, в котором мотиви-

¹ «Чередование *о/а* вообще является живым, продуктивным приемом имперфективации. В разговорном языке сплошь и рядом попадают формы типа *сосредотачивать*, *подытаживать*, *обуславливать* и т. п. Однако литературная норма отвергает такие формы. Корневое *о* сохраняется в целом ряде глаголов, по большей части относящихся к книжной лексике: *обеспокоивать*, *обусловливать*, *подзадоривать*, *опозоривать*, *опорочивать*, *узаконивать*, *приурочивать*, *разрознивать*, *сморщиваться*, *ускоривать* и др.» [Исаченко 2003: 184].

рованность слова, а иногда и грамматической формы, определялась их звучанием, поскольку в диахронии «мотивировка языкового знака сменилась мотивировкой структуры означаемого и его системных связей, иконичность звукового состава знака сменилась иконичностью означаемого: словообразование и сочетаемость означаемых как бы “рисует” новое означаемое при помощи семантических признаков морфем или его сочетаемости» [Шелякин 2005: 103].

Авторские формы вторичной имперфективации становятся весьма выразительными и в тех случаях, когда они содержат исторические чередования, изменяющие облик производного слова:

*Весь мир светло и страшно / **проскваживает** дар — / божественные брашна: / амврозия, нектар... (Д. Бобышев. «Медитации»); И в молодой листве, / В зеленой протоплазме, / Под капель перестук / **выбразживает** яд (С. Преображенский. «И в молодой листве...»).*

Существенное влияние на образ глагольной формы оказывает ее положение в структурных и рифменных повторах:

*Внутри меня завелся лютый зверь / У горла моего он мордою **поверчивает** / Дыхание мое он **позадерживает** / В задую моем хвостом он **пошевеливает** / По внутренностям лапами **побегиывает** / И тело все мое он **озадачивает** (Д. А. Пригов. «Внутри меня завелся лютый зверь...»).*

Помимо рифмы, образ слова формируют (или усиливают) многочисленные аллитерации:

Снег белизны опавшей / взметнулся всею пашней, / теперь смотри, смотри, / как сквозь дома густые / идут оконных рам кресты, и / только вспыхивает¹ ум зари, / и только вспыхивает, / как будто искру конь вывихивает, / и небо вспахивает, / пусть в рубахе воеет / ветер, / пахарь ходит в раннем свете (В. Гандельсман. «Из книги Ии...»); На стенах сырости ковры / Как искры серые быстры, / Порой по-

¹ Здесь и далее подчеркнуты языковые единицы, которые не являются видовыми неологизмами, но привлекаются для анализа текстов.

рыскивают крысы, / Они, попискивая, рыщут, / они поискивают пищу (З. Эзрохи. «Чудеса»).

Обратим внимание на то, что в последнем примере глагол *поискивают* обнаруживает словообразовательную связь с существительным *поиск*.

Архаичность многократных глаголов, в наибольшей степени сохранившихся в современных диалектах, фольклоре, литературе XVIII – первой половины XIX в. (см.: [Булаховский 1954: 116–118; Ровнова 2000: 69–74], подчеркивается в поэтическом тексте указанием на *старину*:

В старину-то ведь и клады нахаживали, / А сейчас только сваха нахваливает (Л. Кропивницкий. «Еще о Понтии»).

В некоторых текстах наблюдается полисемантическая, омонимическая, паронимическая, фразеологическая игра с глаголами, полученными в результате нестандартной вторичной имперфективации. Сгущение этого приема на фоне других языковых сдвигов можно видеть в таком тексте:

Дымился дымом. Усынал в овраге. / И, с дифферентом лобызая ручку, / ухаживал куда-то, воз — вращался / вокруг различной дамы, девы, где вы, / выделявал всё время из себя / и выходил. И радостно пицала / подруга меднокожая его. / Он к ней бывал почти без ничего — / в часах и галстук-бабочке развязном. / Постреливал в неё ирапнельным глазом. / Зарылся в ней. Накрылся медным тазом (А. Левин. «Ирой убовник из дамотдыха»).

Сочетания *усынал в овраге; ухаживал куда-то; выделявал всё время из себя* (ср. разговорные выражения *выделяваться, воображать из себя*); *к ней бывал* (ср. *с ней был* — ‘находился в интимных отношениях’) демонстрируют изменение лексического значения глаголов в результате ненормативного глагольного управления, которое появляется при контаминации узуальных сочетаний: *усынал чем-то* (например, цветами) + *уснул в овраге* + *засынал в овраге* (в данном случае норма допускает синонимические выражения *усынал цветами* и *засынал цветами*); *ухаживал за кем-то* + *уходил куда-то*; *у нее бывал* + *к ней ходил*. Глагол *ухаживал* предстает здесь и как глагол со значением ‘оказывать внимание (женщине)’, и как

многократный со значением 'идя, удаляться'. Сгущенная актуализация системных связей ассоциативно объединяет в этом тексте разные языковые единицы.

Авторская видовая форма сама способна становиться производящей, устанавливая системную связь с очередным поэтическим неологизмом:

*Прошло три долгих, долгих, длинных, / длинных года. / Менялась валюта, менялась погода. / Сменяла Танюху Анюта. / Менялись министры и мода / Светились и **погасали** светильники / и **погасальники**. / Менялось внутри холодильника. / Ржавело дно умывальника (Р. Воронежский. «Прошло три долгих, долгих, длинных...»).*

В следующем контексте вторичная имперфективация указывает на такое свойство глагола: нормативная форма *образуют* — двувидовая, при том, что производящий инфинитив *образовать* двувидовым в современном языке не является¹:

*Найти охотника. Головоломка. / Вся хитрость в том, что ясеня или вяз, / Ружье, ягдташ, тирольская шляпенка / Сплошную **образовывают** вязь (С. Гандлевский. «Найти охотника. Головоломка...»).*

Многочисленные примеры с глаголом *упасть* побуждают обратиться к проблеме стилистической принадлежности нестандартных форм вторичной имперфективации:

*Я корову хоронил. / Говорил сестре слова. / На оплот крапивных крыл / **упадала** голова (В. Месяц. «Я корову хоронил...»); Задремал под сенью ракии / синий кит. / На обед умял антрекот / серый кот. / **Упадает** с сырых осин / апельсин. / Ты его небольшо кусни — / и усни (А. Сычев. «Колыбельная»); С тысячей выбранных точек / Щастия слово извлечь. / Зелен и синь, как платочек, / мир, **упадающий** с плеч (М. Степанова. «Призрак черемухи в каждой...»); Когда сквозь синих туч на воды **упадает** / косой по-*

¹ Во фразах с разными значениями глагола *образовать* инфинитив однозначно воспринимается как форма совершенного вида: *В этой игре надо образовать круг, Этому неуча непросто образовать*. Совсем неправильными предстают высказывания типа **Взрослые не будут образовать круг, *Этому неуча пришлось долго образовать*.

следний луч в озерной тишине, / и льется по волне, и долго остывает, — / не страшно ли тебе? не стыдно ли тебе? (Т. Кибиров. «Вместо эпиграфа»); *В прах упадать* — не моему / Стану! / Да не предстану, разлуку свою / Пряча (И. Ратушинская. «Не для меня византийский наклон...»).

Глагол *упадать* помещен в словари современного русского языка с пометой *устар.* [Ожегов, Шведова 1992: 865; Словарь 1984: 500]. С XVIII века до наших дней он употребляется как традиционный поэтизм¹.

Обратим внимание на разнообразную стилистику контекстов. В стихах В. Месяца глагол *упадать* воспринимается как просторечно-диалектный, у А. Сычева он органично вписывается в абсурдно-игровой контекст, М. Степанова включает этот глагол в цитатный контекст с отсылкой к лирической ситуации (*Синенький скромный платочек / падал с опущенных плеч...*). В строчках Т. Кибирова отсылка к классической поэзии одновременно и пародийна, и лирична, у И. Ратушинской этот глагол становится элементом энергичной взволнованно-пафосной речи.

Некоторые глаголы вторичной имперфективации проявляют потенциальную принадлежность к высокому стилю. Это видно в случаях, когда производящей базой авторских форм становятся глаголы из библейской фразеологии. Однако упот-

¹ Этот глагол встречается у поэтов самых разных направлений и стилей, например: *Стремглав Персеполь упадает, / Подобно яко Фаэтон* (А. Сумароков. «Ода вздорная II»); *Княжна в сетях; с ее чела / На землю шапка упадает* (А. Пушкин. «Руслан и Людмила»); *Плод яблони со древа упадает* (Е. Баратынский. «Благословен святое возвестивший...»); *Не так ли звездочка в ночи, Срываясь, упадает* (Н. Некрасов. «В тоске по юности моей...»); *И слезы горькие на землю упали* (С. Есенин. «И слезы горькие на землю упали...»); *Упадая / с высоты, / пол / метут / шлейфы* (В. Маяковский. «Красавица»); *Как голубь, если налетается, / Вдруг упадает в синий таз, / Я верю, Пушкина скитается / Его душа в чудесный час* (В. Хлебников); *Сердце словно вдруг откуда-то / Упадает с вышины* (В. Ходасевич. «Так бывает почему-то...»).

ребление трансформированных библеизмов обнаруживается в пародийных контекстах:

*Когда из тьмы небытия / Росток возрастает бытия / И возлюб-
ляет бытие / А темное небытие / Он отрицает / То Бог его за
это порицает: / О ты, кусочек бытия / Над бездною небытия /
Что прищурился (Д. А. Пригов. «Когда из тьмы небытия...»);
Испуг, которому причину / **Обращивать** не чаял я, / Меня поверг-
нувший в пучину / Смердящего отчаянья — / Уже как будто бы
проходит, / И ничего не происходит (А. Сычев. «Анатолий Сев-
рюгин»).*

Общее свойство всех авторских форм, созданных вторичной имперфективацией, — их экспрессивность. Характерно, что именно с экспрессивностью лингвисты связывают само возникновение категории вида: «...для эмфатического подчеркивания значения протекающего процесса стали прибегать отчасти к готовым, имевшимся в языке основам предельно-неопределенной семантики, отчасти же создавать основу подобной структуры по аналогии. Именно создание таких основ и называют суффиксальной имперфективацией. Таким образом, из суффиксальной имперфективации возник несовершенный, а затем — по контрасту с ним, как его противочлен, и совершенный вид» [Маслов 1984: 110]¹. Ведущую роль экспрессия сохраняет и на всех последующих этапах языковой эволюции: «Но, как известно, экспрессивность в языке достаточно легко утрачивается. А это влечет за собой замену формы со старой экспрессией другой, более яркой и выразительной» [Силина 1982: 160].

В таком случае вторичная имперфективация в языке napоминает редупликацию, компенсирующую стертое значение, как, например, дублирование уменьшительных суффиксов (например, *крючочек*), приставок (*вовнутрь*), семантики (*передовой авангард*). И поэты в поисках новой выразительности интуитивно выполняют некую программу, заложенную в динамической системе языка.

¹ Шрифтовое выделение Ю. С. Маслова.

3. ПЕРФЕКТИВАЦИЯ

В современной поэзии нередко встречаются и грамматические аномалии при образовании форм совершенного вида. В этом случае поэзия отражает стихию разговорной речи с ее тенденцией к регулярной видовой парности глаголов. Авторские формы совершенного вида становятся особенно экспрессивными, когда производящие нормативные глаголы имеют четко выраженную книжную окраску, например, *лобзать*, *симулировать*, *ликвидировать*:

Андроповская старуха / лобзнула казенный гранит, / и вот уже новая муха / кремлевскую стену чернит (Л. Лосев. «Газета на ночь»); *Симульнул дурака сдуру, / Тридцать рублей пенсия. / Сижу и взбалтываю политуру, / Эх, и крутая суспензия!* (О. Григорьев. «Симульнул дурака сдуру...»); *Взрывают ямы. Салют. / Свидетелей ликвиднут* (А. Вознесенский. «Литургия лет»).

Примеры с глаголами *симульнул* и *ликвиднут* показывают, что грамматические неологизмы совершенного вида, как и неологизмы несовершенного вида, способны преодолевать смысловую неопределенность двувидовых глаголов, однако при этом они значительно понижаются в стилистическом ранге.

Префиксальное образование неузуальных форм совершенного вида всегда осуществляется вместе с лексическими или семантическими трансформациями. Если «во многих случаях то или иное различие в лексическом значении закрепляется формой вида» [Шелякин 2001: 74], то верно и обратное: нарушение этой общеязыковой закреплённости ведет к деформации лексического значения. В любом глаголе замена узуальной приставки на неузуальную приводит к семантическому сдвигу, определяющему такой способ глагольного действия, который в общепотребительном языке не осознается и, соответственно, не обозначается.

Поэты испытывают потребность точно назвать то, что они воспринимают и для чего в языке нет подходящих слов. Рассмотрим несколько примеров с приставками *по-* и *вз-* (*вс-*). Эти приставки чаще других встречаются при неузуальном ви-

дообразовании — на фоне нормативной префиксальной деривации.

Приставка *по-* обнаруживает активность при образовании неузуальных глаголов со значением длительно-ограничительного способа действия (делимитативов):

Прошу: поспись мне, покажись / неузнаваемой каликой, / где плещется форель, как жизнь, / во тьме веселой и великой (Н. Галкина. «Ночь катит сонмища нулей...»); *Что бы нам почитать? Вот и книжка. / Он людей никогда не любил, / но хотел. И убил, как старушку. / Что бы нам похотеть?* (А. Денисов. «Двух влюблённых в саду напугала дешёвая бука...»).

В этих примерах существенным оказывается то, что «делимитатив при поддержке контекста (а иногда и без нее) может выражать незначительность обозначаемого действия (с точки зрения говорящего или производителя действия)» [Петрухина 2000: 151]. Для современной поэзии типично стремление авторов к снижению пафоса, к исключению экзальтации, к десакрализации образа поэта, в конечном счете, к смирению перед жизненными обстоятельствами.

У Н. Галкиной в грамматическом повторе *поспись мне, покажись* слово *покажись* обновляет свою внутреннюю форму и тем самым тоже принимает на себя значение длительно-ограничительного способа действия, не свойственное ему в синхронии.

В строчках А. Денисова обнаруживается параллелизм узального глагола *почитать* с неузуальным *похотеть*. Глагол *хотеть*, от которого автор произвел *похотеть*, является непредельным, потенциально лишенным ограниченности [Шелякин 2001: 77]. Разница между авторским *похотеть* и нормативным *захотеть* состоит в том, что намерение *похотеть* обозначено глаголом ограничительной семантики. Не исключено, что здесь есть и мотивирующее влияние слова *похоть*, тем более что в третьей строчке слово *хотел* двусмысленно: персонаж ‘хотел любить людей’ или персонаж ‘хотел людей’. Если эта двусмысленность актуальна, тогда и глагол *почитать* совмещает в этом контексте значения омонимов *почитать* (сов. вида) ‘заняться чтением’ и *почитать* (несов. вида)

‘относиться с почтением (к кому-л., к чему-л.)’. Кроме того, в форме *похотеть* полисемантична приставка, сообщающая глаголу значение не только ограничительного, но и начинательного способа действия.

При аномальной комбинации приставки *вз-* (*вс-*) с суффиксами одноактного действия глаголы указывают на повышенную интенсивность действия:

*Мой пес все не отыщет места, / Он привередлив, как невеста: / То носом здесь, то там **вспыхнет**, / Все не присядет, не вздохнет, / Очами в небо не вспорхнет* (Д. А. Пригов. «Ода о Москве»); *Так ли, иначе ли, звук этот, знак возник / слабый, как если сквозняк или зевок, / или в курятнике ночью звук возни, / или возьми, к примеру, вздохнул завод / у заводной игрушки уже потом, / после того, как она завалилась вбок, / кончив кружить или коротко **взыл** кто¹, / струны которого зацепил клубок / или лапой котенок, который играл / этим клубком и, задевши за звук, удрал / вскачь, боком, боком, задрав восклицательный хвост* (В. Строчков. «Именно так обозначен был этот звук...»).

В тексте Д. А. Пригова наблюдается рифменный, грамматический и словообразовательный параллелизм, добавляющий каждому из глаголов коннотацию интенсивности: *вспыхнет* — *вздохнет* — *вспорхнет*. Слово *вспыхнет* здесь семантически двойственно: оно по смыслу связано и с движением (пес двигает носом), и с обонянием (при этом автор как будто заново осуществляет энантиосемическую потенцию слова *пахнуть* — ‘испускать запах’ и ‘чувствовать запах’. В истории русского языка эта потенция осуществилась с дифференцирующим сдвигом ударения, в результате чего энантиосемичное слово *пахнуть* распалось на два (*пахнуть* и *пахнуть*). В древнерусском языке глагол *пахать* означал ‘махать, размахивать’ [Словарь XI–XVII вв.: 176]. Это значение сохранилось и во многих диалектах: в деревнях веником *падут* пол, веслами *падут* воду и т. п. В литературном языке нормативны сочетания *запахнуть пальто*, *распахнуть двери*. Контекстуальная смысло-

¹ Примечание автора стихов: Японский струнный музыкальный инструмент, разновидность цитры.

вая неопределенность глагола *вспахнёт* наводит на такую мысль: слова *пáхнуть* и *пахну́ть*, этимологически связанные с глаголом *пахать* в его древнем значении, вероятно, стали на какое-то время видовой парой, но не сохранили коррелятивность. Возможно, двойственность или неопределенность значения глагола *вспахнёт* из текста Пригова вызвана тем, что контекст нейтрализует акцентное различие слов *пáхнуть* и *пахну́ть*, которые в равной степени способны быть производящими для формы *вспахнёт*.

У Строчкова речь идет о том, что можно было бы назвать высокими словами «творческий импульс», причем этот импульс по ситуации, изображенной в тексте, возникает, соблазняет, дразнит и исчезает. Строчков детально описывает возникновение неясного звука и пытается как-то его обозначить: то собственно фонетически — звукописью с доминирующими *з, з'* (звук — знак — возник — сквозняк — зевок — возни — возьми — вздохнул — завод — заводной — завалилась — взныл — задевши за звук — задрав), то метафорически — с развернутым сюжетом про котенка, разматывающего клубок, то упоминанием экзотического музыкального инструмента *кото*, порождающим серию анафорически созвучных слов (*кото — которого — котенок — который*). Можно заметить, что глухие *к, т* этого ряда противопоставлены звонким и звучным *з, з'* предыдущего ряда, что создает фонетический образ исчезновения звука. В таком контексте сочетание *взныл кото* концентрирует в себе и напряжение фонетического контраста *з, з' — к, т*, и противоречие между коннотациями, возникающими в сочетании русского глагола с названием японской реалии.

Здесь еще важна фонетическая близость слов *кото* и *кто*. В просторечии местоимение *кто* употребляется и в синтаксической позиции местоимений *кто-нибудь, кто-то*. Это вполне органично соответствует и конкретной семантике фрагмента (*словно взныл кто*), и общему смыслу текста про неясность, неопределенность звука. Глагол *взныл* в таком контексте по смыслу может изображать не только звук музыкального инструмента, но и эмоциональный возглас субъекта речи.

Анализ текста показывает, что значение интенсивности, присущее неологизму *взныл*, усиливается разнообразными способами, специфичными для поэзии. Конечно, в этом случае имеется и производность неологизма *взныл* от формы *взвыл*. Эти слова обнаруживают дополнительную системную связь, определяемую поэтической системой контекста: *взвыл* — выразил эмоцию громко и как обычно, как все, а *взныл* — тихо, но с большим отчаянием и по-своему. Таким образом, в семантику слова *взныл* входит вся та экспрессия, которая содержится в звуковом и образном воплощении стихотворения.

В другом тексте того же автора представлена семантическая несовместимость значения интенсивного действия с глаголом пассивного состояния:

*Я вспал неглубоко, и впалый сон / натужно кашлял, селезенкой
екал / окол меня и состоял из зон, / где, затесавшись головою о
кол, / Чеширский Кто с урыбкою в зубах, / как дед Пихто с уклей-
кой носогрелкой, змеясь ехидной, снялся мне, что Бах / был себа-
стьян как свой в такую стельку... (В. Строчков. «Я вспал неглубоко, и впалый сон...»).*

Глагол *вспал* очевидным образом соотносится здесь с выражением *впал в сон*, тем более что в той же строке появляется сочетание *впалый сон*. Далее в тексте изображается смещенное восприятие реалий: звуков, образов, понятий — как бы в полусне. Не исключено, что в этой поэтике смещения и смешения глагол *вспал* появился под влиянием во-первых, словоформы *всхрапнул* с той же приставкой, во-вторых, словоформы *встал* (*вспал* и *встал* ‘проснулся’ — не просто минимальная, но и антонимичная пара).

Встречаются примеры нестандартной перфективации и с другими приставками. Так, например, В. Бауэр заполняет лакуну, представляя парным глагол *унывать*, относящийся к группе глаголов *imperfectiva tantum*:

*Снегопад морочит сумерки. / Прошпектами, / першпективной за-
бавляясь, глаза, / затуманенные драмками бюджетными, / обхо-
дя, / проунываю полчаса (В. Бауэр. «Лимончик»).*

Здесь действие предстает ограниченно-длительным (как *проспать два часа*) и в то же время протяженно-одноактным (как *прогреметь*). Если для глагола в этом тексте актуально значение исчерпанной интенсивности, свойственное глаголам протяженно-одноактного способа действия [Шелякин 2001: 82], то в неологизме Бауэра элемент интенсивности ослабевает (потому что слово *унывать* обозначает пассивное состояние), а элемент исчерпанности усиливается (так как значение приставки логически противоречит значению производящего глагола). Ю. С. Маслов писал: «...в подавляющем большинстве случаев причины непарности — именно в семантике самих непарных глаголов, в том, что лексическое значение данного глагола, отражая определенные объективные свойства соответствующего действия, оказывается несовместимым с грамматическим значением того или иного вида» [Маслов 1984: 54]. Для современного восприятия *унывать* — именно такой глагол, однако наличие в языке прилагательного *унылый*, восходящего к перфективному причастию от утраченного глагола *уныть*, говорит о том, что в прошлом глагол *унывать* был парным, причем форма несовершенного возникла как вторичная. Глагол *уныти* встречается в Псалтыри и других старославянских текстах [Старославянский словарь 1994: 741]. У Бауэра сочетание *проунываю полчаса* с формой первого лица будущего времени сообщает глаголу значение контролируемого и даже запланированного состояния — вопреки норме (хотя в этом случае норма довольно расплывчата: вполне обычны высказывания *Не унывай; Я не собираюсь унывать*).

В следующем тексте присоединение приставки *до-*, свойственной терминативно-локальным глаголам [Шелякин 2001: 90], к глаголу звукоподражательному приводит к метонимии, способной обозначить движение звуком, его сопровождающим:

Проснувшись от страха, я слышал, он вывел меня / из ряда предметов, уравненных зимней луною, / еще затихала иного волна бытия, / как будто в песке, несравненно омытом волною, // еще возбегали в ту область ее мураши, / нетрезвые пузы, зыри, не успевшие смыться, / и запечатлелась озерная светлость души, /

пока на окраинах доцокотали копытца (В. Гандельсман. «Проснувшись от страха...»).

В изображаемой сцене *он* — это Ангел, а *мураши* и *нетрезвые пузы, зыри* — бесы, и речь идет об их копытцах¹. Если в данном случае *доцокотали* при узуальном *процокотали* означает ‘перестали быть слышными’, то движение оказывается ограниченным пределом слышимости. Такая метонимия предельно актуализирует наличие наблюдателя как участника ситуации. Частица *пока* вносит в текст синтаксическое рассогласование с глаголами совершенного вида *запечатлелась* и *доцокотали*, так как норма предполагает здесь комбинацию частиц *пока не*. Без элемента *не* эти глаголы попадают в позицию глаголов несовершенного вида, а их возможный контекстуально обусловленный несовершенный вид поддерживается предшествующими формами *затихала, возбегали*. Семантика слова *доцокотали* способствует видовому сдвигу, потому что звукоподражательный глагол привлекает внимание не к цели и не к пределу движения, а к осязатому протеканию действия, тем более что звукопись распространяется на всё сочетание *доцокотали копытца*.

Следующий пример демонстрирует противоречие между лексическим и грамматическим значениями глаголов:

Их не тянет обратно, / Им светло впереди / Так укромно, опрятно / Сам себя взбереди, / Чтоб урчаще, мычаще / Намечтать и насметь... / Жизнь все чаще и чаще / Непохожа на смерть (В. Лейкин. «Ламентации»).

¹ *Копытца* в тексте Гандельсмана — прямая перекличка с Блоком, у которого в стихотворении «Чертенята» из цикла «Пузыри земли» есть строки: *И мохнатые, малые каются / Умиленно глядя на костыль, / Униженно в траве кувыркаются, / Поднимают копытцами пыль*. Косвенная перекличка — с трагедией Шекспира «Макбет». Выражение *пузыри земли* появилось в переводе, выполненном А. Кронебергом и ставшем эпиграфом к циклу Блока. *Пузыри земли* — нечистая сила, обитающая в болотных газах (историю выражения см.: О. Сорока. Загадки Шекспира (Вечера с Евсеем Луничем); веб-ресурс: <http://lib.metromir.ru/book16926>).

Глагол *намечтать* с приставкой, определяющей кумулятивный способ действия, представлен в этих строчках результативным — в противоположность узуальному глаголу *помечтать*, имеющему значение нерезультативной кратковременности. Кумулятивность глагола *насметь*, напротив, вступает в конфликт с нормативным результативом *посметь*. Сравнение семантики перфектива *насметь* с производящим *сметь* показывает, что пресуппозицией глагола *насметь* является нерешительность. Есть в этих глаголах *намечтать* и *насметь* и осуждающая оценочность — ср. аналогичные приставочные образования *натворить*, *наделать*, *напачкать*.

Общий взгляд на авторскую приставочную перфективацию позволяет говорить о том, что в неологизмах приставки, насколько не ослабляя своей видообразующей способности, актуализируют и собственное значение. Тем самым они создают и расширяют зону сопротивления процессу грамматикализации (соответственно, и деэтимологизации) префиксов как видообразующего средства (см.: [Тихонов 1998: 29–35]).

4. ВИД В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ СКАЗУЕМОГО

При аналитическом образовании будущего времени в составном глагольном сказуемом и в предложениях с модальными показателями необходимости носителем глагольной семантики является инфинитив.

Аналитическое будущее требует только несовершенного вида инфинитива. Запрет на видовое варьирование в этой конструкции нарушается в таком тексте:

*О, соберемся попить с кольцами или друзьями! / Лысые юноши,
эй, влезьте на стулья верхом! / Музы-кормилицы грудь будем
нащупать губами: / душу и я разведу крепким ее молоком //
Ксюша ли делает мышь, Зоя ли строит ногами, / ли преисполнен
Орфей скрипом и свистом своим, — / только мерцают слова,
путь выстилая словами, / чтобы, спустившись в себя, вышел
опять холостым (А. Поляков. «Хозфоры»).*

Во-первых, здесь присутствуют образы античности, способные мотивировать языковую архаику: абсолютная необходимость несовершенного вида инфинитива дает основание вос-

принимать в этом контексте и глагол *нащупать* как двувидовой (в древности — вневидовой). Во-вторых, вызывающая неправильность конструкции *будем нащупать* соотносится в тексте с образом грудного младенца, которого муза кормит молоком (ср. фразеологизм *впитать с молоком матери*). В таком случае сочетание *будем нащупать губами* может быть воспринято как имитация детской речи (когда *только мерцают слова, путь выстилая словами*). Но, поскольку в тексте все же говорится о взрослом человеке (поэте, в состоянии вдохновения впадающем в младенчество), аграмматизм конструкции передает ощущение неуверенности.

У того же автора имеется конструкция *стал запомнить* с фазовым глаголом в составном глагольном сказуемом. Текст содержит и много других аномалий — грамматических, лексических, образных:

*Бывало: Лену гладил и смотрел / меж нив золотых и пажитей багряных / и милая из мяса и костей / казалась мне рекой нерукотворной / чьё устье скрыто в мифах и в вине — / о, каждые подробности пространства! / Но больше не болея исчезать / у ног её — длиннее новой жизни — / я *стал запомнить сон*, я стал стареть / я видеть ночь бесплотным Глазом Бога / <единый мой! мой Зритель навсегда! / дремучий Глаз, от Керчи — до Эфеса!> (А. Поляков. «Субботняя поэма»).*

Аграмматизм текста тематически мотивирован эротическим возбуждением, сном, образами слияния субъекта речи с Богом, метафорами смерти.

Норма совсем не позволяет употреблять совершенный вид инфинитива при полузнаменательной фазовой связке *стать*. Вероятно, нарушение этого запрета вызвано потребностью автора выразить значения определенности и результативности, свойственные совершенному виду. Здесь возможно и влияние императивного употребления инфинитива, тогда конструкцию можно интерпретировать как эллиптическую: *я стал* [приказывать себе] *запомнить сон* [, и это у меня получалось]. Представление об эллиптичности этого фрагмента поддерживается и отсутствием глагола-связки во фрагменте *я [стал] видеть ночь*, и предыдущей конструкцией с пропущенными логиче-

скими звеньями высказывания *не боля исчезать / у ног её*. Гипотетически восстановить пропущенные звенья можно, например, так: 'не впадая в болезненное состояние любви, в котором человек забывает себя и которое похоже на смерть' (ср. слова *замирать*, *обмирать*, выражение *умирать от любви*).

Составное глагольное сказуемое, в отличие от аналитического будущего времени, нормативно допускает употребление инфинитива как в несовершенном, так и в совершенном виде (*он собирается заниматься гимнастикой* и *он собирается заняться гимнастикой*). Нормативно и сочетание *собираемся поехать*, например, в высказывании *Мы собираемся поехать на дачу*. Однако в следующем примере сочетание *собираемся поехать* аномально:

Мы садимся в наш автобус, / собираемся поехать. / Тут кондукторы приходят, / а потом кондукторá. / И кондукторы нас просят: / «Проездные предъявляйте!», / а кондукторá велят нам: / «Оплатите за проезд!» <...> // Мы кондукторам предъявим, / а кондукторáм — оплотим, / нам бы только бы поехать, / а уж там — как повезет. / Повезут ли нас шофёры / до метро без остановок, / или высадят в канаву / удалые шоферá? (А. Левин. «Мы садимся в наш автобус...»).

Неузуальность такого употребления скорее всего определяется тем, что в стихотворении нет указания на цель движения, следовательно, неуместно и употребление глагола с семантикой определенности (терминативно-временного способа действия [Шелякин 2008: 97]). Художественный смысл авторской конструкции, вероятно, формируется именно внесением семантики определенности в обозначение намерения пассажиров — при том, что они не уверены в осуществлении этого намерения. Интересно, что видовой сдвиг включен в текст с ярко выраженной языковой рефлексией на тему правильности и неправильности речи (см. анализ стихотворения: [Зубова 2006]).

А. Поляков, поэтическую систему которого формирует художественный аграмматизм, нарушает строгий нормативный запрет на употребление глагола совершенного вида в отрица-

тельных предложениях с модальным показателем необходимости:

Страшно быть и трудно петь — / но не надо умереть! (А. Поляков. «Сумароком»).

Утвердительная конструкция вполне допускает варьирование видов. Можно, например, сказать и *надо уходить*, и *надо уйти* — «с формой несовершенного вида связан в большей мере оттенок неизбежности, тогда как с формой совершенного вида — оттенок субъективной вынужденности (вынужденной необходимости)» [Шелякин 2008: 97].

Возможно, аномалия в тексте Полякова объясняется лексическим значением глагола *умереть*: в соответствии с типовым значением совершенного вида этот глагол выражает результативную предельность, и, следовательно, абсолютную неизбежность прекращения бытия. А именно эта неизбежность мыслится автором как недопустимая.

Многие примеры из стихов разных поэтов показывают, что нарушения нормы при употреблении аналитической формы будущего времени, составного глагольного сказуемого, в конструкции с модальным словом воспроизводят языковые свойства того периода, в котором видовая оппозиция глаголов была еще не сформирована. Это предположение основано на том, что именно запрет на употребление какого-либо из видов диктует читателю дополнительное прочтение глагола, соответствующее требованиям нормы. В данном случае глагол совершенного вида *умереть* может быть воспринят как глагол несовершенного вида.

5. ВИД В КОНСТРУКЦИЯХ С ТЕМПОРАЛЬНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

Видовые аномалии в конструкциях с темпоральными показателями наиболее отчетливо проявляют связь категории вида с категорией времени:

Я каждый день к тебе приду / но только не забудь / свой кончик носа облизнуть / вздохнуть... / и подмигнуть (В. Дурново. «Я каждый день к тебе приду...»); *Осеннего что воздух серебра / где кто-нибудь — сама себе сестра / где смотрим сон, как зеркало*

*стекла / пока луна, как зеркало, кругла // (как будто нам сказали
иногда / что снилась иноземная вода / и наша речь, не знавшая
родства / с тяжёлых губ слетела, как листва) (А. Поляков. «Новая
Эллада»); Только если нас в роще оставить вдвоём, / то за
сказанным нам разговором / не заметим, как осенью часто ум-
рём / и посмотрим на Бога с укором (А. Поляков. «Прощание»).*

Во всех этих случаях нарушение сочетаемости глагола с обстоятельствами времени приводит к деформации способа глагольного действия.

При анализе первого примера¹ наиболее естественно предположить нормативное построение фразы *я каждый день буду к тебе приходить*, но не исключено и *я всегда к тебе приду*. Значение строки *Я каждый день к тебе приду* не адекватно ни одному из этих вариантов. Выражение *каждый день приду* отличается от выражения *каждый день буду приходить* указанием на решительность действия, на его несомненное осуществление, однонаправленность, то есть отличается заявлением о намерении не уходить. Обстоятельство времени *каждый день* как будто противоречит последнему из перечисленных значений, однако в стихах это может означать как игровое лукавство, так и желание испытывать радость прихода многократно. Сочетание *Каждый день приду* от сочетания *всегда приду* отличается тем, что когда говорят *я всегда приду*, обычно имеют в виду ‘когда потребуется’, ‘когда позовешь’, ‘когда об этом попросишь’. Эти смыслы явно неактуальны для изображенной ситуации.

В примере из стихов А. Полякова со словами *сказали иногда* местоименное наречие можно понимать и как архаизм: *иногда* в значении ‘когда-то давно’ (ср. значения этого слова в старославянских текстах, определяемые как ‘когда-то’, ‘в другой раз’ [Старославянский словарь 1994: 261]. Обратим внимание на то, что в тексте на достаточно близком расстоянии находится словосочетание *иноземная вода* (оно и рифмуется с наречием *иногда*). В прилагательном *иноземная* приставка

¹ Этот пример рассматривается и в статье о категории времени в современной поэзии: [Зубова 2001: 95–104].

ино- местоименного происхождения более отчетливо, чем элемент *ино*- в составе современного наречия, указывает на нечто иное и на отдаленность этого иного.

Сочетание *осенью часто умрём* допускает несколько толкований. Во-первых, оно представляет собой результат свертывания предполагаемого высказывания *как это часто бывает осенью, мы умрем*, при этом остается неопределенность: слово *умрем* метафорически обозначает в тексте полную захваченность любовью или, наоборот, конец любви? Символичность осени как прекращения или замирания жизни побуждает предпочесть второй смысл. Или, может быть, это выражение означает 'будем разговаривать наедине очень долго, до самой смерти'? Во-вторых, наречие *часто*, в норме требующее несовершенного вида глагола, позволяет воспринимать как таковой и глагол *умрём*, и тогда в контексте с образом забвения времени устраняется разница не только между видами, но и между настоящим и будущим временем реальности. Эта неотчетливость видовой оппозиции ретроспективно затрагивает и слова *не заметим*, архаизируя глаголы, что органично для образов умирания.

Говоря о нейтрализации видовых противопоставлений, уместно вспомнить совершенно нормативную нейтрализацию при употреблении настоящего времени в значении будущего: *Завтра идем в театр*. На синхронном уровне такое употребление глагола считается переносным, однако при диахроническом взгляде ясно, что оно представляет собой не вторичное явление, а сохранившуюся от прошлых состояний языка возможность употреблять одну и ту же форму глагола и в настоящем, и в будущем времени — вне видовой корреляции.

Нарушения привычной структуры и привычной сочетаемости видовых форм в конструкциях с темпоральными показателями можно понимать как результат особого взгляда поэтов на мир, а «представления говорящего о “картине мира”, необходимые для речи и реализующиеся в ней, как уже неоднократно отмечалось, нередко существенно отличаются и от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира, и от научных представлений о них» [Бондарко 1996: 13].

6. ВИДОВОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ ГЛАГОЛОВ В УЗКОМ КОНТЕКСТЕ

В стихотворении Владимира Кучерявкина столкновение форм разного вида (при последовательности от совершенного к несовершенному) и, соответственно, будущего, прошедшего и настоящего времени изображает продолжение процесса после его завершения (ситуация отнесена к будущему времени):

*Я со всей раскрытой грудью, / Я со всей грядущей смертью / В
губы мягко поцелую / И — **пропал** — и **пропадаю** (В. Кучеряв-
кин. «Снег мне падает в лицо...») ¹.*

Здесь можно видеть также имплицитное звено *воскресаю*. Лирическое напряжение создается тем, что актуализированная процессуальность приводит к буквальному прочтению двух языковых метафор-гипербол: метафора *пропал* — грамматическая (прошедшее в значении будущего) и лексическая одновременно (речь идет не об исчезновении, а об интенсивном ощущении бытия). Последовательность форм времени можно понимать так: 'я знаю, что произойдет, чувствую это как уже происшедшее и как происходящее сейчас'.

Мария Степанова сталкивает формы несовершенного и совершенного вида в повествовании о пропавшей собаке:

*Над вечерним бугром, как невидимый вальс, / Комариный собор
широко завивальс, / В небесах — протяженно и ало. / И почуяв,
что мы на подмогу пусты, / Утянуло ее в негустые кусты, / Где
навек, навек пропала. / И четыре еще нескончаемых дня / Мы
ее, как преступники, ждали, / Не простили вовек ни себя ни ме-
ня / И состарившись жизнь **проводжали**. // ... Тридцать лет
проводил, и заглох грузовик. / Починившись, я лег на полянке / И
увидел ее, как давненько отвык, / И узнал это место с изнанки
(М. Степанова. «Собака»).*

В этом тексте рассказчик, от лица которого ведется сбивчивое повествование, постоянно смещает субъектное отнесение высказываний: в приведенном фрагменте это выражено фразой *Мы <...> / Не простили вовек ни себя ни меня*. Встречаются и другие аномалии на всех языковых уровнях. На этом фоне оп-

¹ Пример анализируется и в статье [Зубова 2001].

позиция *провождали* – *проводил* обнаруживает комплексное смещение: фонетико-словообразовательное, семантическое, грамматическое. Слово *провождали* — архаизм с церковно-славянской огласовкой, неуместный в современной разговорной речи (хотя в ней вполне возможно употребление слова *сопровождать*). Вместе с тем, контекст дает основание интерпретировать слово *провождали* как контаминацию слов *провожали* и *ждали* (ср.: *проводили время в ожидании*) и воспринимать его как производное от существительного *время-препровождение*.

И лексическое, и грамматическое значение слов *провождали* и *проводил* складывается здесь из разных значений полисемичных глаголов. С одной стороны, в языке есть оппозиция *провождать* – *проводить*. В ней участвуют глаголы из таких сочетаний, как *провождать / проводить кого-н. на вокзал, домой, в армию, на пенсию*. При этом глагол *проводить* является глаголом совершенного вида. С другой стороны, глагол *проводить* в сочетаниях типа *весело проводить время, проводить отпуск на юге, проводить жизнь в трудах* является членом другой видовой пары *проводить – провести* (*проводить / провести отпуск на юге*), и в этом случае глагол *проводить* — несовершенного вида. Можно было бы сказать, что это глагол двувидовой, но от других двувидовых глаголов (типа *жениться, ликвидировать*) он отличается тем, что лексические значения для совершенного и не совершенного вида оказываются разными.

Во фрагменте *И состарившись жизнь провождали* М. Степанова употребляет глагол *провождали* в синтаксической позиции глагола *проводили* несовершенного вида, а во фрагменте *Тридцать лет проводил* ставит глагол *проводил* совершенного вида на место глагола *провел*. При этом в обоих глаголах происходят семантические сдвиги: нормативное соответствие видов лексическим значениям позволяет понимать так: *И состарившись жизнь провождали* — ‘прощались с жизнью’; *Тридцать лет проводил* — ‘расстался с тридцатью годами жизни’.

Наблюдения над текстами, содержащими столкновение форм совершенного и несовершенного вида, показывают, что

некоторые авторы любят манипулировать псевдооппозициями и псевдокорреляциями — то подменяя лексическое значение одного из членов пары и обостряя противоречие между значениями полисемичных слов, то употребляя видовые формы в не предназначенных для них синтаксических позициях. Таким образом, тексты авторов, экспериментирующих с языком, выявляют и обостряют конфликты не только видо-временной системы, но и лексико-семантической.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общеизвестно, что категория вида чрезвычайно сложна для теоретического осмысления и преподавания русского языка как неродного. Но парадоксальным образом, как отмечал еще А. Н. Гвоздев, носители русского языка усваивают ее в очень раннем детстве и затем никогда не ошибаются в употреблении видов — в отличие от большинства иностранцев, изучающих русский язык [Гвоздев 1949: 129]. Разумеется, поэтов невозможно заподозрить в таких ошибках. Все аномалии видообразования, рассмотренные в этой статье — результат того, что поэты чувствуют противоречивые свойства категории вида и находят в грамматическом беспорядке языка резервы художественной выразительности — как для игровых текстов, так и для вполне серьезных.

Беспорядок этот вызван тем, что категория вида — живая: во все обозримые периоды эволюции языка, в том числе и сейчас, она находится в становлении.

Среди выразительных средств языка, связанных с категорией вида, очень часто оказываются своеобразные грамматические архаизмы — такие слова и формы, которые внешне полностью совпадают с современными, но в поэтических текстах они воспроизводят утраченные (а точнее, забытые) свойства глаголов. Этому способствуют постоянно создаваемые поэтами синтаксические позиции, в которых видовые противоречия обостряются до такой степени, что различия между совершенным и несовершенным видом ослабляются, стремясь к полной нейтрализации, но никогда не достигая ее: современные свойства глаголов в их отношении к виду всегда яв-

ляются фоном деформаций и противодействуют устранению оппозиций. В результате глагольные единицы совершенного и несовершенного вида приобретают в поэтических текстах синкретический характер, соединяя современное состояние языка с историческим.

При описанном лингвистами пограничном (или двойственном) характере категории вида в ее отношении к формообразованию или словообразованию (см. напр.: [Шмелев 2000: 15; Перцов 2001: 138], поэтические видовые неологизмы, не допускающие десемантизации приставок и суффиксов, тяготеют к словообразованию, напоминая о том состоянии языка, в котором завершенность и незавершенность действия еще обозначались лексически.

Всем эти особенностям авторского видообразования способствует специфика поэтического текста с его повышенной ассоциативностью, максимально актуализирующей системные отношения языка — и при создании, и при восприятии текстов.

ИСТОЧНИКИ

- Бауэр Владимир 2000 — *Начало охотничьего сезона*. С.-Петербург.
Вакуленко Сергей 1996 — *Поэмы и сонеты*. С.-Петербург.
Вознесенский Андрей 1990 — *Аксиома самоиска*. Москва.
Воронежский Рома 1998 — *По дороге в булочную*. С.-Петербург.
Галкина Наталья 1999 — *Погода на вчера*. С.-Петербург.
Гандельсман Владимир 1998 — *Долгота дня*. С.-Петербург.
Гандельсман Владимир 2000 — *Тихое пальто*. С.-Петербург.
Гандельсман Владимир 2005 — *Обратная лодка*. Стихотворения. С.-Петербург.
Гандлевский Сергей 2002 — *Найти охотника*. С.-Петербург.
Григорьев Олег 1997 — *Птица в клетке*. С.-Петербург.
Делаланд Надя. 2005 — *Эрос, танатос, логос*. Москва.
Денисов Алексей 2000 — *Нежное согласие*. Москва; Тверь.
Дмитрий Бобышев 1992 — *Полнота всего*. С.-Петербург.
Дурново Владимир 1997 — Я каждый день к тебе приду... Борис Фальков, Владимир Дурново. *Максималисты*. Москва.
Казаков Владимир 1995 — *Избранные сочинения*: В 3 т. Т. 3. Москва.
Карпец Владимир 2001 — *Карпограф*. Красногорск.

- Кибиров Тимур 1994 — *Сантименты*. Белгород.
- Ким Юлий 1990 — *Творческий вечер*. Москва.
- Кривулин Виктор 1990 — *Обращение*. Ленинград.
- Кропивницкий Лев 1990 — *Капризы подсознания*. Москва.
- Кучерявкин Владимир 2001 — *Треножник*. С.-Петербург.
- Левин Александр 1995 — *Биомеханика*. Москва.
- Левин Александр 2001 — *Орфей необязательный*. Москва; Тверь.
- Лейкин Вячеслав 2005 — [Рукопись]. С.-Петербург.
- Лосев Лев 1985 — *Чудесный десант*. Тенefly.
- Месяц Вадим 1989 — Я корову хоронил... // *Порыв. Сборник стихов. Новые имена*. Москва.
- Охапкин Олег 1994 — *Возвращение Одиссея*. С.-Петербург.
- Поляков Андрей 2000 — *Орфографический минимум*. С.-Петербург.
- Поляков Андрей 2003 — *Для тех, кто спит*. Москва.
- Преображенский Сергей 1997 — *Мы жили в Москве*. Москва.
- Пригов Дмитрий Александрович 1996; 1999 — *Собрание стихов*. Т. 1, 3. Wien.
- Пригов Дмитрий Александрович 1997 — *Написанное с 1975 по 1989*. Москва.
- Сапгир Генрих — *Собрание сочинений*: В 4 т. Т. 2. Москва.
- Соснора В. 1998 — *Верховный час*. С.-Петербург.
- Степанова Мария 2001 — *О близнецах*. Москва.
- Степанова Мария 2001 — *Песни северных южан*. Москва; Тверь.
- Степанова Мария 2001 — *Тут — свет*. С.-Петербург.
- Страхов Александр 1990 — Зреть в зеркалах, цвести у витрин...; На бумаге, пером пролагаю между... *Русская альтернативная поэтика*. МГУ, филологический факультет. Москва.
- Строчков Владимир 1994 — *Глаголы несовершенного времени*. Москва.
- Строчков Владимир 2004 — *Наречия и обстоятельства*. Москва.
- Сычев Алексей 1999 — *Экзерсис*. С.-Петербург.
- Шварц Елена 1993 — *Лоция ночи*. С.-Петербург.
- Эзрохи Зоя 2002 — *На всякий случай*. С.-Петербург.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Н. С. 1976 — *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва.
- Апресян Ю. Д. 1997 — Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. *Труды аспектологического семинара филологи-*

- ческого факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 2. Москва. С. 7–21.
- Бондарко А. В. 1983 — *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ленинград.
- Бондарко А. В. 1996 — *Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии*. С.-Петербург.
- Булаховский Л. А. 1954 — *Русский литературный язык первой половины XIX в.* Москва.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. 1997 — *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва.
- Гандлевский С. 1998 — *Поэтическая кухня*. С.-Петербург.
- Гвоздев А. Н. 1949 — *Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Часть 2*. Москва.
- Гловинская М. Я. 2001 — *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва.
- Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. 2001 — *Русские приставки: многозначность и семантическое единство*. Москва.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 2000 — *Введение в русскую аспектологию*. Москва.
- Зубова Л. В. 2001 — *Поэтический эксперимент в поле темпоральности. Теоретические проблемы функциональной грамматики*. С.-Петербург. С. 95–104.
- Зубова Л. В. 2006 — *Именованное как предмет поэтической рефлексии на границе XX и XXI вв. (стихи Александра Левина). «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи. Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X. (Slavica Finlandiensia 16)*. Часть 2. Тарту. С. 434–459.
- Исаченко А. В. 2003 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. Москва.
- Красильникова Е. В. 1993 — *Соотношение грамматики поэтического и общелитературного языка. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста*. Москва.
- Маслов Ю. С. 1984 — *Очерки по аспектологии*. Ленинград.
- Мельников Г. П. 1997 — *Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида. Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. № 1*. Москва. С. 122–139.
- Норман Б. Ю. 2006 — *Игра на гранях языка*. Москва.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1992 — *Толковый словарь русского языка*. Москва.

- Перцов Н. В. 1998 — Русский вид: словоизменение или словообразование? *Типология вида. Проблемы, поиски, решения*. Москва. С. 343–355.
- Петрухина Е. В. 2000 — *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва.
- Пешковский А. М. 1938 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Плунгян 2000 — *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва.
- Ремчукова Е. Н. 2005 — *Креативный потенциал русской грамматики*. Москва.
- Ровнова О. Г. 2000 — Употребление грамматических форм в русской диалектной речи. *Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании*. С.-Петербург. С. 67–77.
- Силина В. Б. 1982 — История категории глагольного вида. *Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*. Москва. С. 158–279.
- Словарь русского языка 1984 — *Словарь русского языка*: в 4 т. Т. 4. Москва.
- Словарь XI–XVII вв. 1988 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 14. Москва.
- Старославянский словарь 1994 — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*. Москва.
- Степанова М. 2005 — Литература не должна интересовать. *Критическая Масса*. 2005. № 3–4. С. 11–13.
- Тихонов А. Н. 1998 — *Русский глагол. Проблемы теории и лексикографирования*. Москва.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллинн.
- Шелякин М. А. 2001 — *Функциональная грамматика русского языка*. Москва.
- Шелякин М. А. 2005 — *Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы*. Москва.
- Шелякин М. А. 2008 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.
- Щерба Л. В. 1974 — *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград.

ASPEKTIKATEGOORIA POEETILISTES EKSPERIMENTIDES

L. Zubova

„Keelemärkide tekkimise motivatsioon on tihedalt seotud keelesüsteemi kulturooloogilise aspektiga” (M. Šeljakin). Selle väite õigsust tõestatakse aspektivormide moodustamise näitel luuletekstides. Tänapäeva vene luules on laialdaselt levinud keeleeksperiment, mida demonstreeritakse artiklis, lähtudes aspektikategooria võimalustest. See kategooria on veel teatud määral kujunemisjärgus. Luulematerjal on oluline keeleajaloo aspektist, sest näitab keelendite arengusuunda.

Artiklis analüüsitakse üksikasjalikult suure hulga näidete varal aspektivormide moodustusprotsesse (imperpektivatsioon, perfektivatsioon jt) ja kasutust (aspektivormide vahetus analüütilistes vormides, konstruksioonides temporaalargumentidega). Näidete allikateks on A. Voznessenski, A. Bobševi, V. Kalpidi, T. Kibirovi, J. Kimi, V. Krivulini, L. Lossevi, D. Prigovi, G. Sapgiri, J. Švartsi jt tuntud autorite teosed.

Süsteemi mõjul täidab tavatu aspektimoodustus lünki keele normatiivvormis. Niisugune tendents on põhjustatud tänapäeva luule soodumusest taastada keelendite unustatud omadusi ja suhteid ning prognoosida nende suhete arengut tulevikus. Mudel *непелить* < *испелить* aktualiseerub luuletuste teatud teemade puhul, olles seotud surmaga, samuti religioossete kujunditega.

Laialdast kasutust leiab imperpektivatsioon. Põhjuseks on see, et ka keelesüsteem üldiselt areneb samas suunas, püüdes järjekindlalt moodustada aspektipaare. Artiklis analüüsitakse efekte, mida tekitavad erinevad autorid imperpektivatsiooni abil. *Ликвидировать* > *ликвиднуть* tüüpi perfektivatsiooni esineb harvemini kui imperpektivatsiooni, kuigi see tugineb samuti keelesüsteemi võimalustele. Teksti analüüs näitab, et ekspressiivsete perfektivormide intensiivsuse semantika võimendub luulele omaste spetsiifiliste võtete abil.

Erinevate autorite luuletustes tehtud aspektivormide vahetused demonstreerivad seda keele arengu perioodi, mil aspektide vastandus polnud veel välja kujunenud. Artiklis analüüsitakse niisuguse arhaiseerimise semantilisi põhjusi. Aspektihälbeid temporaalargumendiga konstruksioonides (nt: *я каждый день к тебе приду*, В. Дурново) põhjendab autor loomingulise suundumusega kontamineerida erinevaid tegevuslaade. Antud näites on ühendatud iteratiivsus, ühesuunaline liikumine ja resultatiivsus.

Samatüveliste verbide aspektuaalset kõrvutamist kitsas kontekstis ei esine kuigi sageli, kuid see näitab üsna selgesti vene aja-aspekti süsteemi seismist konflikti.

Artikli lõpuosas konstateeritakse luules esinevate aspektikategooria-eksperimentide rohkust. Perfektiivse ja imperfektiivse aspekti verbe tekstis iseloomustab akroonilisus, mis võimaldab seostada tänapäeva vene keelt ajalooga ning samas rajada teed tulevikku. Poeet on vahendajaks vanade keelesüsteemi osade ja tänapäeva võimaluste vahel.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Е. И. КОСТАНДИ

Целый ряд признаков русской разговорной речи (далее — PPP / PP), регулярное и последовательное изучение которой началось в 60-е годы XX столетия, детально проанализирован. Прежде всего это касается особенностей словоупотребления, словообразования, синтаксиса и структуры текста [Земская 2004, Лаптева 1976, Сиротинина 1996, Шведова 2003]. Прагматический аспект PP также постоянно выступает предметом изучения, поскольку центральная категория прагматики — категория субъекта — во всех ее проявлениях особенно важна для разговорной речи, отличающейся от речи в большинстве иных коммуникативных условий непосредственным присутствием «главных» субъектов речи — автора и адресата. Так, уже в начальный период активного изучения PP некоторые аспекты оценки (в первую очередь — оценочная лексика) анализируются исследователями, входящими в группу по изучению PP Саратовского государственного университета и в аналогичную группу в ИРЯ АН СССР. Результаты этих исследований привели к появлению разных точек зрения на степень и характер оценочности в PP [см. об этом: Русская разговорная речь 1983]. К сожалению, многие планы исследователей во второй половине 80-х и в последующие годы не могли осуществиться из-за проблем, обусловленных коренными общественными изменениями, произошедшими в тот период. Многие спорные моменты таковыми и остались, характер одного из

основных компонентов прагматического аспекта — оценки — в РР до настоящего времени далеко не описан и не проанализирован полностью, и вопрос сохраняет свою актуальность.

Материалом для настоящего анализа послужили записи РРР, сделанные автором и студентами отделения славянской филологии Тартуского университета. В основном это спонтанные диалоги (полилоги) в непринужденной обстановке (дом, общежитие, школа, университет, кафе, прогулка), число их участников, чаще всего молодых людей, колеблется от 2 до 10, продолжительность отдельных записей — от 15–20 минут до 1–2 часов. Оценочный компонент, особенности его проявления в данном материале ранее не анализировались.

Как известно, среди исследователей нет единого мнения по поводу статуса РРР в системе современного русского языка, настолько разнообразны ее признаки. Специфика РР формируется в результате комплексного взаимодействия разных как языковых, так и экстралингвистических факторов. Как показал анализ материала, эти факторы влияют и на оценку в разговорной речи, на общей характеристике которой остановимся прежде всего. Предварительно напомним, что существует узкое понимание оценки (*хорошо* / *плохо*), однако большинство исследователей, занимающихся проблемами оценочности языковых средств, роли оценки в языке и речи, склоняется к широкому пониманию, имея в виду любое оценивание чего-либо как правильного / неправильного, интересного / неинтересного, красивого / безобразного, доброго / злого и т. д. Такой широкий подход лежит в основе и настоящего исследования.

В проанализированных записях РР аксиологический компонент обладает явной спецификой, отличающей его от оценочности в других коммуникативных условиях и других типах текстов. Попутно отметим, что оценка в иного рода речевом материале анализировалась нами ранее в ряде работ. Говоря о самой общей характеристике оценки в РР, надо подчеркнуть, что она явно согласуется с другими признаками РР, описанными, как уже отмечалось выше, достаточно подробно во множестве работ еще в период «пики» интереса к РРР. Как для

РР в целом, так в особенности для разговорного синтаксиса и словоупотребления характерны двойственность, противоположные признаки: слабооформленность, размытость синтаксических структур, семантики слов, свобода словоупотребления и построения высказывания, с одной стороны, с другой же, напротив, заданность структур, стандарт, лексическая бедность, однотипность. Подобная же картина, а именно противоречивость характеристик, сочетание противоположных признаков, обнаруживается и при попытке определить характер оценочности в РР. Анализ любой, без исключений, записи показывает, что они «пронизаны» субъективностью, постоянным оцениванием всего, однако языковых средств, которые можно было бы однозначно отнести к оценочным, в целом довольно мало, как, например, в следующих фрагментах:

1. а) А. *Все правильно / ложку тогда себе... ложку тоже возьми / а то чем ты будешь кушать-то /*
 Б. *Вообще не понимаю где моя ложка / стоит не там где надо /*
 А. *Только мне еще нужно водички что ли (Б. наливает в кружку А. холодную воду) / Спасибо*
 Б. *Скоро я смотрю у тебя самообслуживание будет скоро / Скоро плату буду брать*
 А. *Да / давай // Я сегодня в плохом настроении / уже в хорошем / ну знаешь просто такая погода хорошая // (пьют чай)*
 Б. *Еще да? налить?*
 А. *Да*
 Б. *Да?*
 А. *Ну да / вообще-то горячий / (Б. наливает А. еще холодной воды) че-то так мало // ну ладно*
 Б. *А я / я просто боюсь что он вообще перельется*
 А. *А-а... ну ладно / хорошо /*
 Б. *Просто такой клювик / маленький*
 А. *Клювик*
 Б. *Клювик / я же не знаю какое он правильно называется //*
 б) В. *... Ботинки / чёрт // закончу халтуру вот /*
 Н. *Да / выбросишь их //*
 В. *Воду пропускают // Так / а газет у нас нет?*

Н. Зачем?

В. Спать на них // Сашка возит матрас /

Н. Возьми и ты одеяло / будешь // что тебе матрас?

В. Да ладно / там устроюсь /

Н. Возьми // всё помягче //

В. Не возьму! // ботинки ... действительно //

П. У вас сирена в гараже?

В. Чёрт поberi! Я её тогда ... этот ... так и не привёз // завтра я с ночи //

П. Заедете? ... Громко орёт?

В. Если у вас // так все собаки взвоят // я помню тогда я на хуторе у нас // чёрт его поberi! На всю округу (смеется)// такой ... громко // на всю округу слышно было!

Н. Ну ты уж скажешь //

В. Я тебе говорю // (обращаясь к П.) привезу! // В гараже лежит //

Участники разговора постоянно выражают свое отношение к чему-то: к тому, где ложка, горячий ли чай, как правильно что-то называть, к погоде, к своему настроению, ботинкам, одеялу, матрасу, сирене и т. д., однако в большинстве случаев оценка не выражается прямо, а выводится из более широкого контекста. Так, в начале второго фрагмента говорится о ботинках, предполагается, видимо, что надо купить новые после окончания какой-то работы (либо деньги будут, чтобы купить ботинки, либо старые еще можно использовать на этой работе, а потом надо купить другие), собеседник поддерживает эту тему (*выбросишь их*), только после этого говорится о причине (*воду пропускают*), по которой о ботинках можно сказать, что они **плохие**. Этот пример отражает общую картину, то есть типичен для РР в целом.

Итак, самая очевидная черта оценочности в РР — сочетание таких противоположных признаков, как постоянное наличие оценки, субъективного отношения к предмету речи, условиям и участникам коммуникации и т. д. и одновременно с этим «размытость», неочевидность оценки. Все оценочно, но часто нет явной оценки, мы о ней лишь догадываемся, либо она становится более или менее очевидной при восприятии достаточно большой части записи. Как мы видим, характер

оценочности соответствует другим, неоднократно отмечавшимся исследователями характеристикам РР, отражающим общий принцип сочетания противоположностей.

Следующая отличительная черта выражения оценки в РР также соотносится с другими ее признаками. Многими авторами отмечалась и анализировалась такая особенность характера номинации в РР, как широкое использование описательных оборотов вместо отдельного слова (ср., например: *Поставить из чего пить; Надо подшить на чем пеленки гладить*) [Сиротинина 1983] даже в тех случаях, когда такое слово в языке есть и часто употребляется. Как показал анализ нашего материала, при оценивании чего-либо в РР тоже регулярно используются описательные обороты, часто очень развернутые. Говорящий описывает предмет, ситуацию, «рисует» картину, которую адресат должен, например, опираясь на свой жизненный опыт, представить и соответственно оценить. При этом часто оценка становится более понятной, аргументированной и в результате лучше воспринимается адресатом, прагматическое воздействие оказывается более эффективным. Такую «описательность», поддерживающую оценку, можно наблюдать, например, в следующих отрывках:

2. а) А. Он не лучше // он кожаный

Т. Ну вот ваще клево // такая же система там // хоп открывается // здесь открывается фигня вот эта / там деньги-деньги

А. А там ничего нету // пока нету

Т. А у меня кстати тоже никогда нету / пользую только карточки // удобно

А. Там / короче / был еще маленький / но он еще меньше / там кроны не влазят просто // пока на евро перейдем

б) А. Она знаешь... она любит всякие такие штучки... интересные / в индийском стиле знаешь там /

Б. Угу /

А. Всякие там эти палочки / знаешь которые

Б. Так это в «Tiimari» есть /

А. Ну да /

Б. В «Novalux'e» есть /

А. Танька там че-то нашла в «Novalux'е»... штучку такую / мы ей купим / а мы знаешь в прошлом году / подарили штучку такую классную / ну она любит свечки там всякие / ну разное такое / она знаешь как бокал сделана / такая как рюмка большая / и была сделана гелевая свечка как вино / наверно такие видела

Б. Да / видела

А. И знаешь... там апельсины и всякие // в общем реально выглядело /

Б. А еще знаешь / есть такие стаканчики...

Таким образом, наиболее очевидные отличительные признаки проявления оценки в РР — регулярность оценок, не выраженных явно языковыми средствами, и широкое использование «описательного» способа передачи оценки. Разумеется, в зависимости от говорящего, адресата, целей и условий коммуникации характер оценочности меняется, используется и оценочно маркированная, экспрессивная лексика, тем не менее отмеченные особенности можно охарактеризовать как достаточно постоянные, отличающие РР от многих других видов речи и отражающие ее своеобразие.

Анализ оценочного компонента предполагает учет факторов, на основании которых человек что-либо оценивает. Основанием для оценки любого предмета, явления могут стать различные признаки (ср.: *яблоко вкусное, кислое, ароматное, сочное, красивое, полезное, большое* и т. д.). Учитывая наличие / отсутствие и характер основания для оценки, Н. Д. Арутюнова [Арутюнова 1998] отмечает, что аксиологические значения в языке могут быть двух типов: общеоценочное и частнооценочное. Первый представлен прилагательными *хороший / плохой* и их синонимами и является своего рода аксиологическим итогом, не требующим доказательств, аргументации. Частнооценочные значения содержат основание оценки, ее мотивацию, в соответствии с чем делятся на: 1) сенсорно-вкусовые, или гедонистические (*вкусный, кислый*); 2) психологические, в которые входят: а) интеллектуальные (*увлекательный, банальный*), б) эмоциональные (*веселый, печальный*); 3) эстетические (*красивый, безобразный*); 4) этические (*чест-*

ный, подлый); 5) утилитарные (*острый, удобный*); 6) нормативные (*нормальный, корректный*); 7) телеологические (*удачный, невыгодный*). Различные оценочные значения и в теории и, особенно, в речи зачастую пересекаются, с трудом разграничиваются, в одном слове или словосочетании могут соединяться два-три вида оценочных значений. Общая оценка в речи также может осложняться добавочными значениями или коннотациями. При установлении типа оценочного значения приходится исходить из доминирования одного из них и учитывать возможность присутствия и других значений, отходящих на второй план. Несмотря на встречающуюся нечеткость, неоднозначность оценочного значения и, соответственно, типа оценки, все же, как показывает анализ разнообразного языкового материала, чаще можно установить доминирующий тип. Например, для так называемого советского политического дискурса (в частности — советского газетного языка) характерно доминирование изначально заданных общих оценок [Костанди 1987]. В современном газетном языке (на материале русской прессы Эстонии) преобладают нормативные оценки [Костанди 2005], анализ записей речи староверов западного Причудья свидетельствует о значимости для этой социальной группы общих, нормативных и этических оценок [Костанди 2007]. Ряд примеров разной частотности различных видов оценочных значений в разных коммуникативных условиях можно продолжить, и на этом фоне очевидной становится специфика РР. Сопоставление РР с другим материалом свидетельствует о том, что ее в наибольшей степени характеризует невозможность установления и разграничения оценочных значений. В отдельных случаях определение такого значения возможно, хотя и при этом оно часто небесспорно, как в следующих примерах.

3. Общая оценка:

Вот / вот послушайте сначала // когда мне говорят о плохих учениках я начинаю вспоминать / пытаюсь вспомнить каким я был // я не был хорошим учеником / я может не был и плохим учеником но вот то что я доставлял учителям кучу неприятностей //

и окно разбивал / и с урока меня там выгоняли неоднократно / ну... хороший я был или плохой человек / значит...

Интеллектуальная:

Ну вот знаешь я тебе говорю... э-эээ... вот ты делаешь это постоянно даже объяснить этого не можешь / что это происходит само собой / но тебе интересно / тебе должно быть просто м-мм-м... наверно интересно / значит предмет должен быть интересен тебе и ты хотел чтобы он был интересен для других // наверно ну вот это мысль что / когда это происходит само собой объяснить трудно / а вообще-то главное чтоб предмет был самому тебе интересен // интересны дети с которыми ты работаешь // мысли / ладно ребят //

Нормативная:

Господи, как ты держишь ребенка? // ... тебе только автомат держать / а не ребенка //

Сенсорно-вкусовая:

- А. Не знаю // но в принципе нормуль / знаешь самое главное не очень сладкое / обычно ведь «Птичье молоко» сладкое / ... А это нормально / ...
- В. В принципе если без чая / то немного сладкое // даже очень

Этическая:

Ну что запомнилось / можете и написать эту историю значит / запомнилась школьная в кавычках так сказать несправедливость / вместе с другом там в потасовке разбили стекло / нас заставили принести не одно стекло вместо разбитого а каждого по стеклу...

Телеологическая:

Я вчера так замерзла / руки / я их еле-еле отогрела // Пришла домой / сразу чаю горячего с медком... мама с собой дала / он хорошо помогает //

Утилитарная:

... дорога была скользкой / там выпал снег / машины размесили / такая каша была на дороге коричневая / скользкое очень покрытие //

Эмоциональная:

Потому что я накрутилась / вышла на улицу / а там / короче / мокрый снег / я такая / Ааа! зачем я накрутилась / сейчас всё равно буду такая мокрая вообще //

Эстетическая:

*О боже / какой звук противный;
Ну вот мы такие все красивые / пошли домой //*

Однако для РР в целом более типичны случаи, когда однозначно установить, какие оценочные значения содержатся в словах, словосочетаниях или в более широком контексте, довольно трудно. Следующий фрагмент речи с точки зрения установления типа оценки именно таким неоднозначным и является:

4. В. Да какой он // (смех)
 А. Да надоели / не могу больше //
 В. Он такой //
 Ж. Маленький //
 В. Да / маленький //
 М. Да какой он маленький?
 В. Знаешь / какой он? Он ростом с Федорова нашего / они вместе с Ивановым // Они теперь самые крутые в этой школе // Они там вообще звезды //
 О. Они раньше такими не были //
 В. Звезды / которые не погаснут // Да / вот! они вот / в школе никогда не были / а там самые
 М. Так он пишет на форуме // «Не забыли Диму Иванова?» // (все смеются)
 В. Нормально... //
 С. Скромно / скромно //

Пересечение разных оценочных значений, то есть сочетание в одном контексте нескольких оснований для оценки, сопоставимо с более общей характеристикой, которую, говоря о главном принципе генерации смысла в РР, Б. М. Гаспаров определил как «многоплановое и многократное наложение и совмещение отдельных компонентов» [Гаспаров 1978: 91]. Постоянное присутствие в речи субъективного отношения, оценки и одновременно с этим отсутствие языковых средств, в первую

очередь — лексических, которые можно было бы однозначно определить как оценочно маркированные, тяготение к использованию описательных оборотов, неразграничение оценочных значений в целом ведут к нечеткости, многозначности, многоплановости оценки в РР.

Отмеченная картина во многом становится не только возможной, но и практически неизбежной в результате использования нелексических и — шире — неязыковых средств выражения оценки. Разумеется, на это обращалось внимание исследователями уже в начальный период изучения РР, но при этом говорилось прежде всего об интонации как «сильном» средстве оценивания [Кузнецова 1974; Русская разговорная речь 1983]. Однако помимо языковых средств в ситуации РР для передачи разного рода информации так же широко используются и внеязыковые средства. Б. М. Гаспаров в указанной выше работе выделил следующие каналы передачи информации в РР: вербальный, мелодический, визуальный, кинетический (передвижение участников коммуникации), спациальный (расстояние), тактильный (соприкосновение), парафонетический. Как показал анализ нашего материала, все эти каналы «задействованы» и для передачи оценки. Объем статьи не позволяет детально рассмотреть все каналы, поэтому остановимся на некоторых отдельных примерах. Так, в следующем фрагменте многое, в том числе и оценки участников коммуникации, становится понятным только с учетом всех перечисленных каналов:

5. *М.* Ну // ну // ну говори чего-нибудь-то //
- С.* А чего говорить-то //
- М.* Господи // с чирьем точно //
- С.* Угу /
- А.* Пустите меня / я помою руки / у меня ребенок / ребенок у меня // ... Саша отойди / разденься / отойди от ребенка //
- С.* Не могу / (к ребенку) бrrrrr //
- (входит Б.)
- Б.* ой / ой / ой / Боже мой / солдатик наш / ужас один (смеется) / ну / здравствуй Ирочка / (обращается к С.) ну ты же стугаешь ребенка //
- И.* Здрасьте //

- С. *Какое испугаю / ты посмотри как она на меня смотрит //*
 Б. *Ну смотрит / ты посмотри на себя то / что ты ... / Са-
 шенька / дай хоть поцелую тебя //*
 М. *Мне не дался //*
 С. *Ой ну не надо / не ... не //* (Б. пытается поцеловать)
 Б. *Ой не могу / Боже / мне ж не достать //*
 М. *Ну посмотри сюда / Саша //*

Данный фрагмент — часть записи разговора, в котором участвуют бабушка (Б.), ее дочь (М.), сын М., приехавший в отпуск солдат (С.), дочь М., мать маленького ребенка (А.), подруга С. (И.). Разговор происходит в непринужденной семейной обстановке, на даче, все много передвигаются, смотрят друг на друга, передают с рук на руки ребенка, обнимаются, целуются, все это эмоционально окрашено, оценочно. Лексика с оценочной составляющей (*Боже мой, ужас один, ой не могу*), соответствующая интонация важны в разговоре, однако не менее значимы соприкосновения, передвижения, взгляды, то есть неязыковые каналы передачи оценки. Два следующих фрагмента демонстрируют особую значимость для передачи различной информации, в том числе и оценки, визуального канала. Говорящие видят предметы (новогодние украшения, диски с фильмами), действия (собеседников, кошки), что и вызывает их оценки:

6. а) А. *А вы че это уже Новый год встречаете? Или провожаете?*
 В. *Ин лав / видишь?*
 А. *И че у вас любовь?*
 В. *Дааа... прикольно / что вот так //*
- б) В. *Да я вижу*
 Г. *Лёш / всё равно нам некогда смотреть*
 В. (смеётся) *Не скажи / у меня теперь можно одно кино смотреть / эти выходные*
 Г. (с сомнением) *Да?*
 В. *А чё за «Кармен»?*
 Б. *«Кармен»?*
 А. *Российский фильм*
 Б. *Русский фильм / ну кстати ничего такой раз посмотреть*
 В. *«Капитан Врунгель» //*

- Б. *«Капитан Врунгель» // ты и принес же его*
В. *Да-да-да*
А. *Маша / кому я игрушечку покупала? / себе наверное (кошка царапает кровать)*
Г. *(к В, который чистит киви) А чё ты её вообще чистишь? / целиком прям / ложечкой так хоп-хоп*
В. *Целиком? / Зачем?*
Г. *Ложечкой выковыривай и всю сразу целиком и выковырится //*

Учет неязыковых каналов передачи информации позволяет сделать вывод, что в условиях РР используется достаточно много оценочных средств, среди которых языковые — лишь одна из имеющихся в распоряжении говорящих возможностей что-то оценить. Выход за границы собственно речи неизбежно требует учета и условий коммуникации, без чего современная лингвистика не обходится. Направлений такого анализа — огромное количество, в рамках данной статьи, думается, целесообразно остановиться на понятии речевой ситуации применительно именно к РР. Представителями Фрейбургской школы были детально проанализированы признаки речевой ситуации применительно к устному общению [см., например, Sprache der Gegenwart 1974]. Понятие речевая ситуация (Redekonstellation) ими характеризуется как «комбинация экстралингвистических элементов, определяющих речевое поведение в конкретном акте коммуникации» [цитируется в переводе по Гвенцадзе 1986: 38]. Инвариантная модель основных значимых для РР экстралингвистических элементов выглядит следующим образом:

- 1) число участников коммуникации;
- 2) соотношение времени текстообразования с временем события;
- 3) степень вовлечения внешней ситуации в речевой акт;
- 4) «ранговые» отношения участников коммуникации, обусловленные их социальными и ситуативными ролями;
- 5) предварительные знания говорящих, уровень специальной подготовки;
- 6) частота смены партнеров;

7) предварительная заданность / незаданность темы;

8) степень гласности.

Перечисленные факторы всегда влияют на использование языковых средств. Как показывает анализ нашего материала, эти показатели значимы и для оценки в РР: они могут вызывать оценку или, напротив, препятствовать ее появлению, влиять на использование тех или иных — как языковых, так и экстралингвистических — средств выражения оценки на степень и характер оценки. Разумеется, как и в случае с разными каналами передачи информации, в рамках одной статьи невозможно рассмотреть действие всех перечисленных компонентов речевой ситуации, приведем лишь некоторые примеры. Так, одна из имеющихся записей — довольно большая по объему беседа учеников гимназии с учителем по случаю его юбилея, на основе которой должна появиться статья в школьной газете. О магнитофонной записи учитель первоначально не знает, его речь, как и речь учеников, изобилует типичными признаками РР, однако все же это речь именно учителя, обращенная к ученикам, речь, в которой заметно влияние письменного кодифицированного литературного языка. Выше, при рассмотрении типов оценок приводились и фрагменты речи этого же респондента (см. пример 3, общая, интеллектуальная, этическая оценки). Речевые характеристики, в том числе и оценочный компонент, всей записи в основных своих показателях аналогичны признакам этих фрагментов, лишь в одном случае картина резко меняется со сменой «ранговых» отношений участников коммуникации, ср.:

7. Г. (подходит, перебивает) *Ничего себе-ее.. пишу-ут..*

А. *А что такое?*

(смех)

А. (повышает голос на Г, в шутку) *Люда блин ты здесь ходишь / интересно / как ты меня заменила а? // вот чего ты меня заменила скажи..*

Г. *Слав // а мы между прочим готовимся к твоему дню рождения..*

А. (перебивает) *Подожди / где мой класс?!*

(смех)

Г. *Ушёл уже*

А. Наврала что уехала куда-то // сама могла бы провести контрольную /

Эта часть разговора происходит в тот момент, когда к беседающим ученикам и учителю (А.) подходит другая учительница (Г.), между А. и Г. приятельские отношения, которые А. обыгрывает, используя «ученический» жаргон (по сути, это не ученический жаргон, но учениками используется: *блин, наврала*). Как уже отмечено выше, основной фактор, повлиявший на изменение речевого поведения — «ранговые» отношения участников коммуникации, обусловленные их социальными и ситуативными ролями, однако в этом же фрагменте можно увидеть и слабое проявление действия других факторов: вовлечение внешней ситуации в речевой акт (подошла Г., класс ушел), предварительные знания говорящих, уровень специальной подготовки (это и знания о предыдущем разговоре А. и Г., и знания учителя о характере сознательно используемых им просторечных элементов), степень гласности (не каждый учитель и не в каждой школе позволит себе такие речевые «вольности» при учениках) и предварительная заданность / незаданность темы (разговор о том, что Г. может вместо А. провести контрольную работу, состоялся, видимо, ранее, однако само появление Г. в данный момент было неожиданным и такая тема разговора не предполагалась). Как мы видим, на отношение участников коммуникации к чему-либо, на их оценки оказывает влияние, пусть даже и незначительное, целый комплекс факторов. Следующий пример несколько иного рода:

8. *А. Еще одну съем / Ты кушай кушай*
 Б. Я кушаю кушаю // Ты что так прям и решила сваливать (А. хочет переехать) /
 А. Просто... знаешь... это... надо было сделать давно / не дотягивать до этого /
 Б. Понятно

В этом фрагменте говорящими вскользь затрагивается тема, которая, очевидно, обсуждалась ранее, суть происходящего понятна коммуникантам, однако в нашей записи, большой по объему (вечер в гостях у подруг в студенческом общежитии), данная тема никак больше не проявляется. Посторонний на-

блюдатель, например, исследователь, имеющий данную магнитофонную запись, может только догадываться, что речь идет о не сложившихся отношениях с соседями, о негативной оценке этого. Подобное можно предположить и в следующем примере — беседе на кухне, в которой участвуют муж (В.), жена (Н.), их племянник.

9. В. *Вчера Валерке звонил //*

Н. *Кому?*

В. *Валерке / Валерке //* Этот... как его... с праздником его поздравил // братца (смеется) сказал ему: «Здравствуй, братец!» (смеется) «С праздником тебя, братец!»

Н. *Делать тебе нечего //*

В. *Дааааа //* Валерка // Ва-ре-лик (смеется)

В словах В. и Н. «проскальзывает» какое-то отношение, возможно, негативное, к брату В. Предварительные знания позволяют говорящим хорошо понимать друг друга, однако прямо они свою оценку не высказывают, возможно, из-за присутствия племянника. Таким образом, в примерах 8 и 9 особенно значимы предварительные участников коммуникации.

Как свидетельствует анализ материала, речевая ситуация является обязательным компонентом целостной картины, дающей возможность понять характер оценки в РР. Разумеется, значимым может быть и более широкий набор факторов (социальные характеристики, индивидуальные признаки говорящих, традиции и т. д.), однако их анализ требует специального исследования, не предполагаемого целями данной статьи.

Таким образом, характеристика собранного материала позволяет сделать следующие выводы. Оценка — постоянная составляющая РР, шире — коммуникации в условиях РР, при этом явно оценочными языковыми средствами она часто не выражена. Регулярно используются для оценивания развернутые описательные конструкции, целые фрагменты текста. Виды оценочных значений «размыты», неопределенны. Помимо собственно языкового, широко используются другие каналы передачи информации в целом и выражения оценки — в частности. Важную роль играют экстралингвистические элементы, формирующие речевую ситуацию. В целом еще раз подтвер-

ждается характеристика оценки как важного компонента речевой деятельности, представляющего комплексное, многозначное явление, отражающее тесную связь языковых и экстралингвистических факторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. 1998 — *Язык и мир человека*. Москва.
- Гаспаров Б. М. 1978 — Устная речь как семиотический объект. *Семантика номинации и семиотика устной речи. Ученые записки ТГУ. Вып. 442*. Тарту.
- Гвенцадзе М. А. 1986 — *Коммуникативная лингвистика и типология текста*. Тбилиси.
- Земская Е. А. 2004 — *Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения*. Москва.
- Костанди Е. И. 1987 — *Языковые средства выражения прагматической направленности газетного текста (на материале хроникальной информации)*. Дис. ... канд. фил. наук. Тарту.
- Костанди Е. И. 2005 — Прагматика новостного дискурса. *Languages and Cultures Interaction: Russian Language in the Cultural and Communication Space of the New Europe*. Riga. Pg. 191–199.
- Костанди Е. И. 2007 — Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II. Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. X*. Тарту.
- Кузнецова Н. И. 1974 — Об ограниченном использовании синонимических свойств языка в устной разговорной речи (на материале атрибутивных словосочетаний). *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 5*. Горький.
- Лаптева О. А. 1976 — *Русский разговорный синтаксис*. Москва.
- Русская разговорная речь 1983 — *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва.
- Сиротинина О. Б. 1983 — *Русская разговорная речь*. Москва.
- Сиротинина О. Б. 1996 — *Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи*. Москва.
- Шведова Н. Ю. 2003 — *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва.
- Sprache der Gegenwart 1974 — *Sprache der Gegenwart. Schriften des Instituts für deutsche Sprache. Gesprochene Sprache. Jahrbuch 1972*. Düsseldorf.

VENE KÕNEKEELE HINNANGULISEST KOMPONENDIST

J. Kostandi

Vene suulise kõne süsteemne uurimine algas 1960.–1970. aastatel, täna-
seks on olemas küllalt detailsed monograafiad, hulk artikleid. Käsitletud
on eelkõige sõnakasutust, süntaksit, tekstistruktuuri, samas kõne prag-
maatilise aspekti uurimine on alles algetapis. Artiklis analüüsitakse Eesti
venelaste suulise kõne pragmaatilise aspekti üht tähtsaimat koostisosa,
milleks on hinnang. Materjalina on kasutatud kõne salvestusi, mida on
teinud TÜ slaavi filoloogia osakonna üliõpilased ja õppejõud. Põhiliselt
on need spontaansed dialoogid kodus, ühiselamus, kohvikus, jalutuskäi-
gul, koolis, ülikoolis. Osalejaid on kaks kuni seitse, enamasti tudengid.

Üldiselt iseloomustab suulist kõnet regulaarne hinnangu olemasolu,
hinnangulist sõnavara esineb samas suhteliselt harva. Hinnangu väljen-
damiseks kasutatakse mitteverbaalseid vahendeid. Kogutud materjali vaa-
deldakse artiklis väärtushinnangu liikide seisukohast. Suulise kõne jaoks
on iseloomulikud kõik väärtushinnangu liigid, tihti on nende vahel võima-
tu piiri tõmmata. Materjali analüüs annab tunnistust sellest, et hinnangu
väljendamise jaoks on olulised kommunikatsiooni tingimused, samuti
kõik Freiburgi koolkonna töödes määratletud kõnesituatsiooni tunnused.

ВАРЬИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРЕАМБУЛАХ ДОГОВОРА СМОЛЕНСКА С РИГОЙ И ГОТСКИМ БЕРЕГОМ 1229 г.

А. М. КУЗНЕЦОВ

Торговый договор Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г. представляет собой один из тех редких случаев, когда до нас дошло несколько редакций одного и того же текста, и нам предоставлена возможность судить о причинах редактирования. В научной литературе закрепились точка зрения, согласно которой причиной различий является, с одной стороны, разное время появления списков: так называемая «рижская» редакция в списках *E* и *D* предшествует «готландской» редакции списков *A*, *B* и *C*. С другой стороны, причиной редактирования стала борьба за смоленский стол сыновей князя Мстислава Романовича и потомков Мстислава Давидовича (см. [Кучкин 1966], иная датировка дана в издании грамот [Сумникова, Лопатин 1963: 18–62]).

Непосредственное изучение оригиналов грамот в Латвийском государственном историческом архиве позволило нам с профессором истории А. С. Ивановым [Ivanovs, Kuznetsov 2006; Кузнецов 2006] предложить другие датировки документов, хотя относительная последовательность их появления осталась прежней. С нашей точки зрения, списки *E*, *D* (довольно точная копия сп. *E*), *A* и *B* все были оформлены уже в 1229 г. Из них *E* — первоначальный вариант договора, не получивший одобрения представителями Готланда, *A* — новый черновой вариант, на основе которого был оформлен в Смоленске

окончательный текст. Этот последний был отправлен на Готланд и до нас не дошел, а его не очень аккуратная копия — сп. В — оставался в Смоленске, пока его в конце XIII — начале XIV в. князь Александр Глебович не отослал в Ригу, как до этого делали и другие князья со списками D и A, подтверждающий старый договор. На такую интерпретацию взаимоотношения списков выводит и сравнение вариантов текста договора.

Кстати, уже у первых исследователей смоленских грамот интерес вызвала дата, указанная в эсхатоколе сп. А готландской редакции:

ѿоан сѧ · грамота писана · ѿшахъ князѧ · ѿ рѣтѧ гнѧ · до
сего лѣта · а · а · ii · с · а · ѿ · н · а · ѿ · н · к 13 об. —
то есть 1228 г.

В сп. E рижской редакции указан 1229 г.:

а сн грамота написана ѿ · ѿ распятѧ князѧ · а · а · н · с
· а · н · а · | а крѣ лѣта 40—416 — то есть 1230 — 1 =
1229.

А. Куник [Kunik 1868: 407] объяснял дату — 1228 г. — другим способом летоисчисления: если в юлианском календаре год начинался с января, то «мариинский» год, которым могли пользоваться немецкие рыцари и который, вероятно, отразился в сп. А, начинался с 25 марта (от Благовещения), поэтому весна 1229 г. входила в 1228 г. Но тогда непонятно, почему дата в документе определяется «от Рождества Господня». Вторая дата — в сп. E — дается «от распятия», то есть от Пасхи, которая тоже приходится на весну, и этот способ вообще не ясен [Kiparsky 1960: 246]¹, но, может быть, намекает на мартовский год византийского летоисчисления. П. В. Голубовский [Голубовский 1895: 123–124] обратил внимание на разные способы выражения числа: первый — с порядком слов 8 лет и 20 — он выводил из немецкого *acht und zwanzig* (у В. Кипарского точнее указаны средненижнегерманские фор-

¹ Благодарю Арто Мустайоки за присланные статьи В. Кипарского.

мы того времени *achteundetwinlich*, *achtentwintich* [Kiparsky 1960: 246]), а второй — из латинского *undetriginta* «без одного тридцать». Надо сказать, что порядок типа 8 и 20 не совсем был чужд и латинскому языку [Соболевский 1998: 48–52]. Конечно, в древнерусской культуре обычно использовалось другое летоисчисление (от сотворения мира), и иными были способы выражения числа. Однако следует заметить, что форма *ѿшаѿ кѿшаѿ* ‘прошло’ в сп. *A* представляет собой древнерусский плюсквамперфект и, следовательно, называет число истекших лет без текущего года. Ср. этот же способ в подтвердительной грамоте князя Федора Ростиславича 1284 г.:

сп ꙗѿ грамота ꙗсана кѣѣтъ ·| ꙗꙗло кѣѣло ѿ рѣѣтка гѣѣ до сего лѣѣта ·ѿ· <знак тысячи пропущен> лѣѣ|тъ ꙗ дѣѣѣтъ лѣѣтъ · ꙗ ѿсѣѣдѣѣсѣѣтъ лѣѣтъ ꙗ трѣѣ ·| лѣѣта · кѣѣ ѣѣтѣѣрѣѣтоѣ лѣѣто ꙗ ꙗꙗꙗꙗꙗꙗ ꙗꙗѣ 9–12, — текущий год назван порядковым числительным.

Интересно, что в грамоте Федора Ростиславича, как и в сп. *E*, использован аорист: сп ꙗѿ грамота ꙗсана кѣѣтъ — сп грамота ꙗꙗꙗꙗꙗ ꙗꙗ, что доказывает только устойчивость формулы, а не сохранение аориста в живой речи.

Документация в Риге велась на латинском и средненижненемецком языке. Отсюда стремление некоторых исследователей прямолинейно связать одну редакцию договора с латинским языком, а другую с немецким. О том, что в начальный период установления отношений между русскими и ганзейскими купцами немецкий договорной чин влиял на русский, а не наоборот, см. замечания в статье [Гиппиус 2002: 119]. Однако представляется, что текст договора 1229 г. в той и другой редакции не является прямым переводом с одного языка — или латинского, или немецкого. Так, уже текст преамбулы демонстрирует противоположный результат влияния обоих языков по сравнению с эсхатоколом, то есть в сп. *A* находим латинизмы, а в сп. *E* германизмы.

Первая фраза преамбулы звучит в рижской (сп. *E*) и готландской редакции (сп. *A*) так:

сп. *Е* — Ѹто сѧ кѧ которое кѣрѣмѧ научетъ дѣяти . то
оутѣржнкають гра|мотою . а бѣша сѧ не заѡиѧ .
познанте . и на памѧть дѣржите нѧ|нѣшнѧ . и по семь
кѣмѣнѧ коудовѧ . ꙗко комоу еи гра|мота прѣдетъ 1-4
 (подчеркнута часть текста, написанная красными чернилами);

сп. *А* — Ѹто сѧ дѣетъ по кѣрѣмѧемъ . то ѡидетъ по
кѣрѣмѧемъ . приказано коудѣте доѡрѧмъ людѧмъ . а
люко грамо|тою оутѣрѣдѧтъ . како то коудѣте кѣемъ
кѣдомъ . нан кто посѧ жнѧнѧ ѡстанѣтъ сѧ 1-2.

В первом случае мысль по структуре простая и однонаправленная: если состоялось соглашение → его надо подтвердить письменно → чтобы знали и помнили ныне живущие → и будущие поколения. Писцы и сп. *Е*, и сп. *Д* почему-то последние слова, начиная с инициала *К*, отделили от предыдущего текста, оформленного красными чернилами, и слили со следующей фразой: того лѣта . коан ꙗнѧ аѡѡрѧхѧ рѧжѧскѧн мѣртѧ, что свидетельствует о неверном осмыслении текста, вероятно, по причине нетрадиционного характера конструкции. В сп. *А* мысль сформулирована сложнее и развивается сразу в двух направлениях: {совершаемое сегодня → потом будет отменено (или — забыто)} → {о нем объявляют народу (сегодня) → и оформляют письменно (на будущее)} → {чтобы все знали ныне живущие → и будущие поколения}.

В этом зачине видят влияние западноевропейских грамот, писанных на латинском языке и содержащих формулу: *Quint ea quae fiunt in tempore, labuntur in tempore* 'что совершается во времени, то и уходит (забывается) во времени' [Успенский 1950: 9] (к сожалению, источник латинской цитаты не указан). В равной мере здесь можно видеть и влияние немецких грамот, ср. зачины: *Dat si witlic al den luden, de dessen bref horet unde set* 'Да будет ведомо всем людям, которые эту грамоту слышат и видят'; *Willick und openbare si allen gunden luden, de dessen gegenwordigen bref seen, horen ofte lesen* 'Да будет ве-

мо и явно всем добрым людям, которые настоящую грамоту видят, слышат или читают' [ГВНП 1949: 71, 83]. Эти примеры показывают, что формула имела варианты в документах, а потому и в древнерусских списках договора 1229 г. она выражена различными способами.

В первоначальном варианте — в сп. *Е* — она построена грамматически некорректно: конъюнктив *кѣиша сѧ не забѣиши* стоит в 3 лице мн. числа, а далее по тексту он соотносится с формами императива 2 лица *познати • п на память държитѣ*. Можно думать, что аорист *кѣиша* здесь уже не является живой формой 3 лица мн. ч. и обслуживает 2 л. По крайней мере, интерпретация пассажа как 'чтобы кто-нибудь (другой) не забыл, прочтите и запомните, ныне живущие и потомки' представляется менее вероятной. В сп. *А* вся конструкция оформлена в 3 лице мн. числа и получила стройный вид. Это результат не только нового перевода, но и хорошей редакторской работы. Отметим дополнительно, что полная форма прилагательного *жнѣи* здесь вряд ли выполняет предикативную функцию вместе с глаголом *ѡстанѣтъсѧ*, как иногда определяют историки языка. Скорее, она образует номинативный блок вместе с местоимением: *кто жнѣи* соответствует причастию мн. ч. *коудоуи* в сп. *Е*.

Редактор протографа сп. *В* сохранил начальную фразу сп. *А*:

Ѥто дѣиеть • по кременомъ • то ѡнде по кременомъ •
приказано коудеть • добрымъ • людемъ • а люко •
грамотоу оутвердѣтъ • како коудеть кѣмъ кѣдомо • нн
кто| посаѣ • жнѣи • ѡстанѣтъ 1–4.

Однако небольшая правка в сторону «окнижнения» языка им была сделана: полногласная форма *по кѣремкнемъ* заменена на неполногласную *по кременомъ* (с новой флексией), при местоимении *како то* устранена древнерусская постпозитивная частица *то* с относительным значением (см. [Зализняк 1981]), не входившая в общедревнерусскую норму.

Следующий фрагмент преамбулы читается так:

сп. *Е* — того лѣта · коли ѿпѣхъ алабрахтѣ рѣжскыи мѣрткѣ ·
 князь мѣстиславъ двѣдѣнѣхъ послаахъ своеѣ мѣужѣ · геремѣа
 попа · на нѣтѣаѣа сѣтского ѿ смолянѣа къ рѣгоу · а нѣ
 рѣгѣ на гѣтскыи вѣрѣгѣ · оутвѣржкати мѣрѣ · рѣзлюбѣ
 на стороноу ѿкѣрѣхъ · кото|роѣ бѣло мѣжѣ немѣи н
 смолянѣа · а за тотѣ мѣрѣ страдалѣ · роу|лазѣ · нс кашла
 п · тоумашѣ мѣхааѣбѣнѣхъ · а бѣи докросѣрднѣ мѣжѣ нѣхъ
 бѣло · а бѣи роуѣскыи мѣ купѣцѣмѣа къ рѣзѣ н на гѣтскомѣ
 вѣрѣзѣ · а немѣцѣскыи мѣ купѣцѣмѣа къ смоленѣскоу волости
 · любо бѣло како| мѣрѣ оутвѣржѣнѣа н докросѣрднѣ · а бѣи къ
 кѣкѣи стоало · н князю любо| бѣи · н вѣѣмѣа смолянѣномѣа н
 рѣжанѣмѣа · н кѣѣмѣа немѣцѣмѣа по вѣето|уномоу морю
 ходѣщѣмѣа 4—14;

сп. *А* — того лѣта коли алабрахтѣ · бааѣа рѣзкѣи оумѣрѣа ·
 ѣздоумѣахъ князѣа смоленѣскыи · мѣстиславъ · двѣдѣа сѣхъ ·
 прислаахъ къ рѣгоу своѣго лоуѣвшего попа · нѣрѣмѣа · ѿ сѣ
 нѣмѣа оумѣна мѣужѣа пантѣаѣа · нскоѣго горда смоленѣска ·
 та| двѣа бѣаа послаахъ оу рѣзѣ · нѣ рѣгѣи ѿѣхѣа на гѣуѣкѣи
 вѣрѣго · тамо тѣсрднѣи мѣрѣ · оутвѣрднѣи мѣрѣ| уѣто
 бѣахъ немѣрно · промѣжю смоленѣска · ѿ рѣгѣи · ѿ гѣтскыи
 вѣрѣгомѣа · вѣсѣмѣа коуѣнѣсѣмѣа · пре сѣи мѣрѣ| троуднѣа
 дѣхѣрѣи людинѣ · рѣафо · нс кашла · кн двѣраннѣа ·
 тоумашѣа смоляннѣа · а ж бѣи мѣро бѣахъ н| дѣа кѣка ·
 оураадиа пѣкѣа мѣрѣа · како бѣа любо рѣсѣи · ѿ вѣѣмоу
 лѣтинѣскомоу ѣзѣакоу · кто то оу роуѣс гѣстнѣтѣ · на
 томѣ мѣроу а ж бѣи мѣрѣа тѣвѣрдѣа бѣахъ · тако бѣахъ князю
 любо · н рѣжанѣмѣаа вѣсѣмѣа · ѿ вѣсѣмоу лѣтинѣскомоу ѣзѣакоу ·
 ѿ вѣсѣмѣа тѣмѣа кто то на оуѣстоко мѣра ходнѣтѣ 2—10.

Более всего здесь в глаза бросается отличие в употреблении глагольных форм. В сп. *Е* только начало представляет собой повествование с перфектом без связки *нослаахъ*, а вот цель по-

сольства обозначена инфинитивами *оуткържнклтн*, *ѡкѣрѣуп*, работа Рольфа и Тумаша обозначена перфектом *страдалъ*, а затем цель — конъюнктивами *акъи кѣло*. В сп. *А* весь текст — повествование: путешествие закончено (последовательность перфектов *прислалъ*, *кѣло*, *їѣхалн*), цель уже достигнута и результат оформлен тем же перфектом — *оуткърднлн мнрѣ* (о Еремее и Пантелее), *оураднлн пакъ мнрѣ* (о Рольфе и Тумаше), *такъ кѣлѣ князю любо*. Это доказывает, что первый вариант договора писался до поездки в Ригу и на Готланд и форма *послалъ* еще предваряет событие, готландская же редакция оформлена уже по возвращении в Смоленск. Изменен и способ именования участников заключения договора: в первой редакции Еремей назван попом, а Пантелей сотским — в соответствии с их положением внутри Смоленска, во второй Еремей уже — «лучший поп», а Пантелей — «умный муж» по латинскому договорному чину¹; составители договора Рольф из Касселя и Тумаш Михалевич в сп. *А* характеризуются как «божий дворянин» (нижненемецкое *ridder Gots* ‘Gottesritter’, эквивалент латинского *frater militiae Christi* [Kiparsky 1939: 86]) и «смоляннин» — по той стороне, которую официально представляют.

Не лишне еще раз отметить, что форма *послѣмъ* в сп. *А* во фразе *та дѣла кѣла послѣмъ оу рнзѣ* вовсе не отражает утрату двойственного числа, поскольку это ТП образа действия, а не предикат, и существительное имеет значение ‘посольство’, а не ‘посол’ [Жолобов, Крысько 2001: 158–159]. Кстати, в сп. *Е* стоит форма мн. ч. *послалъ скоѣ мѡужѣ* перед именами Еремей и Пантелея, то есть речь идет о посольстве во главе с ними, а не только о двух представителях.

¹ Ср. у Генриха Латвийского: *misit cum eis Ludolfum, virum prudentem ac divitem de Smalenceke* [Heinrici Chronicon Livoniae 1993: 144] о договоре 1210 г. между Ригой и полоцким кн. Владимиром (Володарем) Всеславичем.

В сп. *A* отредактировано и переведенное с немецкого название *ostersê* 'Ostsee': по кхстоуному морю заменено выражением на оустоко моря, то есть 'Остзейский край', а не собственно море [Kiparsky 1960: 245]. Многозначная лексема страдаа, в значении 'работать' более известная в деловых памятниках письменности и говорах, заменена однозначной трудоудннса, свойственной книжному языку. Фраза коан иѣпн ааѣбрахтѣ рнжѣкнн мъртѣ с прилагательным, соответствующим или латинскому перфекту *mortuus est*, или обороту *ablativus absolutus*: *episcopo... mortuo* [Голубовский 1895: 124]) — исправлена на коан ааѣбрахтѣ • кадка рнжкнн оумьра (с изменением порядка слов в титуловании). Лингвоэтнический признак немѣмѣ заменен на конфессиональный признак латинескомоу иѣзѣкоу.

Редактор протографа сп. *B* в этом пассаже продолжает править текст в сторону «окнижнения» и вводит причастно-глагольную конструкцию с аористом на месте перфектов:

схадумаѣ кназѣ смоаенськнн • мьстисааѣ • дкдѣ • снѣ
• и присаа к рнгоу • своего • лю/увшего <так в ркп.> • попа •
иеремѣа • и є ннмь оумна • моужа • паньтѣаѣа 5–7а.

Во фразе кто к роуѣ гоститѣ 15а опять убирает частицу то, но оставляет ее в последней фразе: кто то • на кхстока моря ходнтѣ 17а.

Заключительный пассаж преамбулы, продолжающий характеристику деятельности Рольфа и Тумаша, не совпадает во всех трех списках, сравним сначала сп. *E* и сп. *A*:

сп. *E* — ажѣ такоу правдоу напеаап • котороу правдоу кжити
роуснн кѣ рнзѣ • п на готѣскомь березѣ • тою же
пра/кдоу немѣмѣ кѣ смоаенськѣ • а кннша ѣа тон прабдѣ
дѣржаан кѣ кѣ/кнн • кѣ того не дан <→> ѡже розкон
грѣхнмь пригоднтѣа • межн немѣн п межн роусн • что за
что паатнтн • аѣн мирѣ не раздроушенѣ • аѣн роу/спн н
немунуню аюво кнло 14–19а;

сп. *А* — ажъ кѣ налѣзлѣ нрѣдоу • то напѣати • како то
 держатѣ роусѣ • еѣ латинескѣмъ ѿзъикомѣ • н
 латинескому ѿзъикоу сѣ роусю • то держатѣ • ажъ
кѣхѣмъ | что тако оуѣннанъ • того кѣ не даѣ <→> • ажъ кѣ
 нрѣмъю на нѣ конъ кѣхѣ • а людоу ѣкѣ оуѣнѣтъ до смѣти
 • како | ѣкѣ то ѿпаати • ажъ кѣ мнѣ не рѣздрѣшенъ
 кѣхѣ • ѣ такъ наати • како то кѣ ѿѣмъ людоу кѣхѣ
 10–13.

Мысль в начале пассажа в сп. *Е* оформлена плохо: целевая конструкция подчиняет изъяснительное придаточное с союзным словом *котороу*, которое одновременно подчиняется следующему предложению *тоу же* *пракдоу* *немѣмъ* *кѣ* *смоленскѣ* как местоименно-соотносительное, то есть на одно придаточное приходится два разных главных предложения. Редактор сп. *А* исправляет эту оплошность: субъектом целевой конструкции выбирает не составителей, а читателей, но делает ошибку в форме числа *налѣзлѣ*, которая не может выражать кванторное значение ‘всякий’. А далее текст в сп. *А* ухудшается: подражая сп. *Е* в плане сохранения условной конструкции, составитель меняет ее содержание: ажъ кѣхѣмъ что тако оуѣннанъ — и соотносит ее с предложением того кѣ не даѣ, у которого справа уже есть конструкция с союзом *ажъ*.

И только составитель протографа сп. *В* доводит правку до конца, направив смысловую связь подчеркнутой фразы к предыдущему контексту:

ажъ кѣ налѣзлѣ пракдоу • то напѣати • то напѣати <так
 в ркп.> • како то держатѣ | роусѣ • е латинескѣмъ
 ѿзъикомѣ • пракдоу • а латинескому | ѿзъикоу • сѣ роусю
 держатѣ пракдоу • <←> ажъ кѣхѣмъ • то тако оуѣннанъ •
то когѣ людоу • ѣ неправдоу дѣюу • нрѣмъ то | го • конъ •
 кѣкѣтъ • н ѣкѣ • оуѣнѣтъ • до смѣти • како того

улоуѣка • ѿплатити • ажъ кѣ мнѣ не разоушенъ кѣиъ •
то тако платити • како то окомъ люко • кѣио 21–25а.

Надо сказать, что благодаря этой правке текст стал звучать внятнее.

Одновременно заметим, что исправлена и форма числа кѣи нааѣзи, причем вспомогательный глагол уже не согласуется с мн. числом причастия. Таким образом, предположение об утрате спряжения аористом в конъюнктиве получает подтверждение. Менее заметно исправление приставки на книжную форму в слове разоушенъ (так она дана уже в сп. *Е*). Анализ всего текста сп. *В* дает повод думать, что составитель протографа держал перед собой не только готландскую редакцию, но и рижскую (в копии *Д*).

Итак, анализ редакторских правок показывает, что списки располагались в последовательности $E(D) \rightarrow A \rightarrow B$. С другой стороны, датировка списков именно в такой последовательности, основанная на других признаках документов, помогает понять направленность редакторских правок. Как видим, в XIII в. вырабатывается особый язык деловой документации Древней Руси в отношениях с западноевропейскими купцами и немецкими орденами. Он испытывает влияние латинского и средненижненемецкого языков, но пытается найти свои собственные средства выражения в виде клишированных конструкций, элементов живой восточнославянской речи и ставшей привычной книжной речи.

ЛИТЕРАТУРА

- ГВНП 1949 — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. Москва–Ленинград.
Гиппиус А. А. 2002 — *О книге Е. Р. Сквайрс и С. Н. Фердинанд «Ганза и Новгород»*. Древняя Русь: Вопросы медиевистики. № 4 (10). С. 113–120.
Голубовский 1895 — *История Смоленской земли до начала XV ст.* Киев.

- Жолобов О. Ф., Крысько В. Б. 2001 — Двойственное число. (Историческая грамматика древнерусского языка. Т. II.) Москва.
- Зализняк А. А. 1981 — *Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском*. Балто-славянские исследования: 1980. Москва. С. 89–107.
- Кузнецов А. М. 2006 — *О датировке списков Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г.* Daugavpils universitāte. Humanitāro zinātņu vēstnesis. N. 10. С. 58–75.
- Кучкин В. А. 1966 — *О древнейших смоленских грамотах*. История СССР, № 3. С. 103–114.
- [Kunik, A.] 1868 — *Handelsvertrag des Fürsten Mstislaw II. Dawydowitsch von Smolensk mit Riga und der niederdeutschen Handelsgesellschaft auf Gothland im J. 1229. Nach drei Redactionen.* Napiersky K. E. (hrsg.) Russisch–Livländische Urkunden. St. Petersburg. S. 405–447.
- Сумникова Т. А., Лопатин В. В. 1963 — *Смоленские грамоты XIII–XIV веков*. Под ред. Р. И. Аванесова. Москва.
- Соболевский С. И. 1998 — Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. Санкт-Петербург.
- Успенский С. М. 1950 — *Язык смоленских грамот XII–XIV вв.* Филологический сборник. Смоленск. С. 5–148.
- Heinrici Chronicon Livoniae 1993 — *Indriķa Hronika. Ā. Feldhūna tulkojums. Ē. Mugarēviča priekšvārds un komentāri. Rīga.*
- Ivanovs A., Kuzņecovs A. 2006 — *Senākie līgumi ar Smoļensku Latvijas Valsts vēstures arhīvā: datēšanas un atribūcijas jautājumi.* Latvijas Arhīvi. N. 2. Rīga. 51–118 lpp.
- Kiparsky, V. 1960 — *Wer hat den Handelsvertrag zwischen Smolensk und Riga vom J. 1229. aufgesetzt?* Neuphilologische Mitteilungen, LXI, № 2. S. 244–248.
- Kiparsky, V. 1939 — [Рецензия:] *G. Schmidt, Das Eindringen der hochdeutschen Schriftsprache in der Rigaschen Ratskanzlei.* Neuphilologische Mitteilungen, XL, № 1. S. 83–87.

KEELENDITE VARIATIIVSUS
SMOLENSKI 1229. AASTA LEPINGUTE PREAMBULITES
RIIA JA GOTLANDIGA

A. Kuznetsov

Smolenski 1229. a kaubanduslepingutest Riia ja Gotlandiga on Läti Riiklikus Ajalooarhiivis säilinud viis eksemplari. Neist kaks — E ja D — kujutavad endast nn „Riia redaktsiooni”, kolm — A, B ja C — Gotlandi oma. Koopiate dateerimine ja nende omavahelised seosed on uurija jaoks keeruline probleem. Gotlandi redaktsioonis võib eristada kahte lepingu preambuli varianti, mis teeb asja veelgi komplitseeritumaks.

Artiklis püütakse tõestada preambulis kasutatud keelendite analüüsi alusel, et teksti muudatused said alguse E-koopiast, järgmiseks oli A-koopia ning viimaseks variandiks — B-koopia. Esimene preambuli variant sisaldab infinitiivivorme saatkonna kirjelduses, järgnevates variantides aga kasutatakse mineviku vorme: saatkonna eesmärk on juba saavutatud. Gotlandi redaktsiooni esimene lause on keerulisema ülesehitusega. Ka üldine saatkonna kirjeldus (eesmärgid, tulemus) on üksikasjalikum, kui Riia redaktsioonis. Gotlandi variandis on leitud ladina ja saksa terminite vasteid, mis puuduvad Riia variandis või on ebaõnnestunud: *no восточному морю* > *на восток моря*. Samuti parandatakse siin vanavene konstruktsioone ja vorme: omadussõna *мертв* asendatakse perfektiga *умерл*, pöördes ühildumata osad jäetakse välja. Samas A-koopia preambuli varianti parandatakse koopias B: kõnekeelsed vormid asendatakse kirjakeelsetega — kesksõnade ja aoristiga, vanaslaavi vastetega, kõrvaldatakse kõnekeelsed partiklid, muudetakse lausungi osade vahelisi semantilis-süntaktilisi seoseid.

Kõrvutava analüüsi tulemused võimaldavad ühelt poolt kindlaks teha koopiate tekkimise järjekorra, teiselt poolt väita, et lepingu lõplik variant sarnanes ilmselt B-koopiaga ning oli sellisena saadetud Gotlandile. Kõik koopiad on seega kirjutatud 1229. a. Teksti toimetamine demonstreerib asjaajamisekeele loomisprotsessi selle aja Venemaa suhetes lääneriikidega.

ОБ ОДНОМ АКТУАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВИДА ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. П. КЮЛЬМОЯ

В современной аспектологии уделено немало внимания проблеме инвариантного значения вида, понятию видовой пары, способам действия глагола и их соотношению с видом, то есть обсуждаются морфолого-грамматические значения видовых форм русского языка, значительно меньше внимания уделяется их синтаксическим функциям. Действительно, средоточием аспектуальных значений является прежде всего сфера глагольного предиката. В то же время аспектуальность создается целым рядом взаимодействующих языковых средств, выходящих за пределы предиката и включающих другие элементы высказывания. Кроме адвербиальных лексем и обстоятельственных словосочетаний, в создании аспектуальной семантики высказывания участвует также синтаксическая структура предложения со всеми связующими средствами. Взаимодействие видовых форм в предложении, а также их взаимодействие с самой структурой предложения, их синтаксические функции еще не полностью выяснены. Между тем видовые формы играют важную роль в построении всех синтаксических единиц — словосочетаний, простых и сложных предложений, а также текстов. Учет этих функций при построении высказывания, то есть правильное употребление видовых форм в высказывании и в тексте, представляет трудность для неносителей языка.

Не случайно поэтому функционально-синтаксический, чаще даже синтагматический, аспект затрагивался в определенной мере именно в учебных и методических пособиях по русскому языку как иностранному. Обычно в них рассматривается сочетаемость видовременных форм или видовых форм наклонений с лексическими средствами, выражающими различные модальные оттенки, а также обозначающими повторяемость или однократность, длительность или точечность действия. В некоторых вузовских пособиях затрагивается зависимость значения одновременности или неодновременности действий (таксисная характеристика) от сочетаний видовых форм глаголов. В то же время этим явно не исчерпываются все синтаксические функции видовых форм.

Мысль о необходимости исследовать не только употребление видовых форм, но и их взаимодействие и синтаксические функции появилась в связи с темой кандидатской диссертации, предложенной моим научным руководителем М. А. Шелякиным и касающейся функциональной характеристики кратно-соотносительных конструкций, в которых видовременные формы глаголов ведут себя не совсем обычно, образуя сочетания, точнее даже единства, имеющие своеобразную семантику.

По определению М. А. Шелякина, под синтаксическими функциями видовых форм понимаются свойственные им синтаксические значения, выражающие определенные отношения предикатов в структуре предложений, словосочетаний и текстов [Кюльмоя, Шелякин 2007: 199]. Такие значения видовых форм являются вторичными и опираются на их первичные морфологические значения (то есть значение целостности / нецелостности). Их можно разделить на таксисные, конструктивно-синтаксические и текстовые. Заметим, что в данном случае имеется в виду таксис в широком понимании.

Таксисные функции устанавливают соотносительные связи предикатов и подразделяются на однократно-соотносительные и кратно-соотносительные. **Конструктивно-синтаксические функции** выражают отношения между предикатами и субъектами в простых и сложных предложениях, **тек-**

стовые — соотносительные связи между предикатами предложений, входящих в текст.

1. Синтаксические функции видовых форм при выражении однократно-соотносительных и кратко-соотносительных действий представлены всеми возможными комбинациями видов: НСВ + НСВ; НСВ + СВ; СВ + НСВ; СВ + СВ.

В **однократно-соотносительных** конструкциях они выражают самые разные типы таксисных отношений одновременности и / или неодновременности, их описание дано в [Шелякин 2007: 235–239].

В **кратко-соотносительных** конструкциях (КСК), по моим наблюдениям, основным типом таксисных отношений являются **отношения неодновременности**. Это связано с бывшим употреблением в них имперфекта совершенного вида, устанавливавшим отношения между целостными действиями. Таксисные отношения **одновременности**, выражаемые двумя формами НСВ (если такие конструкции вообще относить к кратко-соотносительным, не все их считают таковыми), не допускаются в КСК в «чистом виде», в 90 % случаев они осложнены различными оттенками обусловленности, чаще всего союз *когда* в них синонимичен союзу *если*, то есть фактически это конструкции, которые В. С. Храковский назвал фоновым таксисом [Храковский 2003: 46].

- (1) *Когда управляющий вызывал меня, я замирал от страха и бежал к крыльцу, как на казнь (Ф. Гладков). Если Белинский сильно горячился и закашливался, Герцен говорил какую-нибудь остроту, которая смешила Белинского и других, и спор делался хладнокровнее (А. Панаева).*

Наиболее частотной и характерной формой для современных кратко-соотносительных конструкций, как и для древнерусских, является форма совершенного вида глагола. Как отмечает А. В. Бондарко, она используется здесь «для подчеркнутого выражения предшествования данного действия другому действию (или какой-либо ситуации) в рамках повторяющегося эпизода» [Бондарко 1971: 198]. В контексте кратко-соотносительной конструкции она допускает синонимическое употребление формы несовершенного вида в неограниченно-

кратном значении, разумеется, при этом изменяется тип таксисных отношений между действиями.

- (2) *Как представляю / представляю себе Париж, так какая-то судорога проходит во мне и не могу влезть в дверь* (М. Булгаков).

Напомним еще об одной интересной, с синтаксической точки зрения, особенности КСК. Во многих случаях повторяемость эпизода в них передается традиционными средствами — лексическими, синтаксическими, контекстуальными, которые используются и в других типах высказываний. Это могут быть:

1. две формы НСВ в их неограниченно-кратном значении:

Однако, отец Мисаил, когда я пью, так трезвых не люблю (А. Пушкин);

2. лексические показатели кратности: *бывает / бывало, иногда, иной раз, каждый раз* и под.:

Бывало, обидится и начнет нервничать (А. Чехов); *А конь все копытами хрукает да фыркает. Ступит иногда с маху на медузу, разбрызгается она по песку, как редкий камень драгоценный* (Ю. Казаков);

3. обобщающие слова типа *человек, наш брат, обычай, привычка* и под.:

Такие женщины если полюбят, то уж любят сильно, всем пылом... (А. Чехов);

4. глагольные формы с обобщенно-личным значением:

Приходишь к нему, положим, буду говорить, на Новый год с поздравлением — трешку дает... (И. Ильф и Е. Петров);

5. местоименные сочетания типа *кто бы ни, кто только*, указывающие на дистрибутивную повторяемость:

В какое бы время кто бы ни позвонил в Варьете, всегда слышался в трубке мягкий, но грустный голос (М. Булгаков);

6. повторяющиеся союзы *то... то, ли... ли*, указывающие на чередование действий:

Взойдет ли утро, ночи ль тень На усыпленны холмы ляжет, Ему красotka «добрый день» И «добру ночь» приветно скажет (Е. Баратынский);

7. предшествующий или последующий контекст, указывающий на повторяемость ситуации:

По случаю холеры перед обедом нили перцовку... Как только сели артели за обед, на берегу появлялся огромный рыжий козел, принадлежавший пожарной команде (В. Гиляровский).

Кроме того, имеется специфическое для данного типа текста средство выражения кратности соотносительных действий, это соотношения СВ и НСВ в определенных временных формах, а именно: СВ **буд-наст** + НСВ **наст**, независимо от порядка их следования:

- (4) *Дрожки только **продребезжат** по каменной настилке и опять **вязнут** в липкой грязи на немощеных улицах* (Ф. Сологуб).
- (5) ***Провоет** снаряд или бомба неподалеку **ухнет**, а они даже голлов не **поднимают*** (Е. Евтушенко).
- (6) *Только что **закрою** глаза, как ко мне **наклоняется** лицо в очках и **бубнит**: «Возьми»...* (М. Булгаков).
- (7) *Дома или в гостях он **сидит**, **сидит** и вдруг **вскочит** и без всякой видимой надобности **быстро зашагает по горнице*** (Ф. Сологуб).

Это возможно, поскольку данные формы унаследовали функции древнерусского имперфекта совершенного и несовершенного вида в кратном значении.

На материале современного языка их кратная функция доказывается тем, что существуют два особых типа КСК. **Вопервых**, такие КСК, которые не содержат никаких показателей повторяемости, иногда они вообще состоят только из названных глагольных форм (СВ буд-наст и НСВ наст), то есть именно соотношение этих форм и передает повторяемость ситуации:

- (8) *Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас **ищут** в голове или **потихоньку проводят пальцем по вашей***

пятке. Слушаешь, слушаешь — и голову повесишь.
(Н. Гоголь).

- (9) *Одно и то же место в трои руки продают. Заберут задатки и пьянствуют* (Д. Мамин-Сибиряк).
- (10) *Самый разгар полки был, а он придет и два часа речь держит* (Г. Троепольский).
- (11) *Как вспомню о своей службе, то невольно выхожу из себя* (Л. Толстой).

Во-вторых, существованием кратно-соотносительных конструкций с безглагольной частью или другим соотношением видовременных форм (чаще всего с двумя формами СВ буд-наст), которые требуют обязательного наличия какого-либо показателя повторяемости или хотя бы минимального вводящего в ситуацию текста — определенной экспозиции.

- (12) *Только или мы как-то странно: сделаем шагов десять и постоим* (Ю. Нагибин);
- (13) *Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своем уме: придет да и ляжет на на том же месте, где он утон; ляжет да затянет песенку...* (И. Тургенев);
- (14) *Верите ли всю душу вымотали! Приедет... и или наштупит, как последний сукин сын, или же капризами все нервы вымотает: и то ему не так, и это не так!* (М. Булгаков);
- (15) *Городничий — хозяин города. Что бы ни было, отвечай: казначейство обокрадут — виноват, церковь сгорела — виноват, пьяных много на улице — виноват* (А. Герцен).

Б. М. Гаспаров предложил считать эту часть — экспозицию, фон — «темой сообщения, той отправной точкой, исходя из которой далее разворачивается основная часть сообщения» [Гаспаров 1979: 124]. Собственно наглядно-примерная часть представляет собой рему, сообщение в собственном смысле, при этом хотя бы одна из форм здесь обязательно СВ.

Таким образом, в КСК можно говорить о **рематической функции СВ и кратно-таксисной функции** взаимодействия форм СВбуд-наст и НСВнаст.

2. Конструктивно-синтаксические функции видовые формы выполняют в составе структурных компонентов опре-

деленных моделей простых и сложных предложений в их типовых значениях. Такие функции видовых форм имеют место, когда значения синтаксических структур соответствуют **значению только одного вида**, поэтому их можно назвать синтаксически связанными, обусловленными синтаксической структурой предложений.

Таковы, например:

- модели простых инфинитивно-сказуемых предложений с НСВ и дательным падежом, обозначающим субъект:

(16) *Тебе сегодня дежурить;*

- модель сложноподчиненного предложения с придаточной частью, в которой инфинитивный предикат НСВ с союзами *чем, вместо, чтобы* выражает порицаемое говорящим, неуместное, по его мнению, действие, в главной части эксплицитно или имплицитно содержится наречие *лучше*, подчеркивающее предпочитаемое говорящим действие:

(17) *Привез бы лучше деньгами, чем самовары покупать;*

- модель сложноподчиненного предложения с союзами *чем* + сравнительная степень наречия + НСВ, *тем* + сравнительная степень наречия + НСВ, выражающие зависимость степени развития действия главной части от степени одновременного развития действия придаточной части:

(18) *Чем выше мы поднимались, тем труднее становилось дышать.*

Сходной является также модель семантически близкого сложноподчиненного предложения с союзом *по мере того как* и НСВ в обеих частях:

(19) *По мере того как поднималось солнце, день теплел и веселел*
(И. Бунин).

По отношению к таким предложениям, разумеется, следует говорить и о таксисной функции видовременных форм в сочетании с союзами;

- модель сложноподчиненного предложения с союзным сочетанием *стоит / не успел как* + инфинитивное сказуемое в придаточной части в форме СВ, выражающие непосредствен-

ное следование события главной части после события придаточной части:

(20) *Стоит опять треснуть льдине, и морозная ночь опять вся содрогнется и загудит, и застонет* (В. Короленко);

(21) *Не успел я сделать и двадцати шагов, как огромный серый заяц выскочил из-за пня* (А. Куприн);

- модель сложноподчиненного предложения с союзами *чтобы не, как бы не* + СВ в изъяснительных придаточных частях, относящихся к опорным словам со значением опасения и выражающих возможность осуществления обозначенных в них нежелательных действий:

(22) *Боюсь, как бы так не заболеть, что и в Россию не попадешь;*

- модель сложноподчиненного предложения с союзами или союзными словами *как, какой* и др. и формой НСВ настоящего или прошедшего времени, в котором выражается значение сравнения с чем-либо существующим в реальности:

(23) *На его лице показалось выражение строгости и страха, какое бывает у людей, слушающих ересь* (А. Чехов);

- модель сложноподчиненного уступительного предложения с союзом *сколько ни* и НСВ в зависимой части, который передает интенсивное, длительное или многократное действие, не достигающее результата в силу каких-либо не называемых препятствующих обстоятельств:

(24) *Дым из трубы поднимается вверх высокий, прямой и живой, а снег падает, и сколько бы ни падало снегу, дым все поднимается* (М. Пришвин).

3. Текстовые функции видовых форм опираются на их синтаксические функции. Например, ряд авторов отмечает, что выражение одновременности действий формами несовершенного вида придает тексту изобразительный фоновый характер, тогда как выражение последовательности целостных действий формами совершенного вида — динамический характер, развертывающий композицию текста и располагающий его события на линии времени повествования. Употреб-

ление видовых форм имеет важное значение для организации целостности текста, установления отношений между его компонентами и выражения его коммуникативной направленности [Шелякин 2007: 253].

Текстовые функции видовых форм не сводятся лишь к организации художественных произведений. По наблюдениям Е. Костанди, соотношение форм совершенного и несовершенного вида может создавать коммуникативное оформление газетного сообщения, в котором совершенный вид развертывает информацию, а несовершенный вид формирует ее исходную часть, служащую основанием для развертывания информации [Костанди 1982].

Таким образом, употребление видовых форм в русском языке имеет свои особенности в зависимости от синтаксически автономной или синтаксически обусловленной позиции глаголов. Сам же функционально-синтаксический аспект вида глагола заслуживает дальнейшего более детального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1971 — *Вид и время русского глагола*. Москва: Промсвещение.
- Гаспаров Б. М. 1979 — О некоторых особенностях функционирования видовых форм в повествовательном тексте. *Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 482. Вопросы русской аспектологии IV. Категория вида и ее функциональные связи*. Тарту. С. 112–126.
- Костанди Е. И. 1982 — Наблюдения над употреблением видовременных форм в газетном тексте. *Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 625. Вопросы русской аспектологии. Семантика аспектуальности в русском языке*. Тарту. С. 100–106.
- Кюльмоя И. П., Шелякин М. А. 2007 — О синтаксических функциях видовых форм в русском языке. *Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.). Труды и материалы*. Москва: МАКС Пресс. С. 199.
- Храковский В. С. 2003 — Категория таксиса (общая характеристика). *Вопросы языкознания*. № 2. С. 32–54.

Шелякин М. А. 2007 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва: Издательство ЛКИ.

ENE VERBI ASPEKTUURINGUTE ÜHEST AKTUAALSEST PROBLEEMIST

I. K  lmoja

T  nap  eva aspektoloogia t  helepanu keskmes on olnud aspekti semantika, aspektipaari probleemid, st on uuritud p  hiliselt aspekti morfoloogiat. Keele  ppe seisukohalt on aga olulised aspekti s  ntaktilised funktsioonid, aspektivormide kasutus lauses ja tekstis, kus seda m  jutavad leksikaalsed vahendid, lause semantika ja struktuur, samuti verbi aja-aspektivormide koostoime. Artikli autor alustas s  ntaktiliste funktsioonide uurimist prof. M.   ljakini juhendamisel oma kandidaadit   s.

Verbi aja-aspektivormide s  ntaktilised funktsioonid v  ljendavad predikaatide suhteid fraasis, lauses ja tekstis. Omades kontekstist tingitud sekundaart  hendusi, toetuvad aspektivormid oma primaart  hendusele, milleks on tegevuse terviklikkus (perfektiivsel aspektil) v  i mitteterviklikkus (imperfektiivsel aspektil). S  ntaktilised funktsioonid jagunevad kolme liiki: taksise-, konstrukt  iv-s  ntaktilised ja tekstifunktsioonid. Taksisefunktsioonid n  itavad predikaatide vastastikuseid suhteid lauses (tegevuste samaaegset v  i jadamisi toimumist) ning jagunevad omakorda iteratiivseteks ja mitteiteratiivseteks. Konstrukt  iv-s  ntaktilised funktsioonid v  ljendavad predikaatide ja subjektide vahelisi suhteid liht- ja liitlausetes, tekstifunktsioonid — predikaatide seoseid teksti kuuluvate lausete vahel.

  ksikasjalikumalt vaadeldakse iteratiivse taksise ja konstrukt  iv-s  ntaktilist funktsiooni t  itvaid vahendeid ja nende realiseerimistingimusi. Omap  raseks situatsiooni iteratiivsuse v  ljendusvahendiks on kahe aja-aspektivormi kombinatsioon *perfektiivne olevik-tulevik* + *imperfektiivne olevik*. Konstrukt  iv-s  ntaktilist funktsiooni t  idavad aja-aspektivormid teatud lauseudelites. Artiklis on toodud seitse liht- ja liitlause mudelit, milles antud funktsioon realiseerub.

СОВМЕСТИМОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ С ДОПОЛНЕНИЕМ, ОБОЗНАЧАЮЩИМ ОГРАНИЧЕННОЕ КОЛИЧЕСТВО

Х. Р. МЕЛИГ

Моя статья посвящена проблеме употребления глагольного вида в конструкциях с квантитативным объектом, как в примере, который я позаимствовал из статьи А. Д. Кошелева: *Маша ест 100 гр. мяса* [Кошелев 1996: 169]. Здесь объект «мясо» осложнен квантитативным показателем «100 гр.». Можно ли так сказать? Имеем ли мы дело с приемлемой конструкцией, с высказыванием, которое допускает интерпретации? И если да, то, при каких условиях данное предложение может быть интерпретировано?

Прежде чем перейти к обсуждению проблемы, я хотел бы напомнить о некоторых основополагающих корреляциях между категорией вида и семантикой предиката, между «view-point aspect» и «situation aspect» [Smith 1991]. Общеизвестно, что в английском языке предложения, содержащие такие глаголы, как *to know*, *to possess* или *to contain*, не допускают модификаций посредством прогрессивной формы. Пример (1) является приемлемым, то есть допускающим интерпретации, тогда как (2) нет.

(1) *I have been reading this book for two weeks now.*

(2) * *I have been knowing John for many years now.*

Однако возможность подобных модификаций зависит не только от глагольной семантики, чаще всего это определяется

смыслом всей конструкции. Это можно продемонстрировать, сопоставив следующие примеры:

(3) *John is standing near the entrance.*

(4) * *The church is standing at the top of a hill.*

Предикаты в примерах (1) и (3), допускающих использование прогрессива, относятся к классу так называемых «stage-level predicates» [Carlson 1979: 57], или эпизодических предикатов [Булыгина, Шмелев 1997: 118], обозначающих «accidentia» [Bolinger 1973], «second-order entities» [Lyons 1977: 444], то есть ситуации, дискретно локализованные на временной оси. О них можно сказать, что они происходят, имели место в определенный момент или определенный временной промежуток. Предикаты в примерах (2) и (4), не допускающих использования прогрессива, принадлежат, напротив, к классу так называемых «object-level predicates», или квалитативных (качественных) предикатных выражений, обозначающих «essentia», в онтологической классификации Дж. Лайонза «third-order entities», то есть ситуации, недискретно локализованные на временной оси. Функция квалитативных предикатов состоит в том, чтобы приписывать конкретным или обобщенным референтам характерный, составляющий их суть признак, например, качество, способность или свойство. Квалитативные конструкции не допускают узуальных интерпретаций, ибо квантификация по времени предполагает дискретную локализацию обозначаемой ситуации на оси времени [Carlson 1977: 124]:

(5) * *John sometimes knows Russian.*

В Вендлеровской классификации глагольных предикатов [Vendler 1967] квалитативные предикаты соответствуют классу «States», определяемые тем, что они не допускают модификацию посредством прогрессива. Но уже З. Вендлер указывает на то, что эпизодические предикаты, то есть так называемые Accomplishment-, Achievement- и Activity-предикаты, могут перенять производное State-значение, а именно в тех случаях, когда они обозначают профессию, способность или качество. Подобные производные State-предикаты названы «specific states» [Vendler 1967: 109].

В русском языке тоже обнаруживается непосредственная связь между квалитативностью предиката и категорией вида: она исключает перфективацию. Квалитативные глаголы *знать*, *владеть* или *иметься* относятся к *imperfectiva tantum*. Они не имеют так называемых парных глаголов СВ, и, кроме того, не образуют так называемых фазовых способов действия, например, ограничительного (**некоторое время повладеть русским языком*) или начинательного (**завладеть русским языком*). В случае, когда соответствующий английскому *to know* русский глагол *знать* получает префикс *у-* и таким образом становится перфективным, имеет место не модификация, а мутация, изменяющая значение данного глагола. *Узнать* — другая лексема, которая, в отличие от *знать*, обозначает ситуацию, дискретно локализованную на оси времени и может иметь парную имперфективную форму *узнавать*. И в русском языке квалитативные предикаты характеризуются тем, что они не допускают узуальных интерпретаций:

(6) * *Игорь иногда владеет английским достаточно хорошо.*

Еще одно сходство между английским и русским языками заключается в том, что и в русском языке для большинства глаголов характерно то, что они могут иметь как эпизодические, так и квалитативные значения. Для предложения *Игорь читал «Правду»* интерпретация зависит от референтного статуса объекта. Если номинация «*Правда*» — конкретно-референтная, то мы имеем дело с эпизодическим значением предиката, которая допускает перфективацию как с помощью парного глагола СВ, так и посредством ограничительного способа действия *Игорь прочитал / почитал «Правду» и лег спать*. Если же объект обладает общереферентным статусом, тогда мы имеем дело с квалитативной предикации, обозначающей характеристику Игоря: он имел обыкновение читать «*Правду*». В этой интерпретации наш пример не допускает ни парного глагола СВ, ни ограничительного способа действия.

Так как большинство глаголов, в том числе глаголы положения в пространстве, могут использоваться как в эпизодиче-

ском, так и качественном значениях, пример (7) не содержит противоречия.

(7) *Вообще-то эта книга стоит на первой полке, но сейчас она там, к сожалению, не стоит.*

Первая его часть выражает качественность, информируя нас о законной местоположении книги, и не содержит никакой информации о том, где данная книга находится в момент речи. Поэтому она истинна и в том случае, если книга находится не на своем месте.

Однако вернемся к английским примерам. Мы убедились в том, что качественные конструкции, обозначающие ситуации, локализованные на временной оси недискретно, не могут быть модифицированы посредством прогрессива. Но дискретная локализация является, как известно, обязательным, но не достаточным условием для употребления прогрессива. Так, например, эпизодические предикаты не могут быть модифицированы посредством прогрессива во всех тех случаях, когда обозначаемые ситуации концептуализируются как моментальные, то есть когда налицо так называемые «pure Achievements» [Vendler 1967: 103] или «happenings» [Bach 1986: 6]. Высказывание, подобное

(8) * *I am just finding the book I have been looking for.*

большинством носителей английского языка принято быть не может. Такого рода модификации невозможны и в тех случаях, когда конструкции содержат объект с показателем количества или меры. Это может быть продемонстрировано на примерах с (9) по (11). Если я на вопрос *Where is John?* дам ответ:

(9) *In the kitchen. He is eating bananas I gave him,*

то мы будем иметь дело с абсолютно корректным высказыванием, так как дополнение *bananas* не является ограниченным. Количество, выраженное множественным числом, может быть ограничено двумя различными способами. Так, я бы мог ответить

(10) *In the kitchen. He is eating two bananas I gave him.*

Но подобный ответ был бы весьма странным: высказывание, вне всяких сомнений, является полностью корректным с языковой точки зрения, однако оно указывает на непривычную ситуацию. Можно понять только так, что Джон ест оба банана одновременно, откусывая по очереди то от одного, то от другого фрукта. Между тем обычно мы представляем процесс поедания двух бананов один за другим — сначала один фрукт, а затем другой. Поэтому невозможно следующее продолжение нашего примера:

(10a) * *John is eating two bananas and has already finished one of them.*

Это высказывание с точки зрения логики противоречиво. Если Джон ест одновременно два банана, то не может быть, что один из двух бананов он уже съел. Подобное продолжение этого примера допускается только тогда, когда Джон ест оба банана один за другим. Но именно такая интерпретация нашего примера без специального контекста не допускается.

Количество бананов в нашем примере может быть ограничено и посредством выражения меры.

(11) <*Where is John? — In the kitchen.*

* *He is eating a pound of bananas I gave him.*

Если количество объектов обозначено, как и в примере (11), то высказывание, без специального контекста нельзя истолковывать, нет во внеязыковой действительности ситуации, на которую оно может быть спроецировано, ситуации, которая бы наполнила его смыслом. И это делает такое высказывание неправильным.

Аналогичные ограничения есть и в русском языке, когда НСВ употребляется в так называемой процессуальной («progressive») функции, как свидетельствуют исследования [Кошелев 1996: 159–169, Падучева 1998, Гловинская 2001: 41–43]. НСВ, как известно, обладает множеством функций. Одна из них — многие из исследователей считают ее основной функцией НСВ — заключается в том, чтобы, так же, как прогрессивная форма в английском языке, представлять ситуации как актуально длящиеся и соотносить их с так называемой фокус-

ной точкой («focalization point») [Dahl 2000: 526–538], которая включается в обозначаемую ситуацию. Иначе говоря, при процессуальном употреблении НСВ обозначаемая ситуация представляется как еще происходящая в фокусной точке, то есть как возникшая, но еще не завершившаяся. Первичной фокусной точкой при этом является момент речи. Для прошедшего и будущего времени можно определить вторичную фокусную точку, например, с помощью обстоятельства времени типа *в два часа* или предикации в совершенном виде: *В два часа / Когда я вошел, Игорь ел два банана, которые я ему дал*. Ограничения подобны английским в примерах с прогрессивной формой:

- (12) *<Где Игорь? — На кухне.> Он ест два банана, которые я ему дал.*

Этот пример может быть понят только так, что Игорь ест оба банана одновременно. Другими словами, эта предложение описывает не две отдельные ситуации с двумя бананами, в каждой по одному, а одну ситуацию с бананами как совокупным объектом. Аналогично интерпретируется пример

- (13) *Когда я вошел, Игорь сидел за столом и пил две чашки чая.*

Он может быть понят только таким образом, что перед Игорем стоят две чашки, и он по очереди пьет то из одной, то из другой.

И для русского, и для английского языка справедливо утверждение, что конструкция с НСВ в процессуальной функции и объектом с количественным показателем, как в примере (14), трудно истолковать без специального контекста.

- (14) * *В данный момент Игорь ест полкило бананов, которые я ему купил.*

Употребление НСВ в процессуальной функции невозможно и в том случае, когда так называемые Activity-глаголы типа *спать, работать*, обозначающие гомогенную деятельность, ограничены пространственными или временными выражениями меры. Такие высказывания, как

- (15) *<Тихо!> — * Дедушка спит два часа.*

(16) *Я пришел, когда дедушка спал два часа.

при употреблении процессуального НСВ не допускают интерпретации, потому что субъект может спать два часа только последовательно, один час за другим, но не одновременно. Русское предложение *Дедушка спит два часа* в настоящем времени может быть интерпретировано как настоящее историческое, как *praesens pro futuro* или как итеративное высказывание. В прошедшем и будущем времени несовершенный вид в этом примере допускает и аспектуально-редуцированную, а именно обобщенную интерпретацию в смысле М. А. Шелякина [Шелякин 2008: 73]:

(16а) *Дедушка как-то уже спал два часа после обеда.*

Интерпретация НСВ в процессуальной функции в примерах (15) и (16) исключена.

Однако несовместимость НСВ в его процессуальной функции с количественными объектами не является обязательной. Это демонстрируют приведенные в примере (17) возможные ответы на вопрос *Где Игорь?*:

(17) *Он покупает полкило мяса на обед.*

Он жарит два яйца.

Он провожает двух наших иностранных гостей на вокзал.

Хотя в данных примерах числительные и показатели меры обладают ограничительной функцией, НСВ может использоваться в процессуальной функции. Это ставит вопрос об условиях процессуальной интерпретации НСВ. Чтобы ответить на него, мне хотелось бы сравнить уже упомянутое предложение,

(18) *Маша ест 100 гр. мяса.*

с другим примером, который также содержит объект с показателем объема, в котором, однако, нет ограничений в отношении применения НСВ в процессуальной функции:

(19) *Маша варит 100 гр. мяса.*

Высказывание *Маша на кухне, она варит 100 гр. мяса* допустимо без специального контекста. Этот факт вызывает удивление, ибо оба предложения обладают фундаментальным сходством: они обозначают ситуации, которые осуществляются

постепенно: 100 граммов мяса провариваются в течение определенного времени, так же, как в течение определенного времени поглощаются 100 граммов мяса. В обоих случаях обозначается изменение состояния, которое обладает абсолютным пределом, по достижении которого ситуации завершаются. Иначе говоря, в обоих случаях речь идет о так называемых Accomplishment-предикациях. В обоих случаях образуется парный глагол СВ с помощью приставки *с-*: *Маша сварила / съела 100 гр. мяса*, что означает: ситуации достигли предела, мясо полностью сварилось или съедено. И для обеих конструкций справедливо, что они при употреблении СВ сочетаются с обстоятельством срока:

(18а) *Маша съела 100 гр. мяса за две минуты.*

(19а) *Маша сварила 100 гр. мяса за полчаса.*

Однако эти предложения должны отличаться друг от друга в одном существенном моменте. *Маша варит 100 гр. мяса* может быть интерпретировано и без контекста при употреблении НСВ в функции процесса. А вот в отношении *Маша ест 100 гр. мяса* это утверждение справедливым не является.

Различие, которое становится основополагающим для различного восприятия двух этих примеров, заключается в следующем: изменение состояния в случае *варить 100 гр. мяса* относится не к количеству, а к качеству мяса. Количество мяса в виде 100 граммов дано с самого начала процесса. Вполне возможные изменения куска мяса при варке — например, изменение его объема или также веса — не являются релевантными. Обозначаемое количество мяса с самого начала включено в ситуации целиком. Напротив, в примере *есть 100 гр. мяса* мы имеем дело с изменением состояния, которое относится к объему объекта. 100 граммов мяса можно сразу положить в кастрюлю, а вот поместить во рту 100 граммов мяса за один раз вряд ли возможно. Поэтому в нашем примере с поглощением пищи прослеживается взаимосвязь между длительностью процесса и количеством потребляемого мяса. Мясо поедается постепенно и во время еды количество съеденного мяса увеличивается. Чем дольше длится процесс поглоще-

ния мяса, тем больше мяса поглощается. Действительно, потребленное количество мяса, указанное дополнением, а именно — 100 граммов, можно определить лишь по завершении ситуации. Однако, при процессуальном употреблении НСВ обозначаемая ситуация представляется как еще происходящая в фокусной точке, то есть она вводится в рассмотрение до своего возможного завершения. Таким образом, возникает противоречие между процессуальным НСВ, который обозначает ситуацию, реализованную в фокусной точке лишь частично, и сообщением о количестве, которое может быть установлено только по завершении ситуации. Именно это и является причиной того, почему наш пример (19) не является адекватным высказыванием без специального контекста.

Сравнение примеров (20) и (21) подтверждают подобное предположение:

(20) *<Где Игорь? — На кухне.> Он варит три яйца, как я его и попросил.*

(21) *<Где Игорь? — На кухне.> Он ест три яйца, которые я ему приготовил.*

Согласно нашим знаниям о мире, три яйца варят по обыкновению одновременно. Таким образом, объем участвующих в ситуации объектов известен при начале разворачивания данной ситуации. А вот поедаются три яйца не одновременно, во всяком случае, если речь идет о вареных яйцах для завтрака. Их поедают одно за другим, и поэтому общее количество действительно поглощенных яиц известно лишь тогда, когда закончен завтрак. Если, например, завтрак был прерван раньше обычного, то не исключено, что Игорь ел не все яйца. Но на пример с варкой яиц это не распространяется. Если три яйца варятся одновременно и процесс варки вдруг прерывается, то совершенно невозможно, что часть яиц, скажем, одно или два, будут сварены, а оставшиеся — еще нет. Все три яйца будут обладать еще слишком жидкой или не слишком твердой консистенцией.

Данные примеры показывают, что употребление НСВ в процессуальной функции в предложениях с количественными

объектами исключено только тогда, когда наличествует связь между длительностью ситуации и изменением количества объектов, что описано в рамках формальной семантики под названием «накопительное соотношение» («incremental relation») см., напр., [Krifka 1989, Partee 1997, Dowty 1991, Filip 1999, см. также Падучева 2004]. Дополнения, обозначающие объекты, объем которых изменяется в процессе развертывания ситуации, именуются «накопительное» дополнение («incremental argument»). В связи с этим, однако, необходимо отметить, что термины «increment» и «incremental relation», а также их русские переводы «накопитель» и «накопительное соотношение» используются в упомянутых работах иногда не только для обозначения предикаций, в которых изменения состояния относятся к объему участников, выраженному дополнением, но вообще для всех предикаций, которые обозначают ситуацию, осуществляемую постепенно, а также и для предикаций, указывающих на качественное изменение участников ситуации. См., например, [Rothstein 2004], [Braginsky & Rothstein 2008] или [Падучева 2004]. Я использую в этой статье термины «накопитель» и «накопительное соотношение» в узком смысле. Накопительное соотношение налицо тогда, когда объем объектов, участвующих в ситуации, уменьшается или увеличивается с продолжением ситуации, и, таким образом, изменение состояния относится только к количеству (а не к качеству) участников.

В рамках упомянутых исследований не раз подтверждается тезис, выдвинутый еще в 1967 году А. Вежбицкой в отношении польского языка, согласно которому предикации с количественно ограниченным накопителем не допускают употребления НСВ в процессуальной функции. В отношении русского языка данное правило могло бы выглядеть следующим образом: предложения с накопительным дополнением, обозначающим ограниченное количество объектов, не допускают употребление НСВ в процессуальной функции.

В дальнейшем мне хотелось бы показать, что данный тезис не соответствует действительности. Существуют контексты, в которых все приведенные выше примеры, в том числе и анг-

лийские с употреблением прогрессива, при наличии квантитативных объектов можно трактовать таким образом, что объекты вовлечены в описываемую ситуацию постепенно, один за другим, так что дополнение является накопительным. Это имеет место в тех случаях, когда дополнение вводится притяжательным местоимением *свой* [Mehlig 1995: 186]. Как мы убедились, такой пример, как *Игорь сидит за столом и пьет две чашки чая* можно истолковать только таким образом, что Игорь пьет из обеих чашек параллельно, то есть то из одной, то и другой. Если же дополнение употребляется с притяжательным местоимением *свой*, то высказывание можно расценить и как накопительное соотношение, то есть так, что Игорь пьет одну чашку за другой.

(22) <Где Игорь? — На кухне.>

Он пьет свои две чашки чая. Одну он уже выпил.

Так же и наш пример с бананами, если дополнение вводится притяжательным местоимением *свой*, не надо понимать таким образом, что Игорь ест оба банана одновременно. Как английский (10), так и русский (12) примеры можно, при введении в состав дополнения притяжательного местоимения *his* или *свой*, понять и таким образом, что оба банана поедаются один за другим. Для обоих примеров возможно такое продолжение, как *He has already finished one of them* / *Один он уже съел*, то есть, дополнение можно интерпретировать как накопительное дополнение:

(23) <Where is John? — In the kitchen.>

He is eating his two bananas. Probably, he has already finished one of them.

(24) <Где Игорь? — На кухне.>

Он ест свои два банана. Вероятно, один он уже съел.

Употребление притяжательного местоимения делает возможным также употребление НСВ в процессуальной функции в Activity-предикациях с пространственными или временными выражениями меры. Высказывание

(25) * *Я пришел, когда дедушка спал два часа.*

не допускает, как мы видели, с учетом данного контекста никаких интерпретаций. А вот такое высказывание, как *Дедушка спит свои два часа* делает это вполне возможным, см. пример (25а).

(25а) *Я пришел, когда дедушка еще спал свои два часа.*

Но почему? Какой же функцией обладает притяжательное местоимение, если не функцией указания на владельца? В данном случае он указывает на то, что обозначаемые ситуации имеют место более или менее регулярно: Игорь пьет две чашки чая, которые он пьет каждый день, дедушка спит свои два часа, которые он спит ежедневно. И по причине регулярности — и это и является решающим моментом — объем / количество объектов является известным уже в фокусной точке. Однако же если количество объектов становится известным не к концу, а известно уже в начале, тогда несоответствие между несовершенным видом, представляющим ситуацию в процессе, то есть до ее завершения, и количественно ограниченным дополнением исчезает. При наличии притяжательного местоимения *свой* все примеры с дополнением, ограниченным в объеме, могут быть поняты в том смысле, что обозначаемые ситуации осуществляются одна за другой и дополнение при этом воспринимаются как накопительное.

Знание количества объектов не обязательно предполагает, что ситуация происходит регулярно. Это знание может иметь место, в частности, в том случае, если количество участников, обозначенных накопительным дополнением, сообщено в предтексте. Е. В. Падучева [1998: 97] отмечает, что НСВ в процессуальной функции сочетается с количественно ограниченным накопителем, если именная группа содержит показатель определенности («marker of definiteness»). И в самом деле, НСВ в своей процессуальной функции может употребляться с количественно ограниченным накопителем, если дополнение сопровождается указательным местоимением *этот* или *тот*. Это возможно потому, что благодаря местоимениям дополнение обозначает количество, которое уже сообщено в предтексте, до фокусной точки. Предложения типа

(26) *Игорь на кухне. Он ест два банана, которые я ему дал.*

(27) *Когда я вошел, Игорь переводил три трудных письма, которые он получил из посольства,*

взятые вне контекста, обозначают одновременно реализуемые ситуации, то есть процесс одновременного поедания двух бананов или процесс одновременного перевода трех писем. В них НСВ в своей процессуальной функции относится к каждой из перечисленных ситуаций в отдельности. Каждая представляется в своей процессуальной фазе, и ни одна не достигла своей кульминации к соответствующей фокусной точке. Говоря формально, в этой интерпретации числительные, сопровождающее дополнение, имеет широкую сферу действия по отношению к НСВ, употребляемому в процессуально функции. Но если дополнение содержит указательное местоимение и, таким образом, количество объектов известно в момент начала разворачивания самой ситуации, то данные примеры можно трактовать и так, что перечисленные объекты вовлекаются в ситуацию постепенно, то есть один за другим.

(26a) *Сегодня утром я дал Игорю два банана. В данный момент он ест **эти** два банана.*

(27a) *Когда я вошел, Игорь переводил **те** два письма, которые он получил из посольства.*

В примере (26a) указательное местоимение *этот* анафорически соотносится с уточненным в предыдущем высказывании количеством. В примере (27a) местоимение указывает на информацию, которая находится в придаточной части предложения. Предполагается, что эта информация известна и что она нужна для реидентификации обозначаемых участников. Так как данные примеры могут быть поняты и как накопительное соотношение, то возможны продолжения типа *Один он уже съел* или *Одно он уже перевел*:

(26b) *Сегодня утром я дал Игорю два банана. В данный момент он ест **эти** два банана. Один он, вероятно, уже съел.*

(27b) *Когда я вошел, Игорь переводил **те** три письма, которые он получил из посольства. Одно он уже перевел.*

Если дополнение, как и в примерах (26б) и (27б), интерпретируется в роли накопителя, то процессуальный НСВ уже не относится дистрибутивно к каждой из перечисленных ситуаций в отдельности, а ко всей совокупности этих ситуаций как целому. Формально говоря, числительное уже не имеет широкой сферы действия по отношению к процессуальному НСВ, но, наоборот, числительное находится в сфере действия процессуального НСВ.

Данный результат можно сформулировать и более общо: в именных группах, которые обладают конкретно-референтным статусом определенности, числительные и показатели меры являются не кванторами («quantor»), а частью описания, и тем самым — предикаторами («predicator»). В таких именных группах, как *this two bananas* или *те три письма* квантификации подвергаются не два или три объекта, входящие в большую группу, а задействуется уже изначально известное количество. Так как числительные в именных группах, имеющих референциальный статус конкретной определенности, не квантифицируют, а относятся к объектам уже квантифицированным в предыдущем контексте, то НСВ в своей процессуальной функции может соотноситься к совокупности всех перечисленных ситуаций в целом, то есть к сумме всех ситуаций.

Конечные результаты я хотел бы проиллюстрировать обобщить примером *Маша раскрашивает две картинки*.

(28) <Где Маша? — На кухне.>

Она раскрашивает две картинки, которые она принесла из детского сада.

(29) <Где Маша? — На кухне.>

*Она раскрашивает **те** две картинки, которые она принесла из детского сада.*

Если количество раскрашиваемых картинок не является известным из контекста, как в примере (28), то данное высказывание можно интерпретировать лишь таким только образом, что Маша раскрашивает обе картинки одновременно. Обе картинки вместе включены в обозначаемую ситуацию и в фокусной точке ни одна из них не завершена. НСВ соотносится в

данном случае дистрибутивно с каждой из перечисленных ситуаций. Обе ситуации представлены процессуально, и ни одна из них не достигла своего результата в фокусной точке. Формально выражаясь, числительные обладают широкой сферой действия по отношению к процессуальному НСВ. В этой интерпретации дополнение не является накопителем.

Если же количество, как в примере (29), напротив, известно, потому что дополнение содержит указательное местоимение, то данная предикация, с одной стороны, может быть понята точно так, как и пример (28): *Маша раскрашивает обе картинки одновременно*. Однако поскольку с употреблением в составе дополнения указательного местоимения объем объектов известен уже к началу развертывания данной ситуации, то пример (29), с другой стороны, может заключать в себе две ситуации, которые реализуются одна за другой. В этой интерпретации мы имеем дело с накопительным соотношением. Это обозначает, что эти две картинки раскрашиваются последовательно, раскрашивание второй начинается после того, когда закончилось раскрашивание первой. В данной интерпретации процессуальный НСВ соотносится к совокупности всех ситуаций в целом, то есть к сумме всех ситуаций. Формально выражаясь, НСВ в его процессуальной функции имеет широкую сферу по отношению к числительным.

Правило можно формулировать следующим образом: в предикации с накопительным дополнением, обозначающим ограниченное количество объектов, употребление НСВ в процессуальной функции допускается только в том случае, если их количество / объем известны из предтекста или из самой ситуации.

Итак, нашли ли мы правило, определяющее корректность / некорректность предложений с квантитативным объектом при употреблении НСВ в процессуальной функции? Всегда ли недопустим наш пример при употреблении НСВ в процессуальной функции *В данный момент Маша ест 100 гр. мяса?* И всегда ли допустим пример *В данный момент Маша варит 100 гр. мяса*, который мы до сих пор без возражений считали таковым? На первый взгляд, что наше правило дает однозначный

ответ на данный вопрос. Для нашего примера с приготовлением пищи справедливо, что дополнение *мясо* понимается не как накопитель, так как 100 граммов мяса, исходя из нашего знания о мире, варятся сразу, а не поочередно. Поэтому данный пример, несмотря на ограничение дополнения в объеме, является допустимым высказыванием. В отличие от этого, наш пример с принятием пищи интерпретируется как накопительное соотношение, так как весьма проблематично положить в рот сразу 100 граммов мяса — подобное количество поедается постепенно. Посему такой пример, как *В данный момент Маша ест 100 гр. мяса* является без наличия специального контекста недопустимым высказыванием. Но является ли это неизбежным? Действительно ли выражение *варить определенное количество мяса* всегда обозначает ситуацию, в которой ограниченное количество понимается не как накопитель?

Представим, что Маша варит не 100 граммов, а 5 килограммов мяса. В таком случае все зависит от вместимости кастрюли, сможет ли Маша сварить эти 5 килограммов за один или все же за большее количество раз. Если кастрюля достаточно большая, чтобы в ней разместились 5 килограммов мяса, и кусок можно было бы сварить за один раз, то в таком случае дополнение *5 килограммов* не является накопителем. Но если же кастрюля маленькая и мясо можно сварить только в несколько приемов, разделив на порции, то ограниченное количество *5 килограммов мяса* следует понимать как накопитель, и, таким образом, высказывание типа *В данный момент Маша варит пять килограммов мяса* с НСВ в процессуальной функции, будет без контекста ложным. Оно может быть допустимым только в том случае, если точное количество известно из предыдущего текста, то есть, например, *В данный момент Маша варит с в о и пять килограммов мяса*, как она это часто делает, или *В данный момент Маша варит т е пять килограммов мяса, которые она купила на обед*. Это в такой же степени справедливо для нашего примера *Маша ест 100 гр. мяса*. Если речь идет не о 100 граммах, а лишь о 10 граммах, то, весьма вероятно, данное количество можно съесть за один раз, а не поэтапно. В таком случае дополнение

не является накопителем, а наш пример и без наличия контекста — допустимым высказыванием. Если же мы перенесемся в воображаемые миры, в мир Гарри Поттера или Корнелии Функе, немецкой писательницы, автора детских фантастических романов, то есть, в миры, где существуют герои, не испытывающие никаких затруднений с тем, чтобы проглотить 100 граммов мяса за один раз, то в таком случае и наше изначальное предложение, в котором фигурирует мясо количеством в 100 граммов, является допустимым высказыванием, не требующим разъяснительного контекста.

Отсюда становится ясно, что вердикт касательно того, являются ли те или иные примеры приемлемым или неприемлемым, зависит не только от языка, но и от наших знаний о мире. Язык не является отражением действительности, а всего лишь предоставляет нам средства для концептуализации действительности каким-либо определенным образом. Задачей семантики является описание этих концептов. Только наше знание о мире может решить, является ли предикация типа *В данный момент Маша ест 100 гр. мяса* накопительным соотношением. Если, как предполагает наше знание о мире, речь идет о накопительном соотношении, то это высказывание без наличия дополнительного контекста является ложным.

ЛИТЕРАТУРА

- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. 1997 — *Языковая концептуализация мира*. Москва.
- Гловинская М. Я. 2001 — *Многозначность и синонимия в видовременной системе русского языка*. Москва.
- Кошелев А. Д. 1996 — Референциальный подход к анализу языковых значений. *Московский лингвистический альманах*. Вып. 1. С. 82–194.
- Падучева Е. В. 1998 — On non-compatibility of Partitive and Imperfective in Russian. *Theoretical Linguistics* 24. С. 73–82.
- Падучева Е. В. 2004 — «Накопитель эффекта» и русская аспектология. *Вопросы языкознания*. № 5. С. 46–57.
- Шелякин М. А. 2008 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.

- Bach, E. 1986 — The algebra of events. *Linguistics and Philosophy*. P. 9–16.
- Bolinger, D. 1973 — Essence and accident. Issues in linguistics: *Papers to honour of Henry and Renee Kahane*. B. B. Kachru et al. (eds.). Urbana, University of Illinois Press. P. 58–69.
- Braginsky, P. & Rothstein, S. 2008 — Vendler Classes and the Russian Aspectual System. *Journal of Slavic Linguistics* 16. P. 1–34.
- Carlson, G. N. 1977 — *Reference to kinds in English*. Amherst, University of Massachusetts.
- Carlson, G. N. 1979 — Generics and atemporal *When*. *Linguistics and Philosophy* 3. P. 49–98.
- Dahl, Ö. 2000 — *Tense and Aspect in the languages of Europe* [Empirical approaches to language typology, EURO-TYP 20–6]. Berlin; New York.
- Dowty, D. R. 1986 — The effects of aspectual class and the temporal structure of the discourse: semantics or pragmatics? *Linguistics and Philosophy* 9. P. 37–61.
- Dowty, D. R. 1991 — Thematic proto-roles and argument selection. *Language* 67 (3). P. 547–619.
- Filip, H. 1999 — *Aspect, eventuality types and nominal reference*. New York, London.
- Goldsmith, J. & Woisetschlaeger, E. 1982 — The logic of the English progressive. *Linguistic Inquiry* 13. P. 79–89.
- Krifka, M. 1989 — Nominalreferenz und Zeitkonstitution. München.
- Lyons, J. 1977 — *Semantics*. Cambridge.
- Mehlig, H. R. 1995 — Wesen und Funktion des Präsens im Slavischen. *Temporalität und Tempus*. H. Jachnow, M. Wingender (eds.). Wiesbaden. P. 176–198.
- Mehlig, H. R. 2008 — Aspect and bounded quantity complements in Russian. *Theoretical and Crosslinguistic Approaches to the Semantics of Aspect*. S. Rothstein (ed.). Amsterdam, Philadelphia. P. 257–290.
- Partee, B. 1997 — Вид и интерпретация именных групп. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ*, т. 3, М. Ю. Черткова (отв. ред.). Москва. С. 121–140.
- Rothstein, S. 2004 — *Structuring Events*. A Study in the Semantics of Lexical Aspect. Oxford.
- Smith, C. S. 1991 — *The parameter of aspect*. Dordrecht.
- Vendler, Z. [1957] 1967 — Verbs and Times. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, London. P. 97–121.
- Wierzbicka, A. 1967 — On the semantics of the verbal aspect in Polish. *To honour of Roman Jakobson*. The Hague, Paris. P. 2231–2249.

IMPERFEKTIIVSE ASPEKTI
PROGRESSIIVI FUNKTSIOONI KOKKUSOBIVUSEST
PIIRITLETUD TEGEVUST TÄHISTAVATE
LAUSESISESTE ARGUMENTIDEGA

H. R. Mehlig

A. Wierzbicka on näidanud poola keele materjali varal, et imperfektiivne aspekt progressiivi funktsioonis ei võimalda kasutada lauses piiritletud tegevust tähistavaid argumente. M. Glovinskaja, J. Padutševa ja A. Košelev on tõestanud, et see kehtib ka vene keele puhul. Laiema kontekstita on lause *Маша ест 100 гр. мяса* võimatu, kuna tekib vastuolu imperfektiivse aspekti protsessi funktsiooni ja kindla koguse teatamise vahel. Imperfektiivne aspekt tähistab situatsiooni selle arengus enne tegevuse lõppemist, söödud kogust aga saab määrata alles siis, kui tegevus on lõpetatud. Samal põhjusel ei saa argumente, mis tähistavad objektide arvu, interpreteerida kui mingi situatsiooni või tegevuse käigus järk järgult kogunevatele objektidele viitavaid. Nt *Маша раскрашивает две картинки, которые она принесла из детского сада* tähendab, et Maša värvib kahte pilti korraga, samaaegselt. Imperfektiivsel aspektil on antud juhul distributiivne tähendus iga üksiku situatsiooni / objekti suhtes.

Artiklis tõestatakse vene ja inglise keele näidete varal, et imperfektiivse aspekti protsessuaalse tähenduse juhul on siiski võimalik kasutada kvantifitseerivaid argumente. Kui objekte haaratakse tegevusega üksteise järel, muutub argumendi tähendus koguvaks, lisandumist näitavaks. See on võimalik demonstratiivpronoomeni *том* või possessiivpronoomeni *свой* kasutamise puhul, need asesõnad võivad esineda ka eelnevas kontekstis. Sel juhul näide *Маша раскрашивает те / свои две картинки, которые она принесла из детского сада* tähendab seda, et pilte värvitakse kordamööda, üksteise järel. Argument *те / свои две картинки* tähistab järk järgult kogunevaid objekte ning imperfektiivne aspekt progressiivi funktsioonis laieneb kogu objektide summale.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
В СВЕТЕ ОТНОШЕНИЙ «АВТОР – МЕДИАТОР»
(на материале «Диалогов
с Иосифом Бродским» С. Волкова)¹

Б. Ю. НОРМАН

...Нет такого писателя, которому редактор
не был бы нужен. Особенно крупным —
редактор необходим позарез.

И. Бродский

Идентичность, то есть тождественность самому себе, — одно из важнейших понятий современной лингвистической методологии. Под данным углом зрения могут исследоваться языковой знак, текст, языковая личность, общественная группа, социум — см., в частности [Granić 2007: 195–199]. Обратная сторона идентичности — изменчивость, или вариативность.

Если мы принимаем, что в течение какого-то времени (на каком-то «временном срезе») язык как таковой остается неизменным и его можно соответствующим образом зафиксировать, описать, то и языковое сознание личности можно принимать за константу. Целостность и идентичность языковой личности есть в некотором смысле гарантия сохранения индивидуума, личности как таковой. На этом, в сущности, основаны

¹ Работа выполнена при поддержке гранта БРФФИ-РГНФ № Г07Р-006.

исследования идиолектов (словари личностей, в том числе писателей), попытки установления авторства текста и т. п.

Известная модель языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым, включает в себя три уровня: мотивационный (деятельностно-коммуникативные потребности), тезаурусный (понятия) и вербально-семантический (слова). Понятно, что на любом из этих уровней происходит определенное движение, но, «существуя и развиваясь в актуальном времени (изменчивая часть), личность, идентичная сама себе, предстает как вневременная сущность (стабильная ее часть)» [Караулов 1987: 39]. Комбинация стабильных и доминантных черт языковой личности в значительной степени и создает социально-психологический образ индивидуума.

О каких же языковых особенностях может здесь идти речь? Современный болгарский исследователь М. Стаменов [2006: 87–88] следующим образом систематизирует «ниши», в которых говорящий субъект может реализовать свою индивидуальность. Это:

- личностный набор преференциальных отношений к миру и самому себе, которые, будучи выражены с помощью языковых средств, представляют субъективную модальную рамку речевого поведения;
- личностные настройки и навыки аспектализации ситуаций действительности, которые говорящий воплощает в языковые структуры;
- совокупность слов и выражений, играющих ключевую роль в идиолекте говорящего;
- совокупность субъективных ассоциаций, приписываемых этим словам и выражениям.

Говоря об идентичности языковой личности применительно к создателю литературных произведений, следует иметь в виду, что у художественного текста может быть, строго говоря, не один автор (это относительно редкий случай: соавторство) или, скажем так, не только автор. Это значительно более естественная и многообразная ситуация, см.: [Норман 2001: 143–149]. Речь идет о людях, вмешивающихся в творческий процесс и имеющих то или иное отношение к созданию ко-

нечного продукта: интервьюере, переписчике, литографчике, редакторе, издателе и т. п. Понятно, что участие такого посредника, или, используя латинский термин, — медиатора, — сильно различается от случая к случаю, но в психологическом и креативном отношении его роль может быть весьма значима.

В нашем случае в качестве объекта исследования выступают беседы с Иосифом Бродским, которые вел, начиная с 1978 года, культуролог Соломон Волков. В 1998 году они были изданы в виде книги «Диалоги с Иосифом Бродским», которая позже несколько раз переиздавалась. Нас в этой книге будут интересовать только оригинальные реплики Бродского. В дальнейшем тексте после примеров¹ будут указываться страницы по изданию [Волков 2003].

Диалоги велись в непринужденной обстановке, но под магнитофон, что дало повод автору предисловия к книге, Якову Гордину, заявить: «Наличие магнитофона исключает фактор даже непреднамеренной интерпретации. Перед читателем не *волковский* Бродский, но Бродский как таковой. Ответственность на всем сказанном — на нем самом» (с. 7). Мы позволим себе не согласиться с этим тезисом. Я. Гордин недооценивает роль медиатора. Дело не только в том, что Волков инициирует эти беседы (они начались по его предложению), планирует их тематику, направляет течение разговора в нужное русло, иногда просто «интеллектуально провоцирует» Бродского. Дело еще и в специфике преобразования устного текста в письменный. Подготовка книги к изданию неизбежно включает в себя определенную текстологическую и, шире, филологическую работу, которая так или иначе базируется на определенных принципах.

Какова была роль Соломона Волкова? Как уже отмечалось, он выступает как инициатор и, говоря спортивным языком, спарринг-партнер этих бесед. В то же время собеседники предполагали или даже знали, что диалоги записываются на пленку с целью их последующей публикации. А значит, собеседник Бродского как *editor* (русские *издатель* и *редактор* не

¹ Жирный шрифт в цитатах наш. — Б. Н.

вполне передают смысл этого английского термина) оказывается в двойственном положении. Он — своего рода прозрачное стекло, которое встает между наблюдателем и реальным пейзажем. Он не мешает, но присутствует.

С одной стороны, он должен осознавать свою вторичность по отношению к автору — и в этом смысле обязан максимально «раствориться» в последнем. Тем более если речь идет о таком замечательном явлении в мировой литературе и культуре, как Иосиф Бродский. Медиатор представляет интересы автора, он заинтересован в том, чтобы ничто из особенностей устной речи Бродского (модуляции голоса и выделение тембром отдельных слов, паузы, а по возможности также жесты и мимика и т. п.), не пропало при передаче в письменной форме. Однако понятно, что его вмешательство в текст должно быть **минимальным**.

С другой стороны, медиатор представляет интересы читателя, с его приблизительно реконструируемым культурным и литературным багажом. И в этом смысле он **обязан вносить что-то в текст**, облегчая путь читателя к искомому смыслу. С. Волков — опытный литератор, человек с богатым жизненным и культурным опытом, и не случайно подготовленный им текст называется «Диалоги» (не «интервью» и не еще как-то!). Вообще желание «отметиться», зафиксировать свое участие в тексте естественно для любого редактора. Тем более лестно почувствовать себя на равной ноге с нобелевским лауреатом и, готовя магнитофонные записи к печати, вносить в них какие-то изменения. Конечно, эти изменения минимальны: очистка от речевого «мусора» (покашливаний, «эканья» и т. п.), разбивка на предложения, расстановка знаков препинания, выделение тех или иных слов разрядкой или курсивом... И все же Волков мог бы с полным правом сказать: текст-то Бродского, но курсив — мой!

Обратимся к представленным в книге высказываниям Бродского. Они сильно различаются по своей величине — иногда это отдельные фразы, иногда связный текст, занимающий в книге страницу или более печатного текста.

Не случайно исследователи, начиная с первых монографий, посвященных творчеству поэта [Крепс 1984], обращали особое внимание на язык его произведений. Используемая Бродским лексика в стилевом отношении чрезвычайно разнородна. Мы находим здесь массу терминов — технических, музыкальных, медицинских, филологических, философских и других, например: *фальцет, ландшафт, абсорбировать, эманация, элоквиция, аура, карбонарий, экзистенциальный, гедонизм, стоицизм, кларизм, адюльтер, метрополия, квазиготический, бруцеллез, маниакально-депрессивный психоз, идиосинкразия, партикулярный, кумулятивный эффект, постфактум, шурф, клиширование, принцип коллажа, амбивалентность, нюансировка, колористическая гамма, силовое поле, каденция, центробежная энергия, манускрипт* и т. п.

Диссонансом к этой группе слов выступает обильная просторечная лексика. Это слова вроде *навалом, рехнуться, причиндалы, попутать, балаган, закидоны, аморалка, кобениться, озвереть, науськать, пиликать, ихний, шпана, пацан, ни черта, жлоб, выкрутасы, дурдом, слабак, шушера, раздрай, стишки, манатки, лапы* ('руки'), *малина* ('обеспеченная жизнь'), *накачать* 'уговорить' и др.

Примерно так же часто использует поэт жаргонные наименования. Это элементы молодежного (подросткового) сленга и уголовной «фени», в частности: *лажа, баиши, торчать, балдеть, чувак, блатарь, просекать, канать, шмонать, бенз, корей, фраер, чифирь, залупаться, фарца, падла, клепать* ('обвинять'), *намордник* ('навес над окошком тюремной камеры'), *конь* ('способ тюремной переписки'), *заделанный* ('предопределенный') и др.

Нередко литературные слова поэт употребляет в переносных, в том числе окказионально-авторских значениях. Таковы, в частности, *сопля* 'ерунда' в примере (1), *выпадать* 'впадать в состояние маниакально-депрессивного психоза' в (2), *звон* 'слух' в (3) и под.:

- (1) ...*Это такой сюрреализм, по сравнению с которым Жан Кокто — просто сопля* (с. 27).
- (2) *Это был сигнал того, что Лоуэлл «выпадает»* (с. 188).

- (3) И, в частности, взял Мандельштама «Камень» (потому что слышал **звон** о книге с таким названием) (с. 298).

А если учесть еще встречающиеся в речи Иосифа Бродского английские вкрапления, нередкие здесь вулгаризмы и общенизмы («матизмы»), то картина получается чрезвычайно пестрая, калейдоскопическая. Таков, очевидно, реальный внутренний мир поэта, зафиксированный его языковым сознанием. В этом смысле Бродский продолжал пушкинскую традицию «смещения стилей». Сама обстановка бесед, так же как богатейший предшествующий опыт поэта-изгнанника, не располагала к какому-либо речевому самоограничению, сдерживанию и приглаживанию.

Итак, роль медиатора, посредника между творцом и читателем, заключается прежде всего в том, чтобы приспособить сугубо индивидуальное языковое сознание первого к массовому сознанию второго, но при этом не нарушить идентичности языковой личности автора. Речь идет прежде всего о соотношении словарного состава писателя со словарем «среднестатистического» читателя и возможностей «движения» в нем, то есть его развития.

Такая, используя термин М. А. Шелякина, «коммуникативно-ориентированная адаптация» выражается с помощью различных средств. Особый интерес в данном плане вызывает использование **кавычек** как специфического знака препинания. Кавычки в некотором смысле — компромисс, способ «изменить не меняя». С их помощью пишущий внедряет в свой текст фрагмент уже существующего, обычно чужого, текста. Эта основная, так называемая **цитатная**, функция позволяет рассматривать кавычки как важнейший инструмент идеологии интертекстуальности. Пр процитируем одно из первых научных соображений на эту тему: «С помощью кавычек отличается чужое или предполагаемое с оговоркою «будто бы», «так сказать», «дескать», «мол» от своего без оговорок» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 239]. Действительно, отграничение «чужого» текста от «своего» — первая и основная функция кавычек как парного выделительного знака, появившегося сравнительно поздно (в русской литературе — с конца

XVIII века). По-видимому, осознание и признание «чуждости» вкрапленного текста сформировалось именно на базе письменной речи.

Но данный знак полифункционален. В других случаях он помогает также приспособить «старый» лексический состав к требованиям новых коммуникативных ситуаций. В письменной речи кавычки — отчетливый сигнал для читателя: «Стоп! Что-то тут не так!». Назовем эту их функцию **метаязыковой**. Это второе предназначение данного знака препинания — указывать на то, что слово или словосочетание употреблено не в своем общепринятом (узуальном), а в каком-то ином значении.

В классическом пособии по русскому языку для издательских работников — «Справочнике» Д. Э. Розенталя — об этой функции кавычек говорится так: «Кавычками выделяются: 1) слова непривычные, малоупотребительные, на которые автор хочет обратить внимание...; 2) слова, употребленные в особом, необычном значении...; 3) слова, представляющие собой малоизвестные термины...; 4) слова устарелые или, наоборот, совсем новые, если подчеркивается эта их особенность...; 5) слова, употребленные в ироническом значении...; 6) слова, употребленные в условном значении (применительно к ситуации или контексту)...» [Розенталь 2000: 173].

Любопытно, что при желании усилить выделение слова кавычки могут быть переданы вербальным способом; в русском языке уже прижилось выражение *в кавычках* со значением 'иносказательно'. Ср. пример из прозы И. Губермана («Пожилые записки»):

- (4) *Очевидно, людям полноценным (следует читать это в кавычках) прямо-таки до смерти хотелось обмануть его или обидеть. Был он добр, доверчив и распахнуто душевен.*

Понятно, что метаязыковая функция вырастает из уже упомянутой цитатной: перед нами как бы отсылка к иному тексту (в широком смысле этого слова), иному идиолекту. Более того, она продолжает и развивает прагматический аспект данного графического знака: говорящий, стремящийся к успешному осуществлению речевого акта, рефлегирует над соотносительно-

стью своего словаря со словарем адресата. По выражению Р. Вака, автор с помощью кавычек «подмигивает читателю», предлагает ему соучастие. Кавычки тем самым становятся одним из инструментов создания языковой картины мира в письменном тексте. В устной речи такому знаку соответствует интонационное выделение (в частности, паузы, замедление темпа и/или повышение тона). Симптоматично и то, что в последние годы кавычки получают в русскоязычном общении жестовый эквивалент: двукратное сгибающее движение указательного и среднего пальцев обеих рук, обращенных к слушателю. Судя по всему, в коммуникативном плане данная интенция оценивается как весьма важная.

Если при выделении прямой речи, цитат и условных наименований использование кавычек регламентируется довольно жестко, то в остальных случаях, надо признать, пишущий обладает значительной степенью свободы в постановке этого знака. Прочитируем известного исследователя русской пунктуации: «Сам тот факт, что употребление факультативных кавычек [...], по существу, строго не кодифицировано (в отличие от обязательных кавычек), создает для пишущего ситуацию, когда его решение: ставить кавычки или не ставить? — обусловлено не «правилом» (предписанием), а «правом» (возможностью) пишущего выбрать то, что соответствует его речевому опыту, его пониманию текста» [Шварцкопф 1997: 380].

Сказанное, понятное дело, относится к обычному авторскому тексту. Точно так же ясно, что в устном дискурсе, в том числе в магнитофонных записях разговоров Бродского с Волковым, никаких кавычек нет и быть не могло. Однако при подготовке текста к публикации они должны были появиться — и это как раз сфера деятельности медиатора. Нас, естественно, интересует расстановка кавычек только внутри реплик Бродского (потому что в своих собственных репликах Волков чувствовал себя уверенно и расставлял знаки препинания в соответствии с хорошо знакомым ему замыслом.)

Обратимся к конкретному материалу. Основная масса кавычек в тексте Бродского употреблена в цитатной функции.

Это явление, как нам представляется, особой лингвистической проблемы не составляет. Часто перед нами просто отсылка к предыдущему тексту (в том числе к произнесенным ранее словам самого Бродского) — то есть своеобразный знак анафоры.

Примеры:

- (5) Ну, они попросили меня представить им *«манускрипт»*. И я, отобравши кое-какие стихи, им этот самый *«манускрипт»* представил (с. 147).
- (6) Это — ясность мысли и чувство ответственности за содержание и благородство формы. Вот так. Нет, я попробую снова... Поскольку *«благородство формы»* — это как-то не очень убедительно звучит... (с. 393–394).
- (7) Волков: ...Поэзия ваша весьма эпична и все более и более эпичнеет, что ли...
Бродский: *«Эпичнеет»* — это замечательно... (с. 436).

Выделение с помощью кавычек фрагмента чужого текста зачастую производится с указанием на конкретного автора либо с оговоркой типа «как говорится», «так называемый». Примеры:

- (8) Жуков был последним из русских могикан. Последний *«вождь краснокожих»*, как говорится (с. 67).
- (9) Ахматова говорила, что это *«народные чаяния»* (с. 323).
- (10) И тогда она говорила, что вот это стихотворение *«вынырнуло»* (с. 359).
- (11) И что в отличие от, скажем, Рима или Парижа Петербург — как говорят на ипподроме — город *«заделанный»* (с. 397).

Использование кавычек в цитатной функции позволяет точнее определить культурный и литературный диапазон поэта, тот фон, на котором развивается его собственное творчество. Однако всегда ли сам Бродский был склонен «авторизовать» тот или иной коммуникативный фрагмент? (Под коммуникативными фрагментами, вслед за Б. М. Гаспаровым [1966: 117–119], мы понимаем воспроизводимые отрезки речи, составляющие в совокупности языковой опыт говорящего). Думается, что определенная свобода действий у медиатора и в

данном случае была. Об этом свидетельствуют примеры вроде (12–14).

- (12) *Факт «столь долгого отсутствия» русской зарубежной культуры в метрополии можно объяснить не только эффективностью совершенного отрезания или обрезания, но также простой географией* (с. 253–254).

На наш взгляд, кавычки в случае (12) факультативны. Был, конечно, французский фильм с таким названием, лауреат Каннского фестиваля, но нельзя сказать, что у носителя языка это словосочетание на слуху в связи с конкретным источником. Во всяком случае, не меньше оснований, на наш взгляд, было бы закавычить некрасовские слова в следующем пассаже, в котором соответствующего пунктуационного знака как раз нет:

- (13) *То есть крестьянин приходит в поле — у него не сжата полоска одна. Работяга приходит в цех — его там ждет наряд* (с. 77–78).

Отчетливая литературная отсылка, на сей раз к Гоголю, просматривается и в цитате (14), по отношению к которой медиа-тор опять-таки обошелся без всяких кавычек:

- (14) *И, скажем, в Мичигане — там вообще хоть три года скачи, ни до какого ресторана не доскачешь. И поэтому там обедаешь, где придется* (с. 230).

Впрочем, как известно, граница между цитатой и крылатым словом (не требующим кавычек) относительна и трудноуловима и медиатор, действительно, располагает тут определенной свободой в расстановке знаков препинания.

А вот что касается использования кавычек во второй основной — метаязыковой — функции, то определение степени «отхода» слова от его первоначального значения составляет не только практическую, но и теоретическую проблему. Мы имеем в виду **узуальность** или **окказиональность номинации** и связанную с этим разную силу метафоричности при семантическом переносе. Если у слова появилось вторичное значение и это значение отстоялось, кодифицировалось, нашло свое отражение в словарях — говоря по-другому, стало фактом язы-

ка, то, естественно, нет никакой необходимости снабжать это переносное употребление в тексте кавычками. Таковы в русском языке, скажем, лексико-семантические варианты *панамы* 'афера', *молния* 'вид застежки', *болото* 'косная среда', *стенка* 'набор мебели' и т. п. Если же слово получает переносное значение окказионально, только в данном тексте или данном идиолекте (социолекте), то такое словоупотребление, как правило, оформляется кавычками (а, возможно, также сопровождается непосредственной лексической отсылкой, разъяснением или показателями вроде *так называемый, такой, этот, своего рода* и т. п.).

В специальной работе польского исследователя П. Вежхоня кавычки трактуются как сигнал того, что слово находится «на полпути» между текстом и языком. Опираясь на данные польского электронного корпуса и исключив из него случаи заковыченных цитат, имен собственных и т. п., автор получил около 8 тысяч слов, томящихся, по его выражению, «в лексикографической приемной». Эти неологизмы и неосемантизмы, по П. Вежхону, отражают реальные особенности идиолектов. Приведем развернутую цитату из книги: «Носитель языка сознает, что ему следует употребить кавычки, если он в своем сообщении использует элемент, вызывающий скорее сомнение, чем не критическое, согласующееся с системой одобрение (например, редкие формы словоизменительной или словообразовательной парадигмы). В то же время говорящий прекрасно (интуитивно) понимает значение слова, взятого в кавычки, и рискует включить его в текст. Этот риск тем больший, чем большая степень несогласия, ощущения явной асистемности может ожидаться от читателя данного текста» [Wierzchoń 2003: 56–57].

Возвращаясь к нашей теме, можно сказать, что С. Волков должен был хорошо представлять себе не только каков диапазон переносных значений слов в идиолекте Иосифа Бродского, но и что соответствует этим словам в сознании обычного носителя языка, потенциального читателя: насколько тот или иной перенос значения узурпан или, наоборот, окказионален. Вот это и налагало на медиатора дополнительную ответствен-

ность. Можно было бы поступать тут в соответствии с принципом минимальной необходимости: ставить «метаязыковые» кавычки только там, где без них не обойтись. Тем более, что Бродский даже в приятельской беседе остается поэтом, и метафоричность с очевидностью свойственна и его прозаическим репликам: она служит всепоглощающему стремлению организовать «свой мир» по «своим законам» (ср. наблюдения М. В. Ляпон [1995: 271–272] над языком прозы Марины Цветаевой). Исследователи, анализирующие интервью поэта, в качестве доминант его мировосприятия выделяют свободу от клишированных смыслов, радикальную субъективность, эпистемическую релятивность [Ерофеева 2004: 72–73]. Это проявляется, в частности, в необычайно высокой частоте высказываний, содержащих модус мнения (вроде *я думаю, я считаю, мне кажется, на мой взгляд* и т. п.): на 1170 ответных реплик Бродского приходится 714 единиц, «соотносимых с предикатами мнения» [там же: 70]. Само собой подразумевается, что и потенциальный читатель «Диалогов» должен а priori характеризоваться некоторым интеллектуальным уровнем выше среднего...

Впрочем, говоря о расстановке знаков препинания в письменном тексте, нельзя сбрасывать со счетов роль издательского персонала (у книги есть ответственный редактор, технический редактор, корректор, все они обозначены в выходных данных). Но все же думается, что кавычки — это довольно «концептуальный» знак и расстановка их — прерогатива человека, приносящего рукопись в издательство.

Покажем на иллюстрациях (15–22), как С. Волков с помощью кавычек «адаптирует» текст Иосифа Бродского, предупреждает читателя о семантических или формальных отклонениях от нормы (всего таких примеров в репликах Бродского набралось около 50):

- (15) *Потому что все эти молодые люди — я их называл «борцовщиками» — они знали, что делают, на что идут, чего ради* (с. 102).
- (16) *Что скажет Фрост, увидев «будку» Ахматовой? Эту конуру?* (с. 139).

- (17) *А я ему в ответ говорю: «Вы знаете, это всё очень мило, но меня эта подборка не устраивает, потому что уж больно “овца” получается»* (с. 146).
- (18) *Не говоря уж о том, что творилось в Москве, где все это столпотворение называлось «ахматовкой»* (с. 316).
- (19) *Особенно если тебе нужно сообщить что-либо «наверх», властям* (с. 341).

В эту группу закавыченных слов входит и тюремная лексика, ср.:

- (20) *И заключенные оттуда перекидывали к нам записки на волю, посылали друг другу «коней». [...] «Конь» — это средство общения в тюрьме* (с. 27).
- (21) *И эти простыни начинают ссыхаться на вас. Это называется «укрутка»* (с. 91).
- (22) *Нет, ну какие там нормальные поезда? Ехали в «Столыпине». [...] «Столыпин» — это тюремный вагон* (с. 100–101).

Конечно, читатель может до конца не понимать, что значит «овца» или «укрутка» в идиолекте Бродского, и даже кавычки не всегда ему помогут в этом разобраться, но в любом случае свою предостерегающую функцию они выполняют.

Представляют интерес также закавыченные определения-прилагательные, с помощью которых обозначается отношение поэта к категориям советской идеологии. Они довольно разнообразны: *военный, литературный, современный, мужественный, белогвардейский, советский, секретный* и др. Примеры контекстов:

- (23) *Вы знаете, я слышал об этом докладе, но ведь он же был «секретный», только для сведения членов партии* (с. 36).
- (24) *Самое лучшее из всех ее «белогвардейских» стихов — эти восемь строчек, кончающиеся: «За словом: долг напишут слово: Дон»* (с. 66).
- (25) *Да, у него были давние «литературные» интересы. Но в тот момент его деятельность заключалась в том, что он руководил «народной дружиной»* (с. 77).
- (26) *Тот же Михаил Зенкевич, царство ему небесное: в его стихах присутствует такой «мужественный» элемент — скорее тихоновский, нежели киплингowski* (с. 117).

(27) Я понимаю, что вы имеете в виду, но терминологией этой — «советская — несоветская» — я бы на вашем месте не пользовался (с. 377).

По наблюдениям Л. Найдич, для прилагательных в публицистическом дискурсе советской эпохи характерны две особенности. Одна — в их семантике нарастает оценочность (за счет референтности). Другая — классифицирующая способность прилагательных отходит на второй план, уступая свое место обозначениям общих свойств или даже тавтологическим «подтверждениям» семантики существительного. «Эпитеты такого рода [...] для многих адресатов становятся маркерами ложности высказывания. [...] Адресант строил высказывание по определенным правилам, адресат же воспринимал его не как текст, адекватный реальной действительности, а как часть условного дискурса, в котором приходится участвовать по необходимости» [Найдич 1995: 50].

Что же происходит, если эпитет берется в кавычки? Тем самым не просто ставится под сомнение объективность обозначаемого качества. Происходит своего рода отталкивание, отмежевание от традиции «украшающих эпитетов» советской эпохи. Это любопытно еще и потому, что сам Бродский в тех же беседах подчеркивал: «К поэзии неприменимы прилагательные» (с. 54), имея в виду, что поэзия либо есть, либо ее нет. Получается, что кавычки при прилагательных больше говорят нам об авторе текста, чем о самом свойстве предмета.

В ряде случаев кавычки в тексте Бродского представляются излишними, так как сопровождают слово, переносное значение которого уже легализовалось. В частности, современные толковые словари русского языка включают в себя вторичные значения таких слов, как *хвост* 'шпик', *дворники* 'стеклоочистители', *пиратский* 'нелегально произведенный', *высота* 'вершина творчества' и т. п. — и в литературных контекстах данные лексемы употребляются уже без всяких кавычек. В «Диалогах» же мы то и дело встречаем подобное следующим примерам:

- (28) *И я за этого американца несколько беспокоюсь и пытаюсь ему на бумаге всячески объяснить, что к чему: дескать, за вами «хвост», будьте чрезвычайно осторожны* (с. 154).
- (29) *...Когда человек оставляет где-нибудь свою машину, он снимает «дворники», кладет их в карман и уходит* (с. 180).
- (30) *Мы, надо отдать нам должное, до таких «высот» и не подымались* (с. 302).
- (31) *Мы чаще говорили с ней о Стравинском, слушали советскую «пиратскую» пластинку «Симфония псалмов»* (с. 324).

То же самое можно сказать об устойчивых выражениях типа *зеленая улица*, *холодная война*, *лампочка Ильича*, *козья ножка*, *дать добро* — словари фиксируют их в качестве общеизвестных фразеологизмов, образная составляющая которых в значительной степени стерлась. В высказываниях Бродского они взяты в кавычки:

- (32) *У них ведь там и электричества не было, никаких там «лампочек Ильича»* (с. 108).
- (33) *И Евтушенко выразил готовность поспособствовать моей публикации в «Юности», что в тот момент давало поэту как бы «зеленую улицу»* (с. 145–146).
- (34) *...И уж сам Брежнев дал «добро», а потом все застопорилось* (с. 166).
- (35) *Они из них понаделали «козьи ножки»* (с. 332).
- (36) *Конечно, я не думаю, что «холодная война» возникла только из-за встречи Ахматовой с Берлином* (с. 335).

Что перед нами: попытка облегчить работу читателя? Неверие в его языковую компетенцию? Избыток редакторского рвения? Поспешность и неаккуратность? Кажется, все это слишком легкие варианты ответов.

Дело в том, что в то же время в репликах Бродского можно обнаружить немало «обратных» примеров, когда слово используется в переносном, в том числе окказиональном, значении либо вообще создается автором, — и никакими кавычками в тексте при этом не сопровождается. Несколько примеров из «Диалогов»:

- (37) *Эта фуражка с кокардой и капустой и прочие дела — все это со Сталиным как-то не вязалось...* (с. 36).

- (38) ...У меня есть, вероятно, свои предубеждения и, если угодно, профессиональные **закидоны**. И, конечно, на это можно всё списать (с. 62).
- (39) Начинается жуткий **покрыв** самого себя... (с. 328).
- (40) Это все равно ничего бы не изменило. **Луковок** для этого господина нет, к сожалению (с. 340).
- (41) ...Главная **феня** Ахматовой — это **афористичность** (с. 365).
- (42) И, в отличие от Вознесенского, не корчит из себя ... богему, **тонкача** и знатока искусств (с. 419).
- (43) Поэтому зря поэты предаются **вельтишмерцу** по поводу того, что их не печатают (с. 422).

Все выделенные нами в (37–43) слова вполне заслуживали бы кавычек в той же метаязыковой функции, о которой уже шла речь ранее: предупредить читателя, что на его пути встретятся какие-то речевые «колдобины»...

И вот теперь мы вправе повторить вопрос — в чем причина такой непоследовательности или неуверенности решений медиатора?

С одной стороны, мягкость самой языковой системы, допускающей множество переходных, промежуточных случаев, особенно в области означаемого, предполагает наличие ситуаций, в которых кавычки оказываются факультативным знаком. У самого говорящего (точнее — пишущего) всегда имеется некоторый «люфт» в использовании знаков препинания. Тем же, пусть небольшим, правом выбора обладает медиатор. И неизбежная дистанция между языковой картиной мира нобелевского лауреата и среднестатистического читателя увеличивает вероятность таких случаев. Кавычки — очень «гибкий» знак, как и вся сфера прагматики.

С другой стороны, напомним, что роль медиатора психологически сложна и неблагодарна: это слуга двух господ. Та свобода действий, которой он располагает, ограничена с двух сторон и всегда чревата упреками: семантические «недолеты» и «перелеты» здесь неизбежны. Иными словами, при соотношении сознания адресанта и адресата (в нашем случае писателя и читательской массы) определить оптимум в каждом конкретном контексте нелегко.

Проанализированный нами феномен представляет интерес для общей теории текста, и не в смысле глобальной интертекстуальности («Мы все создаем некий общий текст»), а в лингвopsихологическом плане: он обнажает проблемы, с которыми сталкивается медиатор как своего рода переговорщик, парламентар между автором и читателем. Мы видим, как стремление нивелировать «слишком личностные» смыслы, предупредить коммуникативные неудачи, оптимизировать процесс понимания оборачивается новыми сложностями. Соломон Волков духовно близок своему великому собеседнику, но он вынужден поддерживать и развивать тот образ, который нужен читателю: это Поэт с большой буквы, живой классик, разносторонний и многоопытный человек, метафизик и афорист.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртенэ И. А. 1963 — Знаки препинания. *Избранные труды по общему языкознанию. Т. II.* Москва. С. 238–239.
- Волков С. 2003 — *Диалоги с Иосифом Бродским.* Москва.
- Гаспаров Б. М. 1996 — *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования.* Москва.
- Ерофеева И. А. 2004 — Эпистемическая релятивность как черта постмодернистского дискурса (на материале текстов интервью И. Бродского). *Лингвистика и постмодернизм.* Материалы докладов научно-теоретической конференции. Минск / Беларусь, 20–21 октября 2003 г. Минск. С. 70–73.
- Караулов Ю. Н. 1987 — *Русский язык и языковая личность.* Москва.
- Крепс М. 1984. — *О поэзии Иосифа Бродского.* Ann Arbor.
- Ляпон М. В. 1995 — Языковая личность: поиск доминанты. *Язык — система. Язык — текст. Язык — способность.* К 60-летию Ю. Н. Караулова. Москва. С. 260–276.
- Найдич Л. 1995 — *След на песке.* Очерки о русском языковом узусе. С.-Петербург.
- Норман Б. Ю. 2001 — Субъект говорения: автор и соавтор. *Всероссийская конференция «Русский язык на рубеже тысячелетий. 26–27 октября 2000 г. Материалы докладов и сообщений в трех томах. Том I. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи.* С.-Петербург. С. 138–151.

- Розенталь Д. Э. 2000 — *Справочник по правописанию и литературной правке*. Изд. 2-е, испр. Москва.
- Стаменов М. 2006 — Начини за представяне на субекта в езика. *Език и идиолект*. София. С. 31–89.
- Шварцкопф Б. С. 1997 — «Я поставил кавычки потому, что...». *Облик слова*. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. Москва. С. 374–381.
- Granić J. 2007 — Identitet na granici. *Jezik i identiteti*. Zbornik. Ed. by J. Granić. Zagreb-Split. S. 195–205.
- Wierzchoń P. 2003 — *Z cudzysłówów do poczekalni leksykograficznej*. Warszawa.

AUTORITEKSTI IDENTSUSEST
„AUTOR – VAHENDAJA” SUHETE ASPEKTIST

B. Norman

Arutelu aluseks on S. Volkovi avaldatud „Dialoogid Jossif Brodskiga”. Analüüsitakse autoriteksti identsuse mõningaid aspekte, st teksti kuuluvust Jossif Brodskile. Esitatakse nn mediaatori ehk vahendaja (kirjastaja, toimetaja, intervjuerija jt) tegevuse psühholoogiline ja keeleline interpretatsioon. Konkreetseks uurimisobjektiks on jutumärkide kasutus tekstis.

«НЕЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС» И СИНТАКСИС ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Н. К. ОНИПЕНКО

Можно спрашивать себя, есть ли основание для установления двух категорий, когда дело идет об одних и тех же словах. Но если вспомнить, что задачей исследования является не классификация слов, а подмечание тех общих категорий, под которые говорящие подводят те или другие слова, то разделение не покажется чересчур искусственным.

Л. В. Щерба

Одно из направлений исследовательских интересов Михаила Алексеевича Шелякина — это эгоцентрическое измерение в грамматической системе русского языка [Шелякин 2005: 208–241]. Рассматривая грамматические категории под антропоцентрическим углом зрения, М. А. Шелякин превращает грамматику сугубо описательную в объяснительную; сохраняя строго системный подход, делает грамматику одушевленной, соотнесенной с образом говорящего, с его местом во времени и пространстве, с его интенциями, с его взглядом на мир.

Известно особое отношение М. А. Шелякина к глаголу и глагольным категориям. Известен и большой вклад профессора М. А. Шелякина в теорию глагольного вида и других категорий, предназначенных для выражения «идеи времени» — в разработку пяти функционально-семантических полей по «Теории функциональной грамматики» (ТФГ): аспектуально-

сти, темпоральности, таксиса, временной локализованности и временного порядка. В связи с этим в настоящей работе предлагается обсудить возможность соединения категорий функционально-морфологических и семантико-синтаксических, возможность интерпретации категории таксиса в свете грамматического эгоцентризма.

После статьи Р. О. Якобсона о шифтерах в лингвистической науке наметилось три направления в изучении понятия таксиса. Одно развивает идеи Р. О. Якобсона о темпоральной, но не шифтерной сущности таксиса. Это работы Санкт-Петербургской грамматической школы.

Таксис определялся Р. О. Якобсоном как нешифтерная категория, которая обнаруживается в соединении как минимум двух глагольных форм — двух спрягаемых или спрягаемой и деепричастия, то есть как категория, которая «характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [Якобсон 1972: 101], характеризует только во временном плане. Временное понимание категории таксиса оказалось тесно связанным с проблематикой точки отсчета, дейксиса (Ю. Д. Апресян), режима интерпретации (Е. В. Падучева), предикативности (В. А. Плунгян).

Интересно, что в начале XX века А. М. Пешковский в работе «Русский синтаксис в научном освещении» фактически сформулировал интерпретацию деепричастия как формы, предназначенной для вторичного временного дейксиса. Он писал: «Математически это можно было бы выразить пропорцией: “время” деепричастия так относится ко “времени” глагола, как “время” глагола ко времени речи» [Пешковский 2001: 126].

Идеи Р. О. Якобсона получили свое развитие в томах ТФГ и ПФГ («Проблемы функциональной грамматики»), а также в работах последователей ТФГ, в которых рассматриваются частные значения таксиса как одной из категорий, воплощающих в языке идею времени. А. В. Бондарко, В. С. Храковский, Н. А. Козинцева и другие авторы ТФГ расширили и конкретизировали понятие таксиса, добавив к хронологическим свой-

ствам таксисных пар отношения обусловленности, а также модальные элементы и отношения характеристики. При этом возникла проблема отграничения таксиса от относительного времени.

В. С. Храковский, признавая близость этих категорий, интерпретировал факт введения термина «таксис» следующим образом: «...эта терминологическая замена позволила подвести под понятие, обозначаемое термином *таксис*, не только традиционно учитываемые финитные глагольные формы относительного времени, но и многочисленные и разнообразные формы, имеющие то же самое значение» [Храковский 2003: 37].

А. В. Бондарко, настаивая на сущностном различии категорий таксиса и относительного времени, так сформулировал отличие таксиса от относительного времени: таксис — это соотнесение временных значений «в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [ТФГ 2001: 234–238].

В книге 2002 г. А. В. Бондарко предлагает определение инвариантного значения таксиса: «Инвариантное значение таксиса может быть определено как выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесенность действий, соотнесенность в рамках единого временного плана» [Бондарко 2002: 505].

Сегодня теория таксиса в варианте ТФГ перешла на тот этап своего развития, когда нужно ответить на вопрос, какие пары глагольных форм не относятся к таксису и почему. Соответственно, критерий «единого временного периода» становится дифференциальным признаком для разграничения таксисных и нетаксисных пар.

Другое направление развивается в рамках общей морфологии и представлено работами В. А. Плунгяна и его учеников; в этих работах таксис рассматривается как изменение точки отсчета для предикативных (актуализационных) категорий и, следовательно, встраивается в ряд дейктических категорий как явление вторичного дейксиса.

Третье направление — это концепция коммуникативной грамматики (КГ) [КГ 1998; 2004]: понятие таксиса в КГ интерпретируется как грамматическая соотнесенность двух предикативных единиц, то есть как грамматическая техника межпредикативного взаимодействия, грамматическая база межпредикативных отношений. При этом значительно расширены не только категориальная база таксиса (три категории — модальность, время и лицо, а не одна — время), но и объект: категория таксиса обнаруживается 1) между самостоятельными предикативными единицами в рамках сложного предложения; 2) между предикатами, выраженными финитными формами в односубъектном предложении (однородные сказуемые, «независимый таксис»); 3) в осложненных предложениях с деепричастием и причастиями, а также 4) в предложениях с инфинитивами и 5) с девербативами, деадъективами и др. признаковыми синтаксемами. Такой подход переводит понятие таксиса из плана морфологии в план синтаксиса и соотносит с традиционными объектами синтаксиса — сложным и осложненным предложением.

Здесь нас будет интересовать только пара глагольных предикатов, соединенных союзом *и*, что в теории таксиса принято обозначать термином «независимый таксис», а в синтаксисе осложненного предложения распределять между двумя типами отношений — соединением (сочинительные конструкции, однородные сказуемые, двусказуемые предложения) и присоединением (присоединительные конструкции).

В КГ различаются два «режима работы» предикативных категорий, в зависимости от точки отсчета: в модусе (реального говорящего, повествователя или персонажа) — **самостоятельная** предикативная единица, в диктуме, в рядом стоящей предикативной единице — зависимая, **таксисная** предикативная единица. Это сопоставимо с режимами интерпретации по Е. В. Падучевой: речевой и нарративный — точка отсчета в модусе либо говорящего, либо субъекта сознания; синтаксический — в рядом стоящем предложении [Падучева 1996]. В таксисных финитных парах действуют оба направления дейктических категорий: временные аффиксы в обеих глагольных

формах указывают на связь с одним модусом, а вид выражает таксисные отношения в линейной последовательности предикатов, то есть обнаруживает то, что в концепции А. В. Бондарко называется «синтагматической доминантой» [Бондарко 2002: 517].

КГ уточнила понятие «единого временного плана», или «целостного временного периода», соотнеся таксис с модусом и субъектом модуса. Правило односубъектности для деепричастия было уточнено как применительно к диктуму, так и к модусу. Примеры с глаголом *оказаться* свидетельствуют о том, что требование односубъектности должно быть применено не только к диктуму, но и к модусу (**Гость, приехав вчера, оказался биологом*; *Предположив самое худшее, он оказался прав*; *Приехав к 8 утра, он оказался 20-м в очереди*). Грамматически правильную таксисную пару образуют те формы, которые относятся не только к одному субъекту диктума, но и к одному субъекту модуса, к одной точке зрения, то есть контролируются одним сознанием. Соединение категории таксиса и точки зрения переводит проблематику таксиса и ее «синтагматическую доминанту» на уровень синтаксиса текста.

По-видимому, именно «синтагматическая доминанта» требует от исследователей категории таксиса внимательного отношения к работам по синтаксису и стилистике художественного текста. Известно, что при интерпретации сочинительных конструкций синтаксисты различают соединительные и присоединительные конструкции. А. М. Пешковский, предлагая способы разграничения сочинения и подчинения, ввел критерий «обратимости»: для сочинения возможно изменение порядка следования компонентов, для подчинения — оно или невозможно, или затруднено. Он же обратил внимание на переходные случаи, когда отношения выражаются союзом *и*, но порядок следования компонентов фиксирован, и перед союзом *и* «хочется поставить тире». Л. В. Щерба в статье 1928 г. ввел само понятие присоединения как особой категории, противопоставленной категории соединения [Щерба 2001: 80–81].

Позже В. В. Виноградов в работе «Стиль “Пиковой дамы”», рассматривая соотношение субъектных сфер в пушкинском

тексте, обратил внимание на «сдвинутые конструкции», которые он отнес к сфере «изобразительного синтаксиса». Речь идет о примерах типа:

Она разливала чай, и получала выговоры за лишний расход сахара; она вслух читала романы, и виновата была во всех ошибках автора; она сопровождала графиню в ее прогулках, и отвечала за погоду и за мостовую.¹

Или: *у себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо...*

В. В. Виноградов указал на то, что в этих конструкциях устанавливаются присоединительные отношения, которые соединяют несоединимое, обнаруживают диалогическое противостояние двух субъектных сфер [Виноградов 1980: 233–234].

В. В. Виноградов в книге «Стиль Пушкина» (1941 г.) писал: «Но суть, конечно, не в употреблении или постановке тире, а в том особом методе связи синтагм и предложений, который основан на принципе субъективного, несколько неожиданного и, во всяком случае, предполагающего какой-то перерыв или пропуск или рассчитанного на эмоциональный эффект присоединения. *Присоединительными, открытыми или сдвинутыми* можно назвать такие конструкции, где части не умещаются сразу в одну смысловую плоскость, логически не объединяются в целостное, хотя и сложное представление, но образуют цепь последовательных присоединений, взаимные отношения которых не усматриваются из союзов, а выводятся из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений. Смысловая связь здесь основана не на прямом логическом соотношении словосочетаний и предложений, а на искомых, подразумеваемых звеньях» [Виноградов 1999: 329–330].

В «Словаре Языка Пушкина» присоединительный союз *и* соотносится уже с тремя синтаксическими смыслами: добавлением (синоним. *притом*), противопоставлением, следствием [Словарь... 2000, II: 174].

¹ В академическом издании А. С. Пушкина и в «Словаре языка Пушкина» перед союзами *и* стоят запятые.

После работ В. В. Виноградова по стилистике художественного текста термины «присоединение, присоединительные связи, присоединительные конструкции» появились и в грамматике, в исследованиях грамматических (синтаксических) объектов. При этом давались как узкие, так и очень широкие определения этих понятий. Например, в статье С. Е. Крючкова [Крючков 1950] присоединительная связь понималась очень широко: и как союзное соединение в рамках простого предложения, и как сегментирование (парцелляция) простого предложения, и как отношения между частями сложного предложения, и как отношения между текстовыми фрагментами. Широкое толкование присоединительных отношений найдем и в учебнике А. Н. Гвоздева, который пишет: «Союз *и* отчетливо выражает присоединительные связи, когда он стоит внутри второго предложения, перед словом, носящим логическое ударение: *Прения по докладу были оживленными, выступал и докладчик*» [Гвоздев 1973: 226]. Тем самым к присоединению были отнесены и те случаи, которые обычно интерпретировали не как союз *и*, а как частицу *и*.

В системном синтаксисе конца XX века присоединение стало интерпретироваться как явление периферийное, относящееся к сфере экспрессивного синтаксиса, синтаксиса речи (Ю. В. Ванников; А. П. Сковородников, Н. П. Киселева), тем самым понятие присоединения было соотнесено с «актуальным членением предложения». Так, в статье Н. П. Киселевой сущность присоединения определяется следующим образом: «союзы не только сигнализируют о прерывистом характере подчинительной связи словоформ, а следовательно, двухактности высказывания, но и осуществляют связь между ремами, единицами актуального, а не формально-грамматического членения предложения» [Киселева 1980: 73]. Такой подход привел к необходимости пересмотра самого системного статуса присоединительных отношений: В. З. Санников предложил вывести присоединение за пределы системы сочинительных конструкций [Санников (1989) 2008: 108].

Исследование таксисных пар прошло мимо проблемы присоединения. После статьи Р. О. Якобсона связанные соедини-

тельным союзом глагольные пары принято относить к сфере независимого таксиса. Вопросы о том, как отличить собственное соединение от присоединения, не ставится.

Во всех исследованиях по таксису выделяются единицы зависимого и независимого таксиса. Г. А. Золотова выступила с критикой такого деления, назвав понятие независимого таксиса оксюморонным [Золотова 1995: 101]. Действительно, в понятии *независимый таксис* неясно, от чего не зависит глагольная словоформа или синтаксическая конструкция. Предикативные компоненты полипредикативного предложения являются взаимосвязанными, иначе подобные предложения не рассматривались бы как целостные единицы.

Человеческому сознанию свойственно объединять факты, события и устанавливать между ними причинно-следственную связь. Поэтому предикативные единицы в полипредикативном предложении при так называемом «независимом таксисе» не могут быть абсолютно свободными. Семантическая несвобода обусловлена семантическим неравенством глаголов в «таксисной» паре. На эту закономерность обратил внимание В. С. Храковский, обсуждая пары глаголов несовершенного вида типа *сидел и читал* (доклад 2007 г. в ИЛИ РАН). В. С. Храковский рассмотрел шесть примеров с разными вариантами семантических отношений между глаголами: (1) *завтракал и слушал радио*; (2) *глядел в окно и насвистывал любимый мотивчик*; (3) *боялся заболеть гриппом и не ездил в метро*; (4) *сидел и читал книгу*; (5) *говорил и заикался*; (6) *скользил по льду и вычерчивал замысловатые фигуры* — и показал, что изменение порядка слов без оговорок и без особых контекстуальных условий возможно только для примеров (1) и (2). В остальных четырех случаях нет абсолютного равенства, а есть причинно-следственные отношения (3), соединение более широкого взгляда и более узкого¹ (4), включенность семантики

¹ См., однако, у И. С. Тургенева в «Стихотворениях в прозе»: «...лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят». Нет ожидаемых действий: продолжают жевать, продолжают стоять. Еще пример: «В голых кустах пищали и прыгали озябшие, крошечные

одного глагола в семантику другого (5), невозможность одного действия без другого (6). Для В. С. Храковского было важно, что есть такие пары, в которых один глагол семантически более самостоятелен, чем другой. Объяснялось это тем, что в подобных парах соединяются две неравнозначные ситуации: одна — основная, вторая — зависимая. При наличии неравенства обнаруживается запрет на изменение порядка слова и ограничения на синонимическую замену (деепричастием или девербативом).

Из шести рассмотренных В. С. Храковским пар (5) и (6) требуют особого внимания, поскольку в них возможна подстановка союзных конкретизаторов типа *при этом, тем самым (говорил, и при этом заикался; скользил, и тем самым...)*, что не корректно для первых четырех примеров.

Признавая перспективность исследования таксисных пар в связи с семантическими типами глаголов, образующих таксисную пару, отметим, что примеры, подобные (5) и (6), уже рассматривались, но в связи с проблемой присоединения. Л. В. Щерба в статье 1928 г. писал:

«...как надо читать стих 6 стихотворения Лермонтова “Па-рус”:

И мачта гнется и скрипит...

или

И мачта гнется, и скрипит...?

Я стою за второе» [Щерба 2001: 81].

В рассматриваемом Л. В. Щербой примере соединяется глагол общеперцептивной семантики (*гнуться*) и глагол частноперцептивной семантики (*скрипеть*). Это различие (которое терминологически было обозначено гораздо позже [КТ 2004: 425]), возможно, и стало основанием для установления в данной паре присоединительных отношений, а это означает «двухактность» высказывания, что ставит под сомнение воз-

птицы» (К. Г. Паустовский) — порядок глаголов зависит от порядка восприятия (сначала слух, потом зрение).

возможность интерпретации этого примера в связи с категорией таксиса.

Рассматриваемый В. С. Храковским пример «Этот человек говорил и заикался» кажется очень странным. Обращение к интернет-ресурсам показывает, что для корректного соединения этих глаголов в таксисную пару нужны наречия: *плохо говорит и заикается, быстро говорит и заикается, тихо говорил и заикался*. Но есть и другой вариант — постановка знака препинания перед союзом: *он говорил — и заикался; говорил, и заикался*. Найденные примеры показывают, что и соединительное соединяет предикаты качества в узуальном времени, в актуальном же времени между глаголами устанавливаются присоединительные отношения, поскольку второй глагол также относится к глаголам речи, но обозначает манеру говорения. Интересно, что в интернет-ресурсах не найдено также пар типа *говорил и картавил, говорил и шепелявил*. Для таких пар возможны бессоюзные соединения, в которых второй глагол выступает в функции уточнения (*говорил плохо, картавил*), или оформление деепричастной формой (*говорил, картавя*). Можно ли считать сопутствующий признак вторым действием? По-видимому, лишь в том случае, когда второй глагол обозначает осознанное действие.

Подобные семантические отношения устанавливаются между глаголами в примерах (1) и (2):

- (1) *Марина шла и хромала, как инвалид войны.*
- (2) *Я шел и скрипел лыжами.*

Формально пример (1) отличается от примера (2) синтаксической категорией лица: (1) — 3-е лицо субъекта, (2) — 1-е лицо субъекта. Разница между ними снимается, если для примера (1) допустить внутреннюю точку зрения и осознанное исполнение действия. В этом случае сохраняется единство временного периода и единство точки зрения, что является условием таксиса. При этом одно действие делится на две составляющих: само действие (глагол движения) и характер исполнения действия, особенности движения. При этом внимание читателя движется от общего плана к частному.

Еще примеры:

Она бежала и шлепала босыми ногами по лужам; Он шел босиком по мокрому асфальту и с наслаждением шлепал по лужам (Интернет-ресурс).

Логические отношения в них устанавливаются именно в связи с внутренним контролем над тем, как осуществляется передвижение. Если же этой внутренней связи нет, то предложение становится «двухактовым», в нем появляется *и* присоединительное, как в следующих примерах: *смотрит — и не видит; говорит, и говорит очень хорошо*.

Разделение одной диктальной единицы на два глагола в лирическом тексте является экспрессивным приемом, например: *В каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонек* (Тургенев) — соединяется глагол бытийной семантики (*гореть*) и перцептивно-бытийной (*светиться*). Второй глагол не выражает второго действия, а является средством усиления — повтором того же значения. Но союз *И* читается соединительно, так как подлежащее стоит в постпозиции к паре глаголов.

Если обратиться к примеру (6) из списка В. С. Храковского, то становится понятно, что, в отличие от примера (5), акциональность второго глагола здесь более вероятна: *вычерчивать фигуры* — целенаправленное действие. Соответственно, если два глагола соотнесены через внутреннее целеполагание, то можно говорить о наличии причинно-следственных отношений (*скользил, чтобы...*), а значит, и о таксисе. Но если целеполагание направлено только на первое действие, то второй глагол приписывается ретроспективно (сторонним наблюдателем), и таксисная пара распадается: *Иванов скользил по льду, и (при этом) вычерчивал замысловатые фигуры*. Замена первого глагола деепричастием (*скользя, вычерчивал*) указывает на то, что при наличии таксисной связи (деепричастие ярче, чем другие глагольные формы, обнаруживает сущность категории таксиса) внутренний контроль со стороны субъекта действия принадлежит второму глаголу.

Чтобы понять, с какой точкой зрения соотносится конкретный глагол, нужно увидеть это предложение в тексте, поэтому рассмотрим текстовый фрагмент:

От голых кустов с красной глянцевитой корой пахло терпко и славно. Над лесом небо прояснилось, — белое солнце пролилось на серые колокольни Белоомута. Рыхлый песок был напитан влагой. Берг шел и оттискивал глубокие следы; они наливались водой, такой чистой, что ее хотелось выпить (К. Г. Паустовский, Блистающие облака).

Весь фрагмент обусловлен перцептивным модусом, который принадлежит герою (Бергу). На внутреннюю точку зрения указывают и эгоцентрики (*пахло, хотелось*). Следовательно, в этом контексте интересующие нас глаголы образуют таксисную пару, поскольку соединяются не только в одном времени, но и в одном сознании (субъекта действующего).

Еще один текстовый фрагмент:

«Мессир Гейс и не подозревал, что стоит на краю могилы. Разбирал дымящуюся рыбу, извлекал косточки. Смаковал, закатив глаза, белое мясо. Запивал вином. Лез за добавкой. И при этом молчал!» (П. Д. Ракитина, Пираты).

Этот фрагмент дается с точки зрения наблюдающей героини. Союз *и* присоединяет последний глагол, который указывает на несоответствие (с точки зрения героини) внешней активности и речевой неактивности, несоответствие ожидаемому. Ср. пример из интернет-дневников:

«Прошлой ночью мне пришлось испытать нечто нехорошее: какой-то придурок с 2 до 3 названивал на мобильный и при этом... молчал».

И присоединительное может ощущаться и тогда, когда автор нарушает стандартный порядок следования действий. Это может быть обусловлено художественными задачами. Например, в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес»: (1) *Володин радостно хохотал и подсказывал Передонову, что еще можно сделать.* (2) *Володин радостно смеялся и прыгал — смех (хохот) — вторичное, сопутствующее, реактивное действие (прыгал и смеялся), но в тексте Ф. Сологуба смех является постоянной*

характеристикой Володина (*хохотал, и при этом подсказывал*), который таким образом реагирует на происходящее. В первом примере Володин радостно хохочет, видя как Передонов мучает белого кота, союз *и* не обнаруживает логической связи между двумя действиями, поэтому может прочитываться и как присоединительный.

Рассмотренные здесь примеры убеждают в том, что, во-первых, в таксисной паре нет абсолютного «равноправия» и, во-вторых, что при обсуждении категории таксиса необходимо учитывать не только семантику соединенных союзом глаголов, но и их отнесенность к плану модуса.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 2002. — *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка*. Москва.
- Виноградов В. В. 1980 — *Стиль «Пиковой дамы»*. В. В. Виноградов. *Избранные труды. О языке художественной прозы*. Москва.
- Виноградов В. В. 1999 — *Стиль Пушкина*. Москва.
- Гвоздев А. Н. 1973 — *Современный русский литературный язык*. Т. II. Изд. 4-е. Москва.
- Золотова Г. А. 1995 — Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе. *Вопросы языкознания*. № 2. Москва.
- КГ 2004 — Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Москва.
- Киселева Н. П. 1980 — Присоединительные конструкции с союзами «причем» и «притом». *Синтаксические связи в русском языке*. Владивосток.
- Крючков С. Е. 1950 — О присоединительных связях в современном русском языке. *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. Москва.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива*. Москва.
- Пешковский А. М. 2001 — *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Санников В. З. 2008 — Сочинительные конструкции. В. З. Санников. *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва.
- Словарь... 2000 — *Словарь языка Пушкина*. Т. II. Москва.

- ТФГ 2001 — Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Москва.
- Храковский В. С. 2003 — Категория таксиса (общая характеристика). *Вопросы языкознания*. № 2. Москва.
- Шелякин М. А. 2005 — Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы. Москва.
- Щерба Л. В. 2001 — О частях речи в русском языке (1928 г.). Л. В. Щерба. *Избранные работы по русскому языку*. Москва.
- Якобсон Р. О. 1972 — Шифтеры и другие глагольные категории и русский глагол. *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва.

SÕLTUMATU TAKSIS JA RINDTARINDITE SÜNTAKS

N. Onipenko

Uuritakse taksisepaari moodustavaid imperfektiivse aspekti finiiitverbe *и* sidesõnaga liitlauses. Taksise kategooria mõiste täpsustamiseks ja kategooria piiritlemiseks tehakse ettepanek arvestada mõningaid erisusi rindtarindite vahel. Taksisepaari moodustavad verbid, mille tegevused on omavahel seotud. Kõige tihedam on kahe tegevuse seos, kui need on ühendatud tegija teadvuses, st sihipärase tegevuse puhul. Analüüsitakse V. Hrakovski kuut näidet ning põhjendatakse arvamust, et paarid *говорил и заикался* (*rääkis ja kogeles*), *скользил по льду и вычерчивал замысловатые фигуры* (*sõitis mööda jääd ja joonistas keerulisi kujundeid*) võimaldavad kahesugust interpreteerimist: taksisetarindina kontrtollitava, sihipärase tegevuse puhul ning taksisetarindite hulka mittekuuluvana. Viimasel juhul saab lisada konkretiseerivaid sidendeid *притом, при этом, тем самым* (*seejuures, sealjuures, seega*). Kahtluse alla seatakse taksisepaaride *говорил и заикался, говорил и картавил, говорил и шепелявил* õigekeelsus.

Lisaks pakutakse verbipaaride semantilis-süntaktiliseks interpreteerimiseks laiendada analüüsitavat konteksti.

Autor nõustub V. Hrakovskiga selles, et taksisepaarides puudub absoluutne võrdsus ning et imperfektiivse aspekti verbidel on olemas esmane, neutraalne järjestus. Selles peegeldub 1) loomulik ajaline areng põhjuselt tagajärjele (*боялся заболеть и не ездил в метро — kartis haigestuda ja ei sõitnud metrooga*) ja 2) pilgu liikumine üldplaanilt detailide juurde (*шел и гремел шпорами — sammus ja kõlistas kannuseid*). Verbi vor-

mide neutraalse järjestuse muutmine loob tingimused liittegevuse tekimiseks. Seejuures võimaldab kontekst kahesugust interpretatsiooni. Kui puuduvad kirjavahemärgid, saab lugeja valida, kas tegemist on taksisepaari ja kahe tegevusega või mitte, viimast võiks nimetada liittegevuseks.

Autori arvates võimaldaks rindtarindite üksikasjalik analüüs täpsustada taksisekategoria interpretatsiooni.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕФИКСАЛЬНОЙ ВИДОВОЙ ПАРЫ В СОВРЕМЕННОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ

Е. Н. РЕМЧУКОВА

Среди насущных проблем аспектологии одной из актуальных остается проблема лексикографии видовой пары. Это обусловлено тем, что необходимость отражения видовых пар в словаре представляется целесообразной с научной точки зрения и поддержана русской лексикографической традицией, согласно которой видовая характеристика глагола является важнейшей составляющей грамматической информации в толковом словаре.

Описание категории вида, учитывающее все тонкости взаимодействия лексических и грамматических значений глагола с точки зрения его представления в словаре, в полной мере отражено в работах классиков отечественной аспектологии — А. В. Бондарко, М. А. Шелякина, А. Н. Тихонова, а также в статьях Ю. Д. Апресяна и Т. В. Булыгиной, в монографии М. Ю. Чертковой, в диссертации Чанг П.-Ч. и некоторых других исследованиях [Бондарко 2002; Шелякин 2007; Тихонов 1996; Апресян 1997; Булыгина 1997; Черткова 1996; Чанг 1999].

Так, в работах М. А. Шелякина выявлена та специфика видовой парности и типов видовой пары русского глагола, которая оказывается существенной для их лексикографического описания (см., например: [Шелякин 2007: 100–118]). Именно перфективация усложняет грамматический механизм катего-

рии вида: она связана с определенным набором префиксов (их обычно выделяют 15–16) и в связи с этим представляется менее регулярной и предсказуемой, а следовательно, и менее «формальной», чем имперфективация, связанная с гораздо меньшим количеством формантов (суффиксы *-ива-* / *-ыва-*, *-ва-*, *-а-*, *-ева-*). Именно поэтому противоречивый (морфологическо-словообразовательный) статус категории вида обычно подчеркивается при описании перфективной видовой пары.

Объемная картина перфективации усложняется и тем, что аспектуальные префиксы характеризуются развитой полисемией, синонимией и омонимией значений. Как известно, в рамках категории аспектуальности традиционно выделяют лексико-грамматические разряды способов глагольного действия (СГД), тесно примыкающие к категории вида как в плане грамматической семантики, так и в плане средств образования — префиксов и суффиксов, в том числе и омонимичных чистовидовым¹. Ср.: *мыть* – *помыть* (видовая пара) и *мыть* – *перемыть* («постепенно, одно за другим»: дистрибутивный СГД); *мыть* – *вымыть* (спорная «зона»: интенсивный СГД или видовая пара).

С точки зрения логики развития аспектуальной системы, последовательно выстраивающей оппозицию НСВ – СВ, простые глаголы НСВ, образуя префиксальные СГД, «втягиваются» в видовые (хотя и не чистовидовые) отношения. Таким образом, аспектуальная пара, образованная способом префиксации, делится на два типа: чистовидовую и акциональную (от принятого в аспектологии термина *Aktionsart* — «способ действия»). Это не является проблемой для теоретической аспектологии², но создает определенные трудности для лексикографии, «заставляя» ее в спорных случаях (глаголы с префиксами *по-*, *вы-*, *от-*, *на-*, *из-*, *за-*) выбрать видového партнера (или партнеров) для бесприставочного глагола несовершенного вида.

¹ См. об этом подробно в [Шелякин 2007: 123–161].

² См. об этом прежде всего в [Русская грамматика 1979].

Например, в словарной статье глагола *мучиться* необходимо не только отразить семантическую дифференцированность глагола (его лексико-семантические варианты), но и выявить те значения, которые являются соотносительными по виду и не соотносительными, то есть одновидовыми (*мучиться всю жизнь, мучиться животом*). Для лексико-семантических вариантов (ЛСВ), образующих видовую пару (*испытывать муки, страдания от чего-н.*), необходимо «подобрать» чистовидовой префикс, на статус которого претендуют приставки *за-* и *из-*: *замучиться* и *измучиться* (см. об этом подробнее ниже).

Таким образом, то, что существующие толковые словари недостаточно полно и часто противоречиво отражают картину глагольного вида в русском языке, обусловлено как объективными (сложностью и противоречивостью самой категории, дискуссионностью основных положений аспектологической теории, антиномией узуса и кодификации), так и субъективными (позицией составителей словаря, его объемом) причинами, которые и будут рассмотрены ниже по отношению к проблеме кодификации префиксальной видовой пары.

Прежде всего, остановимся на характеристике тех словарей, к которым мы обращаемся. Это современные словари (конца прошлого века и начала нового), которые еще не были проанализированы с аспектологической точки зрения¹. Ни в коей мере не отрицая значимости лексикографического опыта прошлого, заметим, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [Толковый словарь 1935–1940] (далее — словарь Ушакова), являясь одним из лучших русских словарей, тем не менее, не может рассматриваться сегодня как «зеркало» современных языковых процессов, с одной стороны, и как соответствующий уровню развития современной аспектологии — с другой. В какой-то степени устарел с этой точки зрения и словарь, являющийся гордостью отечественной лексикографии, — «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов 1972, 1989] (далее — словарь Ожегова), однако в це-

¹ В то же время материалы словаря С. И. Ожегова проанализированы с этой точки зрения в [Чанг 1999].

лом он характеризуется тщательностью в подборе видовых пар и стремлением к полноте аспектологической информации, впрочем, существенно ограниченной относительно небольшим объемом словаря.

Особый интерес представляют материалы «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова [Большой толковый словарь 2002] (далее — словарь Кузнецова), так как это современный словарь, продолжающий традиции отечественной лексикографии, в котором критерием включения слова является его фактическое использование не только в письменной, но и в устной речи, что позволяет более полно представить семантическую структуру глагола и, соответственно, семантическую и стилистическую вариативность актуальных префиксов.

То, что в этом словаре более дифференцированно представлена внутрисловная полисемия, имеет принципиальное значение для обсуждаемой проблемы, так как известно, что категория вида последовательно ориентирована не на слово в целом, а на его лексико-семантические варианты [Шелякин, Черткова, Ремчукова и др.]. Разные ЛСВ одного глагола могут образовывать видовые пары с разными префиксами или не образовывать их вообще. См., например, глагол *мутить*, у которого выделяются четыре значения, отмеченных вариативностью перфективирующих префиксов — *замутить*, *взмутить*, *помутить*, *смутить*, а также фразеологизм «*мутить воду*», в котором глагол является несоотносительным по виду. Не рассматривались с точки зрения интересов аспектологии и словарные статьи «Русского толкового словаря» В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной [Лопатин, Лопатина 1997] (далее — РТС), составленного на базе словаря Ожегова и продолжающего в подаче видовой пары его традицию. Материалы словаря Ожегова, «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [Ожегов, Шведова 1999] (далее — словарь Ожегова и Шведовой), а также в некоторых случаях МАС [МАС 1981–1984] привлекаются в статье для сопоставительного анализа, так как сопоставление данных разных словарей

позволяет увидеть динамику лексикографической практики в кодификации видовой парности.¹

Так, в словаре Ушакова зафиксирована видовая пара *иметь* – *заиметь*, в то время как префикс здесь не является чистовидовым. Интересно, что *заиметь* как «сов.» (к 1 знач. глагола *иметь*, но уже с пометой «прост.»: *Решил заиметь мотоцикл*) представлен и в словаре Ожегова [Ожегов 1972]. Однако очевидно, что приставочный глагол не коррелирует с *иметь* ни в сопровождающем ЛСВ примере *Комната имеет одно окно*, ни в другом значении — «иметь что-н. против кого-чего-н», а фраза «*Решил иметь мотоцикл*» может быть воспринята только как искусственно «сконструированная». В словаре Кузнецова глагол *иметь* представлен как одновидовой, но жаргонизм *заиметь* при этом вообще отсутствует, несмотря на его широкое употребление в современной разговорной речи: *Они как дачу заимели, так за границу совсем не ездят*. Возможно, в современном просторечии глагол образует и пару *иметь* – *поиметь*: *На этой должности он много чего поимел*, не отмеченную в современных словарях.

В то же время в словаре Ушакова встречаются и более «грубые» ошибки: например, в видовую пару объединены дистрибутивные глаголы *повскакать* и *повскакивать* — оба СВ. В более современных словарях такие ошибки практически исключены (см. в словаре Кузнецова: «*повскакивать* — «сов. вскочить сразу или один за другим; повскакать...»), но типичны ошибки, связанные с точным «подбором» видового приставочного коррелята, так как стремление к полноте охвата семантического объема слова, с одной стороны, и развитие аспектологии, с другой, усложняют эту задачу.

¹ Эта динамика проявляется и в терминологии: так, в Словаре Ожегова в грамматическом комментарии еще используется устаревший термин «подвид» с пометами *однокр.*, *многокр.* (который в Словаре Ожегова и Шведовой уже отсутствует), а в МАС здесь неправомерно употребляется слово *вид* (*однокр.* или *многокр. вид*).

Увеличение объема словаря (словаря Кузнецова по сравнению со словарем Ожегова и РТС)¹ решает важную лексико-графическую проблему — позволяет более дифференцированно представить семантическую структуру простого глагола НСВ, но одновременно ставит лексикографа и перед необходимостью более тщательного подбора префиксальных видовых коррелятов и стилистических помет к ним. Так, аспектуальная характеристика глагола *купать* в словаре Кузнецова отражает и семантическую, и стилистическую его дифференциацию:

купать (св. выкупать; разг. искупать) *кого-что*. Погружать в воду для обмывания, освежения и т. п. ...; // (св. нет) *в чем*. Погружать во что-либо жидкое, сыпучее. *Прибрежные ивы купают листья в воде...*

В то же время в словаре Ожегова отсутствует и одновидовое значение, и стилистическая помета к *искупать*.

Однако проблема точности стилистических помет, безусловно, остается актуальной для лексикографии аспектуальности. Приведем лишь два примера. Для глагола *вянуть* в значении «терять свежесть» парными глаголами СВ являются *завянуть* и *увянуть*, однако если речь идет об одушевленном субъекте и о метафоризации значения, то возможен только второй глагол: *Она увяла* (то есть состарилась) и *Ее красота увяла*. В корреляции *вянуть* – *завянуть* / *увянуть* (цветок *увял* / *завял*) глагол *увянуть*, как нам представляется, должен сопровождаться пометой «устар.» и «трад.-поэт.», а вне этой конкуренции (то есть когда речь идет о старении) пометой «книж.». В то же время в данной словарной статье словаря Кузнецова эти пометы отсутствуют.

Проблема стилистических помет обнаруживается и при анализе видовой парности глагола *хоронить*: *хоронить* – *похоронить* (нейтр.) / *захоронить* (офиц.), *схоронить* (разг.) — так он представлен в словаре Ожегова и в РТС (в словаре Куз-

¹ Ср. объем РТС — более 35000 слов; словаря Ожегова и Шведовой — 57000, словаря Кузнецова — около 130000.

нецова глагол *захоронить* как парный отсутствует в словарной статье глагола *хоронить* и представлен отдельно, что, с нашей точки зрения, правильно). Однако в современной речи этот глагол не употребляется в официальных сообщениях СМИ как синонимичный стилистически нейтральному *похоронить* (см., однако, его употребление в словосочетании «*захоронить останки*» и производное широко употребительное существительное *захоронение*).

Для лексикографической практики важное значение имеет сам способ подачи префиксальной видовой пары многозначного глагола, который в русской лексикографической традиции представлен в двух вариантах. Если отдельным значениям исходного глагола соответствуют разные видовые префиксальные корреляты, это отражается:

А) в конце словарной статьи (словарь Ожегова, Ожегова и Шведовой, РТС):

царапать 1. Делать царапины на чем-н., или кому-н. *Ц. пол...*; 2. Изображать царапинами. *Ц. буквы...* // *сов. нацарапать* (ко 2 знач.), *оцарапать* и *поцарапать* (к 1 знач.);

Б) непосредственно перед каждым значением глагола (словарь Ушакова, МАС, словарь Кузнецова):

царапать 1. (с в. *оцарапать*) Наносить царапины, раздирать кожу... 3. (с в. *нацарапать*) Писать или чертить (обычно неаккуратно или небрежно)...

Последний способ, безусловно, представляется более удобным для пользователя — аспектуальная характеристика многозначного глагола представлена здесь более компактно и наглядно, что особенно важно в тех случаях, когда глагол обладает развитой полисемией (например, имеет более пяти ЛСВ).

Само понятие «чистовидовой приставки» является своеобразным лингвистическим феноменом. Несмотря на то, что положение о *чистовидовых* префиксах (*делать* — *сделать*, *писать* — *написать*) является аксиомой современной аспектологии, тем не менее их количество, статус и функции продолжают активно обсуждаться. Именно поэтому установление се-

мантического тождества у глаголов, «претендующих» на парность, оказывается далеко не простой задачей¹.

Выделим те зоны, которые представляются нам наиболее проблемными для кодификации перфективной видовой пары.

1. Как уже отмечалось выше, некоторые аспектуальные приставки имеют пограничный характер: одни аспектологи относят их к чистовидовым, а другие — к префиксам со значением способа глагольного действия. Сложной в этом смысле оказывается зона результативности, в которой пересекаются общерезультативная и специально-результативная семантика, так как первая традиционно рассматривается как чистовидовая, а вторая как акциональная (специально-результативные СГД)². Это создает определенные проблемы для лексикографии, так как в однокоренных глаголах с префиксами *по-*, *вы-*, *от-*, *из-* префиксы различаются интенсивными оттенками значений (ср. *помыть* и *вымыть*, *отмыть*). Так, приставка *вы-* может рассматриваться и как чистовидовая, и как акциональная (то есть относящаяся к СГД) в глаголах типа *выглядить*, *вымыть* и др.: им на шкале интенсивности действия противопоставлены однокоренные глаголы с приставкой *по-* (*мыть* – *вымыть* / *помыть*). Ср. разный подход: «мыть кого-что (св. вымыть) 1. очищать от грязи водой... *Мыть* руки...» (словарь Кузнецова); «мыть... сов. вымыть и помыть» (словарь Ожегова, РТС).

Вернемся к уже упоминавшемуся выше глаголу *мучиться*. В словаре Кузнецова последовательно отражена семантическая дифференцированность глагола *мучиться* и к первому значению дан перфектив *измучиться*, который, тем не менее, не может быть отнесен к примерам *мучиться всю жизнь* и *мучиться зубами*. См. словарную статью:

мучиться (разг.)... *нсв.* (св. *измучиться*) 1. Испытывать муки, физические или нравственные страдания. *М. от жажды.*

¹ Однако при всей спорности понятия «чистовидовая приставка» оно представляется достаточно устойчивым и вряд ли может быть отнесено к лингвистическим артефактам.

² См. об этом подробнее в [Шелякин 2007: 141–161].

М. всю жизнь. Долго м. || чем. Разг. Страдать от какой-л. болезни, боли. М. животом, зубами. 2. Томиться, волноваться... М. сомнениями... 3. Разг. Испытывать затруднения, изводиться, занимаясь чем-л., с кем-л. М. со строительством дачи. М. с учениками. М. над задачей.

В то же время в РТС многозначность глагола не отражена — одновидовые значения не выделены:

мучиться ... *несов.* испытывать муки, страдания от чего-н. *М. от жажды. М. догадками. М. над трудной задачей || св. замучиться и измучиться*

Аналогичным образом глагол представлен и в словаре Ожегова: отличие состоит лишь в том, что глагол *измучиться* сопровождается пометой «разг.». Однако сравнение вариативных глаголов СВ на шкале результативности показывает, что глагол *замучиться* обладает ярко выраженным интенсивным значением и должен сопровождаться пометой «интен».

Одним из функциональных критериев видовой парности является широко известный критерий Ю. С. Маслова. Этот критерий заключается в проверке «истинности» видовой пары — тестировании глаголов СВ на возможность подстановки вместо них соотносительных глаголов НСВ в контексте настоящего исторического и в таксисном контексте двух или нескольких действий¹. Однако обычно не обращают внимания на то, что в данных контекстах не «снимается» вопрос о конкуренции префиксов, имеющих разную характеристику с точки зрения интенсивности действия. Ср.: *Она выгладила / погладила / нагладила платье и повесила его в шкаф*. Трансформация в контекст настоящего исторического не устраняет сомнений: *Она гладит платье и вешает его в шкаф*.

С нашей точки зрения, возможен компромисс: правомерно указывать в качестве видовых коррелятов оба глагола, но глаголы с префиксом *вы-* (а в некоторых случаях и *на-, за-*) сопровождать пометой «интен.», так как в глаголах *выгладить, вымыть, замучиться* сохраняется (и ощущается говорящи-

¹ См. об этом подробнее в [Черткова 1996].

ми — это подтверждает опрос информантов) оттенок «тщательности действия», а чистовидовое значение в современной речи, очевидно, закрепляется за глаголами *погладить*, *помыть*: ср. *выгладить юбку* и *погладить юбку*; *помыть руки* и *вымыть руки* (*помыть* как следует).

2. Далеко не всегда соблюдается в словаре граница между полисемией и омонимией «внутри» категории аспектуальности, что, безусловно, является частным проявлением самой сложной проблемы лексикографии — разграничения ЛСВ многозначного слова и омонимов. Например, кроме чистовидового значения, префикс *по-* может иметь и два продуктивных значения СГД — ограничительное (делимитативное) и дистрибутивное: *поломать* (то же, что *сломать*, но с пометой «разг.»), *поломать* (в течение какого-либо времени) и *поломать* (все в доме). В современном языке они являются омонимами, в то же время в словаре могут быть объединены в одной словарной статье (см. данный глагол в словаре Кузнецова).

3. Наиболее существенную проблему для словаря создает антиномия узуса и кодификации в области глагольной префиксации. Прежде всего, это относится к префиксации двувидовых глаголов: данная антиномия обостряется в связи с высокой продуктивностью этого класса слов, обусловленной постоянным расширением в русском языке круга иноязычных основ.

Известно, что в современном языке отчетливо выражена тенденция двувидовых основ к формальной перфективации при помощи префиксов *про-*, *с-*, *за-*, *от-*, *за-*, *вы-* и др. Ресурсы категории аспектуальности оказываются в этом случае в полной мере востребованными: во-первых, расширяется круг префиксов, сочетающихся с двувидовыми глаголами; во-вторых, при их выборе важную роль играет уже сложившаяся в языке система семантических моделей видовых пар (*организовать* — *сорганизовать* (разг.); *рекламировать* — *прорекламировать*). В разговорной речи количество таких видовых пар постоянно растет, увеличивается и количество вариативных пар (*корректировать* — *откорректировать* // *скорректировать*).

Словари не в полной мере отражают современное состояние развития чистовидовой префиксации двувидовых глаголов, поэтому их кодификация представляется актуальной задачей лексикографии, которая сталкивается здесь со следующими противоречиями:

1) лексикографические списки двувидовых глаголов не отражают их реального количества, так как словарь не успевает за живой речью (см., например, отсутствие в словарях широко употребительного в современной речи глагола *позиционировать*);

2) граница между однотипными глаголами абсолютного НСВ и двувидовыми оказывается нечеткой;

3) реально существующая в речи видовая пара (как правило, префиксальная) не отражена в словаре, не всегда представлены и ее варианты.

Так, глагол *продюсировать*, зафиксированный в словаре Кузнецова как глагол абсолютного НСВ, в речи функционирует без префикса и в значении СВ, а кроме того, образует и видовую пару с префиксом *с-*:

Он уже *продюсировал* (*спродюсировал*) этот фильм и теперь занимается следующим (разг. речь).

Отсутствует в словарях и видовая пара у глагола *спонсировать* (*проспонсировать*), а также у многих других двувидовых глаголов. Эта же тенденция проявляется и у иноязычных глаголов абсолютного НСВ: у глагола *корректировать* в разговорной речи есть видовой приставочный коррелят *прокорректировать* (в словарях же зафиксирован только глагол *скорректировать*):

Прокорректируйте наши действия, ведь для банка это важно (разг. речь).

Сама неустойчивость перфективных видовых пар, образованных от двувидовых основ, обуславливает более высокую степень вариативности префиксов, которые как бы «подбираются» к основе: *комментировать* — *прокомментировать*, *откомментировать*; *рекламировать* — *прорекламировать*, *отрекламировать* и т. п.

В сфере перфективации двувидовых основ высокую активность проявляет префикс *про-*, что соответствует общей тенденции современного языка — этот префикс является продуктивным в сфере современной глагольной префиксации. См., например, в профессиональной речи (сценаристов, юристов) неологизм *прописать*: *прописать закон*, *прописать эпизодник* и т. п. Такие новые глаголы, как правило, не находят отражения в словаре, который просто не успевает за живой речью.

В современной разговорной речи прослеживается определенная тенденция: она тяготеет к префиксам с более яркой результативной окраской [Ремчукова 2005]. Такими префиксами и являются *про-* и *от-*, сохраняющие при образовании видовой пары оттенки «тщательности» и «законченности» совершения действия. В речи глаголы СВ с этими префиксами составляют конкуренцию видовым коррелятам с другими префиксами, но пока не находят места в словаре даже с соответствующими пометами (см.: *звонить* — *позвонить* / *отзвонить*).

Так, сегодня активизировался глагол *строить* в значении «создавать, составлять что-либо, отбирая и организуя определенным образом материал (словесный, научный, художественный)» — *строить лекцию* и т. п. В словаре Кузнецова к этому ЛСВ указан в качестве соотносительного глагол *построить*. В то же время в узусе нейтральный чистовидовой префикс *по-* варьируется с более ярким результативным *вы-* (*выстроить* — *выстраивать* отношения, концепцию), а также *про-*:

Он так это видит и поэтому так *простроил* концепцию спектакля (СМИ).

Аспектуальная характеристика глагола *отзвонить* требует более подробного комментария. В этом качестве (как вариативный глагол СВ, составляющий в живой речи конкуренцию глаголу с префиксом *по-*) глагол *отзвонить* не нашел отражения не только в словаре Кузнецова, но и в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» под редакцией Г. Н. Складневской, фиксирую-

ших новые слова и новые употребления, так же, впрочем, как и еще более употребительный глагол *отзвониться*, в котором, как нам представляется, сегодня ослабляется значение «ответного действия» (именно в этом значении он вошел в широкое употребление) и усиливается модальное значение. Об этом оттенке значения, более ярко выраженном у глаголов с *-ся*, пишут авторы «Русской грамматики»: «Сочетанием непереходного глагола с постфиксом *-ся* очень часто образуется глагол, который лексически близок к глаголу без *-ся*: *грозить* — *грозиться*... *звонить* и *звониться*; в некоторых контекстах в подобных глаголах с постфиксом *-ся* выявляется оттенок интенсивности или настойчивости в осуществлении действия» [Русская грамматика 1980: 618].

В словаре Кузнецова глагол *звонить* представлен с «классическим» видовым партнером — *позвонить*, а в качестве видовой пары к 4 значению (с пометой *разг.-сниж.*) дан глагол *раззвонить* («разглашать что-л.; распространять сплетни: *Злые языки начали звонить об этом / Злые языки раззвонили об этом*»), хотя аспектологии обычно усматривают здесь интенсивный СГД.

В современной разговорной речи глагол *отзвонить* закрепился как стилистически маркированный вариант глагола *позвонить*. Интерпретируя этот глагол, обычно констатируют, что он обозначает ответное действие, и лишь иногда отмечают, что *от-* здесь является чистовидовой приставкой, так как присущее ей значение «ответного действия» согласуется со значением основы [Шелякин 1983: 138]. И по нашему мнению, в данном случае префикс проявляет тенденцию к грамматикализации, а глагол *отзвонить* постепенно занимает позицию парного глагола СВ — модально окрашенного синонима глагола *позвонить* (прокурор дает указание подчиненным) *Женщина убита. Там на месте разберитесь и мне отзвоните* (из телесериала), что должно найти отражение в словаре.

Игнорирование словарями реально существующей в узусе видовой пары встречается в лексикографической практике достаточно часто. Продемонстрируем это на примере лексико-

графии глагола *парковать*. «Новый» глагол *парковать* отсутствует в словаре Ожегова [1972]¹ и в МАС, а в словаре Кузнецова представлен как одновидовой глагол НСВ, что не соответствует языковой реальности: он функционирует в современном языке как парный глагол с вариативностью префиксов в форме СВ — *запарковать* и *припарковать*: последний гораздо более распространен в речи, очевидно потому, что в глаголе с приставкой *при-* «прозрачно» сочетаются значение основы («ставить машину около чего-л.») и префикса.

Лексикография этого глагола в словаре Кузнецова, безусловно, ошибочна. Отказывая глаголу в видовой коррелятивности (*парковать ... нсв. что. Ставить машину на стоянку*), авторы в то же время в словарной статье глагола *припарковать* дают аналогичное толкование («поставить на стоянку автомобиль»), в котором, кроме вида глагола, происходит лишь необъяснимая замена слова «машина» на слово «автомобиль»². Как одновидовой представлен в словаре Кузнецова и глагол *парковаться*, который имеет видовую пару *припарковаться*. Лексикография этих глаголов в РТС абсолютно верно отражает их совпадающие и несовпадающие характеристики:

парковать ... нсв, что. Ставить (автомобиль) на стоянку // сов. запарковать и припарковать...; *парковаться... нсв, что. Ставить с в о й <разрядка наша. — Е. Р.> автомобиль на стоянку // сов. припарковаться.*

Формальная дифференциация ЛСВ многозначного глагола — закономерное и системное явление, в рамках которого осуществляется единство лексической и грамматической семантики многозначного слова. Современные словари характеризуются противоречивостью в отражении этой дифферен-

¹ В Словаре Ожегова [1989] этот глагол уже присутствует (как и в Словаре Ожегова и Шведовой), но также как одновидовой.

² Возможно, признанию данной видовой пары мешает ее нестандартность — префикс *при-* не входит в число чистовидовых (ср., однако, этот случай с признанными в аспектологии «редкими» парами с приставкой *пере-*: *зимовать — перезимовать, ночевать — переночевать*).

циации — трудности касаются в основном лексикографического описания аспектуальной асимметричности в рамках одной лексемы.

Так, глагол *потеть* в значении «под действием наружного холода покрываться влажным налетом» (*окна потеют*) в словаре Кузнецова характеризуется как одновидовой, а в словаре Ожегова к нему указана реальная видовая пара *потеть* — *запотеть*; одновидовым глагол является в переносном значении «трудиться над чем-н. долго и упорно» (*потеть над уроками*), что отражено в обоих словарях.

ЛСВ многозначного глагола могут образовывать видовые пары при помощи разных префиксов, которые выполняют в этом случае дифференцирующую функцию. Глагол *манить* имеет два значения: 1. Звать, подзывать, делая знаки... *Манить к себе щенка*. 2. перен. Прельщать, привлекать... *Юг манит теплом*. У первого ЛСВ отмечена пара *манить* — *поманить*, у второго *манить* — *взманить* (устар.) — то есть ЛСВ дифференцированы при помощи разных префиксов.

В РТС в переносном значении (*прельщать*) глагол представлен как одновидовой. Это соответствует, как нам представляется, общей тенденции словаря: в нем не фиксируются периферийные для современного языка значения и, соответственно, их грамматические и стилистические характеристики. В словаре Кузнецова, напротив, не указана видовая пара у первого ЛСВ (*манить рукой*), то есть отсутствует классическая видовая пара с приставкой *по-*, что является грубой ошибкой.

Типичной для русского глагола является и такая ситуация, когда вариативная префиксация развивается в рамках одного ЛСВ, что ставит лексикографа перед проблемой отражения синонимии чистовидовых приставок. Так, глагол *царапать* в значении «делать царапины» имеет видовые корреляции: *царапать* — *поцарапать*, *царапать* — *оцарапать*, отмеченные в МАС и РТС. Словарь Ожегова и словарь Кузнецова «отказываются» от видовой пары *царапать* — *поцарапать* — в них как соотносительный указывается только глагол *оцарапать*, хотя

в целом словари большого объема (словарь Кузнецова) стараются зафиксировать и больше видовых вариантов.

Стилистически дифференцированные варианты видовых пар играют важную роль в процессе перфективации, что вполне согласуется с общей тенденцией современного русского языка к стилистической вариативности. Так, в словаре Кузнецова и в РТС видовая пара *губить* — *сгубить* дана с пометой «разг.», а *губить* — *погубить* как стилистически нейтральная, в то же время в словаре Ожегова представлен только глагол *погубить*. В качестве стилистически маркированного видового коррелята в вариативный ряд глаголов, как нам представляется, может быть добавлен и глагол *загубить*. Отсутствие в словарных статьях периферийных, стилистически маркированных, коррелятов, а также отсутствие соответствующих помет или их неточность являются, как уже отмечалось выше, одним из недостатков лексикографической практики.

Мы убеждены в том, что задача полного и адекватного отражения аспектуальной информации не может быть решена в обычном толковом словаре по ряду причин, которые были указаны в начале статьи и проиллюстрированы материалом, составляющим лишь небольшую часть от общего количества подобных ошибок и неточностей. Разрешить противоречия, очевидно, возможно только в рамках особого словаря — аспектологического, который предоставит возможность получить полную и непротиворечивую информацию относительно аспектуальных свойств русских глаголов. Идея создания такого словаря принадлежит А. В. Исаченко [Исаченко 2003] и обсуждалась в работах [Зализняк, Шмелев 2000; Ремчукова 1995, 2005].

Представляется, что такой словарь может существовать в двух разновидностях: как специальный для грамматистов-аспектологов и как учебный — для обучающихся русскому языку. В учебном словаре, возможно, разумнее сохранить ту традицию в отражении видовой парности, которая уже закрепились в лексикографии, что позволит провести параллель между толковым и аспектологическим словарем. Перфективная видовая пара должна быть представлена традиционно, но в

более полном объеме с точки зрения коррелятивности отдельных ЛСВ, их сочетаемостных свойств и вариативности перфективных коррелятов с соответствующими пометами. Объем двувидовых глаголов должен быть ограничен активной, общепотребительной лексикой, но с учетом новых, актуальных для речевой практики, глаголов. Создание такого словаря, безусловно, потребует объединения усилий не только самих аспектологов, но и аспектологов и лексикографов.

Поставленная нами проблема кодификации префиксальной видовой пары может привлечь внимание лексикографов к объему и качеству аспектуальной информации в толковом словаре, а также способствовать более точной экспликации аспектуальных характеристик глагольных лексем. Перспектива создания аспектологического словаря позволяет надеяться на то, что эти характеристики будут отражены с достаточной степенью полноты с точки зрения системно обусловленного и реализованного в речи потенциала видовой соотносительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. 1997 — Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. II.* Москва. С. 7–20.
- Булыгина Т. В. 1997 — Видовая соотносительность и ее отражение в словарях. *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. III.* Москва. С. 148–150.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 2000 — *Введение в русскую аспектологию.* Москва.
- Исаченко А. В. 2003 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е издание.* Москва.
- Ремчукова Е. Н. 1995 — Русская акциональная шкала: ее своеобразие и проблемы сопоставительного и лексикографического описания. *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тезисы международной конференции. Том II.* Москва: Изд-во МГУ. С. 440–442.
- Ремчукова Е. Н. 2005 — *Креативный потенциал русской грамматики.* Москва.

- Русская грамматика 1979 — *Русская грамматика*. Praha.
 Русская грамматика 1980 — *Русская грамматика*. Т. I. Москва.
 Тихонов А. Н. 1998 — *Русский глагол. Проблемы теории и лексикографирования*. Москва.
 Чанг П.-Ч. 1999 — *Лексикографические проблемы представления видовой парности в современном русском языке*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
 Черткова М. Ю. 1996 — *Грамматическая категория вида в современном русском языке*. Москва.
 Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола*. Таллин.
 Шелякин М. А. 2007 — *Категория аспектуальности русского глагола*. Москва.

СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь 2002 — *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С. А. Кузнецова. С.-Петербург.
 Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. 1997 — *Русский толковый словарь*. Москва.
 Ожегов С. И. 1989 — *Словарь русского языка*. 21-е изд. Москва.
 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. 1999 — *Толковый словарь русского языка*. 4-е изд. Москва.
 МАС 1981–1984 — *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва.
 Толковый словарь 1935–1940 — *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. Москва.
 Толковый словарь конца XX века — *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*. Под ред. Г. Н. Складневской. С.-Петербург, 1998.

PREFIKSAALSE ASPEKTIPAARI PROBLEEME TÄNAPÄEVA SELETAVAS SÕNARAAMATUS

J. Remtšukova

Vene leksikograafia traditsiooni kohaselt on verbi aspekti iseloomustus seletavas sõnaraamatus üheks olulisemaks grammatilise informatsiooni liigiks. Artiklis vaadeldakse prefiksaalse aspektipaari kodifitseerimise

probleemi, mis on aktuaalne nii leksikograafia kui aspektoloogia seisukohalt. Aspektipaari analüüsitakse ühelt poolt perfektivatsiooni protsessi taustal, teiselt poolt tänapäeva keele arengu varal. Seletavad sõnaraamatud peegeldavad aspektisüsteemi sageli puudulikult või vastuoluliselt. Selle on põhjuseks on nii objektiivsed (aspektikategooria keerukus ja vastuolulisus, aspektoloogia teoreetiliste seisukohtade vaieldavus, vastuolu normi ja uususe vahel), kui ka subjektiivsed (sõnaraamatu koostajate arvamus, sõnaraamatu maht jms) faktorid.

Analüüsitakse mitmetähenduslike imperfektiivsete ja kaheaspektiliste verbide prefiksaalpaaride esitlust sõnaraamatus, vaadeldakse tekkivaid leksikaal-semantilisi ja stilistilisi variante, arutatakse stiilimärgendite esitamist sõnaraamatus. Nenditakse, et sõnaraamatutes puuduvad perifeersed, stilistiliselt markeeritud aspektipaarid, puudulikud on ka stiilimärgendid. Perfektivatsioon on tänapäeva vene keeles kaheaspektiliste verbide aspektipaaride põhiliseks moodustusviisiks. Paljud sellised verbid on aspektipaari moodustusprotsessi aktiivsel etapil ning see tekitab raskusi leksikograafidele. Aspektipaaride arengut iseloomustab selgesti väljenduvad tendents moodustada regulaarseid korrelatsioone ja aspektivorme. See põhjustab verbide variatiivsust, uute aspektipaaride tekkimist, mis peaks kajastuma ka sõnaraamatutes. Aspektipaaride kirjeldamise probleem leksikograafias on lahendatav vaid aspektoloogilises sõnaraamatus, mille koostamise ideed siinkohal ka käsitletakse.

АСПЕКТУАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ. К РЕАБИЛИТАЦИИ ЧИСТОТЫ ПАРЫ

ХАННУ ТОММОЛА

Поэтому целесообразно было бы способы действия назвать аспектуальными способами действия, чтобы подчеркнуть, что они являются той семантической областью глагола, которая вступает во взаимодействие с грамматической категорией вида.

М. А. Шелякин

0. ВВЕДЕНИЕ

Отправным пунктом рассмотрения некоторых теоретических вопросов аспектологии в этой статье является часто высказываемое замечание, что «в лингвистической традиции славянских грамматик способы действия ныне четко отграничиваются от грамматической категории вида» [Томмола 1983]. Естественно, в грамматике славянских языков давно уже не говорится о длительном виде, или, скажем, о терминативном виде, или хотя бы об итеративном виде; иначе говоря, о тех акционсартных рядах или классах глаголов, которые сто лет назад пытались выделить ученые в разных неславянских языках. Четверть века тому назад автор этих строк писал следующее [Томмола 1983: 21]:

«Однако до сих пор не существует единого мнения, в частности, о соотносительности СД и акционально-семантических разрядов глаголов вообще. Поэтому ощущается потребность как в сопоставительном изучении СД славянских языков [Ше-

лякин 1977: 6, 9], так и в семантическом анализе их в более универсальном плане [Храковский 1980: 8–10, 22]».

Несмотря на то, что в настоящей статье не привлекается материал других языков, источником этих соображений послужили сопоставительные наблюдения в течение многих лет. На этой основе предпринимается попытка разумного соблюдения границ грамматики и отграничения грамматически обусловленных явлений от лексической семантики и прагматики.

Михаил Алексеевич Шелякин в одной из своих статей [Шелякин 1977: 8] отмечает, цитируя Юрия Сергеевича Маслова, что тенденция к видовой формализации, и значит, к максимальному обобщению, «раскрывается как тенденция к обособлению вида от способа действия, к существенному сужению сферы видовой дефективности («непарности»), как стремление иметь для все большего числа глаголов парные формы обоих видов» [Маслов 1963-а: 202].

Это замечание Шелякин употребляет в своей аргументации, в частности, против концепции Александра Исаченко [Исаченко 1960: 210–253]. Можно сказать, что взгляды Исаченко на систему способов действия (далее: СД) не нашли в дальнейшем большого количества сторонников. Еще больше это касается его терминологии, согласно которой речь идет о «совершаемостях». Ниже предлагается модель аспектуально релевантного описания глагольной системы, в которой существенной составной частью являются некоторые взгляды Исаченко.

Очень важным для предлагаемой здесь концепции следует признать замечание М. А. Шелякина в вышеуказанной статье [Шелякин 1977: 9] о том, что «целесообразно было бы способы действия назвать аспектуальными способами действия». Именно идея аспектуальной значимости побуждает нас рассматривать как отдельную категорию те классы глаголов, которые представлены либо только в СВ, либо только в НСВ, то есть используя понятие Исаченко о модифицирующих показателях, которые превращают исходный глагол в семантически

отдельный, новый глагол и противопоставлены квалифицирующим показателям.¹

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

Во внеязыковой действительности мы не можем найти основания для теоретической классификации всех языковых признаков и единиц. Поэтому желательно для построения теории найти однозначные критерии в самом языковом оформлении и поведении глаголов. Между прочим, хотя и представляется невозможным преувеличить значение категории вида в описании строя славянских языков, все же некоторое преувеличение роли вида глагола или видовой семантики иногда можно наблюдать. Обстоятельство, которое порой смущает в лингвистической литературе о видах, сводится к тому, что категориальный статус аспектуальности или вида повышается на более абстрактный уровень анализа: говорят, например, о том, что в каком-то случае различие СВ и НСВ *не семантическое, а видовое*; или о том, что данное различие *не грамматическое, а видовое*. Впрочем, когда говорят о *видовости*, такие высказывания можно оправдать — в отличие от случаев, когда вместо видовости говорят об *аспектуальности*.²

Подчеркивание аспектуальной мотивации употребления СВ или НСВ, при которой как будто противопоставляют аспектуальные свойства семантическим, следует признать заблужде-

¹ В традиции финского синтаксиса также различали отглагольные производные модификации (фреквентативные и моментативные глаголы) и разного рода отглагольные трансформации, часто с другими сочетаемостными свойствами, чем у исходного глагола (ср. [Hakulinen & Karlsson 1970: 240–241] и [Hakulinen & al. 2004: 347–363], а также [Томмола 1986: 239–285]).

² Правда, различие на уровне терминологии между универсальной семантической категорией аспектуальности и специфической для славянских языков категорией вида (как таковой не засвидетельствованной ни в одном другом языке; см., например, Dahl 1985: 85, Bybee & Dahl 1989: 85) не делается всеми языковедами (см., например, трактовку видов и видовых классов пермских и волжских языков у Серебренникова 1960).

нием, потому что аспектуальные значения не что иное как определенные семантические свойства. Другое дело, что семантика вида (как и в универсальном рассмотрении аспектуальная семантика) по-разному относится к лексическому значению разных глаголов или глагольных разрядов. Если же хотят сказать, что та или другая граммема аспектуальной категории — в нашем случае форма глагола СВ или НСВ — кроме грамматического значения вида и лексического значения глагола, имеет еще какое-нибудь значение, то при этом имеют в виду, по всей видимости, прагматические функции, порой трудно отличающиеся от денотативно-семантического значения. Об этом свидетельствуют, в частности, формы императива СВ и НСВ, при тождественном денотативном значении отличающиеся друг от друга, например, степенью вежливости, регистром или другими прагматическими элементами данного типа дискурса (см. пример 1). Второй подобный случай (2) — общефактическое значение в условиях так называемой конкуренции видов, при выражении заведомо результативного действия глаголом НСВ. В качестве третьего примера можно привести употребление формы настоящего времени НСВ в значении будущего, когда принято говорить о запланированном будущем. Прагматический характер восприятия такого типа ситуации наглядно показывает пример (3), где собственно в формальном плане вид не выражен, так как употребляется двувидовой глагол, а «значение» того или другого вида, тем не менее, носителем языка чувствуется.

- (1) а) — *Какой тут ваш? Берите, только скорее. Синцов подошел и стал неуверенно перебирать ключи.* (Симонов, Живые и мертвые)
- б) *Крокодил никому замечания не сделал, а, выложив из ящика грудку разнокалиберных карандашных огрызков, сказал: — Возьмите себе по карандашу. Каждый подошел к столу и выбрал огрызок подлиннее и получше.* (Белых и Пантелеев, Республика ШКИД)
- (2) *Кто покупал эти билеты?* (при наличии купленных билетов)
(Шелякин 2000: 142)

(3) Зализняк (Вид. Энциклопедия Кругосвет)

(а) *Решено. Я женюсь на Мари и уезжаю с ней в Париж и*

(б) *Я женюсь на Ирине, если она согласится жить со мной в шалаше.*

2. О КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВЫХ ПАР

В современной аспектологии оказались плодотворными попытки классифицировать разные типы видовых пар, то есть анализировать характер видовой противопоставленности, который далеко не во всех парах однороден (см., прежде всего [Авилова 1976] и работы М. Я. Гловинской с 1982 и 2001 гг.; ср. также [Зализняк и Шмелев 2000: 53–67]).¹ Здесь фокус внимания переходит от противопоставления всех глаголов СВ всем глаголам НСВ (от общего или инвариантного значения видов) к рассмотрению разного рода противопоставлений глагола СВ исходному глаголу НСВ (в нашем понимании, правда, это несобственно парные по виду глаголы), или к производному от глагола СВ глаголу НСВ. На наш взгляд, первый тип противопоставления представляет собой (грамматически) не чисто видовые, а просто функциональные пары.

Такой подход приведет к более радикальному выделению (практически неограниченного количества) рядов функциональных видовых пар; например, пары многоактных глаголов НСВ и соответствующих одноактных глаголов СВ, соотношение которых не что иное, как частный случай проявления одного типа семантической оппозиции НСВ и СВ (множественность / единичность действия). Функциональными парами можем далее считать (формально нехарактеризованные) неопределенные глаголы НСВ и делимитативные глаголы СВ, которые обладают почти полной продуктивностью и функционируют в качестве регулярного средства обозначения временной ограниченности (лимитативности), так сказать, внутренние неопределенных действий. Это опять — как и пердуративная

¹ Основа этой традиции была, конечно, положена трудом Ю. С. Маслова о взаимосвязи вида и лексического значения глагола [Маслов 1948].

разновидность ограничительных СД — частный случай одного типа противопоставленных значений видовой оппозиции (непредельная длительность / предельная, ограниченная длительность).

Традиционно видовыми тройками характеризуют исходный глагол со своим приставочным партнером и вторичным имперфективом, причем два последних глагола образуют регулярную видовую пару (*резать* / *вырезать* / *вырезать*). В то же время, принципиальное отрицание парности производных глаголов НСВ (ср. [Исаченко 1960]) снимает необходимость выделять тройки. Вторичные имперфективы (типа *сказывать*, засвидетельствованного, например, у детей и в диалектах) встречаются, если логика вещей это позволяет. Вероятно, во всех языковых категориях окказионально возможны с теоретической или нормативной точки зрения исключительные и аномальные образования, обусловливаемые формальными или экстралингвистическими факторами. Давление системы отражается в наивном и одновременно свежем отношении не столько к правилам, сколько к возможностям системы.

Если рассматривать положение в области видовой парности в диахронической перспективе, можно предположить, что теоретически ко всем приставочным глаголам со временем образуются вторичные имперфективы; ср. замечание Н. С. Авиловой [Авилова 1982: 318]: «динамическое движение к парности легко прослеживается на историческом материале». Между тем, как только появляется вторичный имперфектив, исчезает потребность обсуждать вопрос, является ли исходный глагол видовым партнером приставочного перфектива. Исходный глагол НСВ тогда оказывается просто исходным глаголом, лишенным обязанности компенсировать видовую дефективность приставочного глагола.

3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ

Следует ли противопоставленные по виду семантически соответствующие многоактные и одноактные глаголы воспринимать как парные и называть соотносительными или нет, представляет собой вопрос вкуса (как и многое другое в граммати-

ке, и вообще в научных теориях). Соотносительность этих двух рядов глаголов трудно отрицать, на что обратили внимание также Е. В. Падучева [Падучева 1996: 119] и В. С. Храковский [Храковский 1997]. Храковский подробно анализировал литературу на эту тему, отмечая, в частности, что Ю. С. Маслов в своей классической работе [Маслов 1948] считал мультипликативные и семельфактивные глаголы соотносительными по виду, с той только оговоркой, что мультипликатив НСВ не имеет процессуального значения — эту оговорку теперь вряд ли можно считать исключительной при выделении типов видовых пар. Позднее Маслов стал относиться к видовой парности осторожнее. И А. В. Бондарко считает (или, по крайней мере, считал в своих классических работах), что данные глаголы стоят «на грани между видовой несоотносительностью и соотносительностью» [Бондарко и Буланин 1967: 43], а М. А. Шелякин для них вводит понятие «приблизительной видовой пары» [Шелякин 1983: 121].

При рассмотрении вопроса о СД стоит помнить о ряде немаловажных фактов, которые должны повлиять на отношение к ним именно в рамках грамматического описания. Принято считать, что префиксация бывает трех типов:

1) Квалифицирующая приставка привносит в значение исходного глагола дополнительный семантический элемент, изменяющий его значение, в результате чего мы имеем новый глагол с самостоятельным лексическим значением (*думать* → *передумать* / *передумывать*).

2) Модифицирующая приставка лишь модифицирует значение исходного глагола (например, в количественном отношении, или подчеркивая какую-нибудь фазу действия), причем его основное значение остается тем же (*сидеть* → *посидеть*; *говорить* → *заговорить*; *ужинать* → *отужинать*).

3) По преобладающему среди ученых мнению, приставка может также оставить лексическое значение исходного глагола неизменным, причем принято говорить о чистовидовой приставке, выполняющей как будто только задачу перфективации (*делать* → *сделать*; *писать* → *написать*).

Попробуем разобраться в этих трех случаях, начиная с последнего, который единственный, собственно говоря, только и требует обоснований. Постулирование чистовидовых приставок ведет к установлению приставочных пар, когда производный глагол НСВ и приставочный глагол СВ образуют соотносительную по виду пару с идентичным лексическим значением. В ряде случаев возникают так называемые видовые тройки (вместо закономерной пары), когда от перфективированного приставочного глагола с помощью суффикса имперфективации образуется вторичный глагол НСВ. Между прочим, идентичность значения в рамках видовой пары также подвергалась сомнению, даже отвергалась. Так, Н. С. Авилова [Авилова 1976: 8] протестовала против мнения Ю. С. Маслова [Маслов 1963-а: 212–213], что иногда соотносительные глаголы СВ и НСВ являются почти полными синонимами. Авилова считала, что грамматическое значение вида всегда препятствует установлению отношений синонимии между соотносительными по виду глаголами СВ и НСВ. Тем не менее, Авилова принимает префиксальные видовые пары, и не следует за Исаченко в его отрицании парных способов действия. В такой трактовке, однако, СД утрачивают свою грамматическую (и, значит, видовую) значимость. После этих рассуждений представляется более последовательным такой вывод, что если СД никак в грамматическом рассмотрении не отличаются от любых группировок в соответствии с акциональным характером глагола, то нет смысла вообще использовать понятия способов действия.

4. АСПЕКТУАЛЬНО ЗНАЧИМЫЕ СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ

В чисто лексико-семантическом подходе не обращается внимание на функционирование видов. Поэтому контекст в примерах, приводимых, например, Авиловой, часто недостаточно объемный, и очень многое остается туманным. Непоследовательность ее концепции видовой пары и способов действия заключается именно в признании префиксальных видовых пар. В остальном Авилова как будто разделяет мнение Иса-

ченко (кстати, даже не ссылаясь на его работы), то есть общие тезисы о способах действия таковы:

1) они распространяются на производные (префиксальные, суффиксальные или префиксально-суффиксальные) отглагольные глаголы;

2) они модифицируют значение исходного глагола (уточняют действие либо в количественно-временном отношении, либо с точки зрения результативности действия);

3) данная модификация всегда формально выражена (что, впрочем, вытекает уже из первого тезиса).

Очевидно, данные три тезиса можно свести ко второму, из которого вытекают остальные. Второй тезис говорит о модификации значения исходного глагола, а понятие исходного глагола, видимо, невозможно без производного глагола (1-й тезис), а производность здесь скорее всего следует понимать именно как формальное выражение производности (3-й тезис). На этом согласие Авиловой с Исаченко кончается: Исаченко принимает как СД только *Imperfectiva* и *Perfectiva tantum*. Такое решение нам кажется в теоретическом рассмотрении наиболее «простым», «изящным» и «бескомпромиссным».

Обращает на себя внимание тот факт, что количество СД, выделяемых в разных славянских языках, очень сильно колеблется (впрочем, ввиду неодинаковых критериев СД это не должно быть удивительно). Калина Иванова [Иванова 1974: 137] насчитала в болгарском языке 53 СД, Рада Угринова-Скаловска [Угринова-Скаловска 1960: 17] в македонском — 25, Сигурд Агрелль [Агрелль 1908] в польском — 20, а Исаченко в русском — лишь немногим более десяти. Определение СД, предложенное А. В. Исаченко, часто подвергалось критике [например, Forsyth 1970: 20–26, Lehmann 1978: 131–132, Lindstedt 1985: 160]. Несмотря на это, мы предлагаем следующую концепцию видовой организации глагольного инвентаря русского языка.

4.1. IMPERFECTIVA TANTUM

Непроизводные глаголы НСВ являются непарными (*говорить*, *идти*, *есть*, *писать*) за немногими исключениями, которые с

точки зрения современного языка непродуктивны или можно рассматривать как супплетивные.¹

4.2. РЕГУЛЯРНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ

Соотносительными по виду, тождественными по лексическому значению глаголами являются приставочные глаголы СВ и соответствующие вторичные имперфективы, то есть суффиксальные глаголы НСВ, результаты продуктивной деривации (*заказать* — *заказывать*; *рассказать* — *рассказывать*).

4.3. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВИДОВЫЕ ПАРЫ

В конечном итоге наша концепция означает, что все определяемые нами как одновидовые СД образуют со своим исходным глаголом функциональные пары. Не имея возможности представить здесь весь инвентарь существующих функциональных пар, назовем, к примеру, несколько типовых групп.

1) **Непродуктивные** пары бесприставочного глагола СВ и отличающегося от него тематическим гласным бесприставочного глагола НСВ. Нет необходимости пытаться определить, какой из соотносительных глаголов противопоставленных видов исходный, и какой производный (*решить* — *решать*);²

¹ Непродуктивные пары типа *дать* / *давать* и супплетивные типа *взять* / *брать*.

² Отличие функциональных пар непродуктивного типа данной группы от чистовидовых непродуктивных пар типа *дать/давать* проявляется в том, что значение процессуальности и элемент конативности играют в функциях глаголов последней группы (*давал, но не взяли* или *брал, но не взял*) только маргинальную роль, тогда как в парах типа *решить/решать* конативность заключается в самом процессуальном значении глагола НСВ, противопоставленном результативному ядерному элементу глагола СВ. Частные значения повторяемости и общефактичности или «двустороннего действия» являются более обычными, чем значение конкретного процесса в качестве функции употребления глаголов НСВ типа *давать*. Впрочем, поскольку и конативность, и (пусть только метафорическая) процессуальность, тем не менее, в отдельных случаях не исключаются в интерпретации и группы

2) Функциональную пару образуют также приставочные глаголы «традиционных» СД с соответствующими неопредельными непроизводными глаголами НСВ, например, **делимитативы** (уменьшительно-ограничительные СД) с приставкой *по-*, обозначающие временную предельность, ограниченную продолжительность неопредельного как такового действия, то есть деятельности, занятости чем-нибудь или состояния (*играть — поиграть, заниматься — позаниматься, лежать — полежать, спать — поспать*).

3) Вторым примерным типом СД, который можно перевести в систему функциональных видовых пар, являются **моментативы** (одноактные глаголы СВ), которые не в такой мере продуктивны, как делимитативы, но достаточно регулярны. Они образуют функциональную пару с семантически многоактными глаголами, которые принято выделять как мультипликативный СД при подходе, в котором вся глагольная лексика распределяется по СД. Как при глаголах непродуктивных пар группы 1, и здесь нет необходимости определять, какой из противопоставленных по виду соотносительных глаголов исходный, а какой — производный.

В заключение обратим внимание еще раз на колебания в количестве способов действия, выделяемых разными исследователями-славистами, а также на факты видовой парности в разных славянских языках. Приведенные цифры о количестве СД свидетельствуют о двух положениях дел: во-первых, что критерии признания глаголов как СД у разных исследователей различны; во-вторых, что даже при применении одних и тех же критериев состав и количество СД оказываются различными в разных языках. По замечанию Й. Линдстедта [Lindstedt 1985: 161], в болгарском языке совсем нет СД, если применять критерии Исаченко. Ю. С. Маслов [Маслов 1963-б: 164] в свое время писал о болгарской видовой системе следующее:

дать/давать, может быть оправданным и вообще не относить к первой группе в порядке исключения эти непродуктивные и супплетивные пары с тождественным значением СВ и НСВ, а считать их тоже только функциональными парами в группе 1.

«Основная и важнейшая особенность морфологической системы вида болгарского языка — **почти неограниченная способность имперфективации** — и придает, в частности, такой большой вес значащему отсутствию суффикса имперфективации в основах совершенного вида.»

С учетом отмеченного выше замечания Авиловой [Авилова 1982: 318] о том, что «динамическое движение к парности легко прослеживается на историческом материале», мы можем полагать, что по сравнению с болгарским, большинство славянских языков пока еще далеки от полной грамматикализации бинарной оппозиции СВ и НСВ. Если мы «любим» грамматическую категорию вида в русском языке, то мы должны радоваться тому, что она еще развивается, пока не исчерпала себя, и не расцветает как в болгарском, потому что грамматические категории — как и все в мире — неизбежно начинают дегенерировать сразу, как только достигают своей точки кульминации, состояния сатурации.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Н. С. 1976 — *Вид глагола и семантика глагольного слова*. Москва.
- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. 1967 — *Русский глагол*. Ленинград.
- Гловинская М. Я. 1982 — *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва.
- Гловинская М. Я. 2001 — *Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола*. Москва.
- Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. 2000 — *Введение в русскую аспектологию*. *Studia Philologica*. Москва.
- Зализняк Анна — ВИД. Энциклопедия Кругосвет. Веб-ресурс: <http://www.krugosvet.ru/>
- Иванова Калина 1974 — *Начини на глаголното действие в съвременния български език*. София.
- Исаченко А. В. 1960 — *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. *Морфология*, 2. Братислава.
- Маслов Ю. С. 1948 — Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке. *Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.* Т. 7, вып. 4. Москва. С. 303–316.

- Маслов Ю. С. 1963-а — Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. *Славянское языкознание, V Международный съезд славистов*. Москва. С. 197–229.
- Маслов Ю. С. 1963-б — *Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке*. Москва/Ленинград.
- Маслов Ю. С. 1984 — *Очерки по аспектологии*. Ленинград.
- Падучева Е. В. 1996 — *Семантические исследования — Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. Язык — Семиотика — Культура*. Москва.
- Серебренников Б. А. 1960 — *Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп*. Москва.
- Томмола Ханну 1983 — К семантике способов глагольного действия. Tommola Hannu (ed.). *The Conference "Research of Slavic Aspect and Corresponding Phenomena in Germanic and Finno-Ugric Languages" in Vaasa, August 26...28th, 1983. Abstracts of the papers*. С. 21–22.
- Томмола Ханну 1986 — *Аспектуальность в русском и финском языках*. Yearbook of the Institute for Cultural Relations between Finland and the USSR, 28. Helsinki.
- Угринова-Скаловска Рада 1960 — *Значењата на глаголските префикси во македонскиот јазик. Посебни издания 2*. Скопје.
- Храковский В. С. 1980 — Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений. Смирнов С. В. (отв. ред.). *Аспектуальность и средства ее выражения. Вопросы русской аспектологии 5*. Уч. записки Тартуского гос. ун-та, 537. С. 3–24.
- Храковский В. С. 1997 — Мультипликативы и семельфактивы (проблема видовой пары). *Семантика и структура славянского вида*, 2. Kraków. С. 227–239. (также в кн.: Храковский В. С. 1999 — *Теория языкознания. Русистика. Арабистика*. Санкт-Петербург. С. 222–231)
- Шелякин М. А. 1977 — Основные проблемы современной русской аспектологии 2. Шелякин М. А., Сигалов П. С., Гаспаров Б. М. (ред.), *Вопросы русской аспектологии 2*. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 434. С. 3–22.
- Шелякин М. А. 1983 — *Категория вида и способы действия русского глагола (Теоретические основы)*. Таллин.
- Шелякин М. А. 2000 — *Справочник по русской грамматике*. 2-е изд., исправл. Москва.
- Agrell Sigurd 1908 — *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte: ein Beitrag zum Studium der indogermanischen*

- Präverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen*. Lunds universitets årsskrift, N. F., Afd. I, IV: 2. Lund.
- Bybee Joan L. & Dahl Östen 1989 — The Creation of Tense and Aspect Systems in the Languages of the World. *Studies in Language* 13. P. 51–103.
- Dahl Östen 1985 — *Tense and Aspect Systems*. Oxford & New York.
- Hakulinen Auli & Karlsson Fred 1979 — *Nykysuomen lauseoppi*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 350. Helsinki.
- Hakulinen Auli & al. 2004 — *Iso suomen kielioppi*. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 950. Helsinki.
- Forsyth James 1970 — *A grammar of aspect. Usage and meaning in the Russian verb*. Studies in the Modern Russian Language, extra volume. Cambridge.
- Lehmann Volkmar 1978 — Temporale Aspektbedeutung und Aktionalität im Russischen. *Slavistische Linguistik* 1977. Slavistische Beiträge 120. P. 117–141.
- Lindstedt Jouko 1985 — *On the semantics of tense and aspect in Bulgarian*. Slavica Helsingiensia, 4. Helsinki.

ASPEKTUAALSE TÄHENDUSEGA TEGEVUSLAADID. VERBI ASPEKTIPAARIDE RANGUSE REHABILITATSIOONIST

H. Tommola

Artiklis esitatakse verbi aspektipaaride klassifikatsioon. Kõrvutavate uuringute ja slaavi aspekti puudutavate teoreetiliste tööde alusel püütakse eristada aspektuaalsuse grammatilisi nähtusi leksikaalsemantilistest ja pragmaatilistest ning defineerida aspektuaalse tähendusega tegevuslaade. Aspektipaarideks loetakse vaid sufiksaalpaare, kõiki teisi verbipaare — funktsionaalseteks paarideks.

1. Imperfectiva tantum: imperfektiivsed liht- ehk tüviverbid (*заво-
нутъ, иду, есть, нисать*) ei moodusta aspektipaare, välja arvatud vä-
hesed erandid (üksikud supletiivsed, mõned mitteproduktiivsed paarid).

2. Regulaarsed aspektipaarid: perfektiivsed prefiksaalverbid ning neist
sufiksi abil tuletatud imperfektiivsed verbid (*заказать – заказывать;
рассказать – рассказывать*) on leksikaaltähenduselt identsed ning
moodustavad aspektipaari.

3. Funktsionaalsed aspektipaarid. Vaid ühe aspektiga esindatud tegevuslaadi verbid moodustavad oma lähteverbiga funktsionaalse paari. Nende hulka kuuluvad järgmised paaride tüüprühmad:

a) ebaproduktiivsed paarid, mille moodustavad prefiksita perfektiiiv-verb ja vaid temaatilise vokaali poolest temast erinev imperfektiiv (*решить* – *решать*);

b) teatud tegevuslaadi kuuluvad perfektiiivsed prefiksaalverbid, millel on piiritlemata tegevust tähistavad imperfektiivsed vasted. Nt *no-* prefiksiga perfektiiivsed delimitatiivid, mis tähistavad ajaliselt piiritletud tegevust, piiritletud kestvust. Tegevus ise on objektiivselt piiritlemata, selleks võib olla millegagi tegelemine (millegi harrastamine), tegutsemine (millestki hõivatus) või seisund (*играть* – *поиграть*, *заниматься* – *позаниматься*, *лежать* – *полежать*, *спать* – *поспать*);

c) veel üheks tegevuslaadi tüübiks, mille võib samuti funktsionaalsete paaride hulka arvata, on momentaanid. Neid on vähem kui delimitatiive, kuid nad on küllalt regulaarsed ning moodustavad aspektipaari multiplikatiivsete verbidega.

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ СЛОВА *ЛЕГКИЙ*

(на материале русских фразеологизмов и паремий)

А. В. ШТЕЙНГОЛЬД

Происхождение многих устойчивых выражений (фразеологизмов, паремийных высказываний), фигурирующих в живой речи в качестве пожеланий, приветствий, присловий, ярких образных оборотов, не всегда можно легко установить. Это объясняется их древним происхождением, обусловленностью прежними бытовыми, этнографическими и религиозными факторами. В задачу исследователя, приступающего к объяснению таких «темных» выражений, входит выявление их первичной внутренней формы и очерчивание той понятийной области, с которой каждое из них соотносилось в момент своего возникновения. При этом важно помнить, что некоторые из них исходно обладали мифологической семантикой, впоследствии утраченной в ходе эволюции.

В настоящей статье в центре рассмотрения окажутся фразеологизмы и паремийные обороты, содержащие прилагательное *легкий* в его непрямом значении. Устойчивые речевые обороты, включающие прилагательное *легкий* в метафорическом смысле, но при этом «прозрачные» в плане внутренней формы (*легкое чтение, легкая атлетика, легкий характер* и др.), здесь обсуждаться не будут.

ЛЕГКАЯ РУКА

Легкая рука — всем хорошо известный фразеологизм. Он антонимичен устойчивому словосочетанию *тяжелая рука*. Оба выражения могут употребляться как в прямом, так и в переносном значениях. Выражение *тяжелая рука* является преимущественно источником конкретных физических ассоциаций (напр., *С ним опасно драться, у него тяжелая рука — покалечит*), другими словами, переносное значение для него не является доминирующим. Иным образом соотносятся прямое и не прямое значения в семантической парадигме выражения *легкая рука*. Для данного фразеологизма в большей степени характерно метафорическое употребление, о чем речь пойдет ниже. Пример же неметафорического употребления отражен в паремии: *Чужие руки легки, да не к сердцу* [Снегирев 1999: 286]. В данном контексте краткое прилагательное *легки* может пониматься в значении ‘нежные, необременительные, легкие по своему тактильному воздействию’. В целом паремия «прозрачна» и допускает следующее толкование: «Руки чужого человека нежны, но не несут тепла». Фраза же *У него легкая рука* в первую очередь связывается с представлением об особой удачливости человека, о котором идет речь, и лишь вторичным образом вызывает представление о его анатомических особенностях. В этом случае физические показатели как бы затушевываются, уходят на второй план. Интересующее нас выражение *легкая рука* получает объяснение лишь при рассмотрении его в свете этнографических фактов.

Издавна с легкой рукой у русских связан ряд поверий. Основное заключается в том, что «человек, обладающий легкою рукою, какое бы дело ни стал делать, — всегда оно кончится у него удачно» [Балов 1901: 110]. С. В. Максимов отмечал, что легкой рукой наделен «первый человек на селе» — самый ветхий старец, с молитвой приступающий к началу посевных работ, или же священник [Максимов 1991: 337]. Помимо этого, по утверждению автора, в соответствии с традиционными верованиями русских крестьян сев должен приходиться на *легкие*, или так называемые *счастливые дни* (понедельник, вторник,

некоторые другие дни — в каждом месяце перечень счастливых дней мог быть особым)¹ [там же, прим. 1; Балов 1901: 109]. Возможность взаимной синонимической замены хрононимов *легкий день* ↔ *счастливый день* говорит о совмещенности в народной картине мира представлений о «легком» и «счастливом».

Ряд любопытных замечаний этнографического характера, связанных с обсуждаемым выражением и соответствующим ему явлением культурного быта, можно обнаружить в «Востоchnославянской этнографии» Д. К. Зеленина [Зеленин 1991: 55–59]. По его наблюдениям, феномен легкой руки в системе народных верований связан с агрономией и продуцирующей магией (основные общественные обряды, во время которых определенная роль отводится «хозяину» легкой руки, — это *засевки* и *зажинки* — то есть время начала и конца агрономического цикла). С влиянием легкой vs. тяжелой руки на рост и плодоносность растений связан ряд поверий, записанных А. В. Баловым в Пошехонье на рубеже XIX–XX вв.: «Один человек обладает легкой, счастливой рукою: посадит такой человек дерево, и оно непременно отродится. Другой человек обладает тяжелой рукою: как бы осторожно он ни пересаживал дерево — оно никогда у него не отродится» [Балов 1901: 97; Балов 1890: 96–97, прим. 1]. Верование в «легкую руку» было настолько свойственно пошехонским крестьянам, что они специально приглашали обладателя легкой руки начинать какое-либо ответственное хозяйственное дело — вести новокупленную лошадь или корову на двор, выставлять по весне улья, объезжать лошадь [Балов 1890: 96, прим. 1]. Особое

¹ Иные сведения о *легких днях* сообщает Д. К. Зеленин: в обследованных им губерниях таковыми считались четверг, вторник, суббота (*толстый день*). Напротив, в Пинском у. Минской губ. сев старались приурочить к пятнице. Однако повсеместно предпочтительным временем суток для сева признавалось утро, причем никто не должен был ни увидеть «засевальщиков», ни опередить их, ни помешать севу неблагоприятной встречей [Зеленин 1991: 55].

внимание в этом отношении обращали на правильный выбор крестных родителей для младенца. «Дети, воспринятые от купели первыми [обладателями легкой руки], живут долго, а воспринятые вторыми [обладателями тяжелой руки] — скоро умирают» [там же]. Считалось, что «хозяин» легкой руки мог простыми средствами (напр., сухой коркой) вылечить больного [там же]. Народные воззрения подобного рода нашли свое отражение в произведениях классиков русской литературы XIX в. Ср.: «Он [Калиныч] заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей; пчелы ему дались, *рука у него была легкая*» («Хорь и Калиныч», И. С. Тургенев).

Сходные суеверные представления отмечены у жителей Москвы уже в наши дни. Это показал опрос, проведенный в конце 80-х годов среди людей разного возраста и социального происхождения. Целью опроса было установить, насколько носителям русского языка понятны выражения *легкая рука / тяжелая рука*. В сжатом виде описание этнографической части опроса содержится в «Энциклопедии суеверий» (изложение Е. Миненок): «Если у парикмахера “тяжелая” рука, волосы после стрижки будут расти медленно. Если у медсестры “тяжелая” рука, то она больно делает уколы. (Соответственно очень важно, чтобы у хирурга была “легкая” рука.) Студенты Московского университета перед экзаменом подходят к своим сокурсникам, обладающим, по общему мнению, “легкой” рукой, и просят их ударить по спине» [ЭС: 390].

Обобщая приведенную здесь экстралингвистическую информацию, выделим наиболее, как нам представляется, архаичные моменты: человек, имеющий легкую руку, магически благотворно влияет на вегетативные процессы, на начало любого дела, может сообщать своим прикосновением удачу.

Как было видно из приведенного выше иллюстративного материала, обладатель легкой руки положительно воздействует на здоровье людей, в особенности если его профессия связана с лечением и здравоохранением, но пока трудно сказать, насколько эта черта является самостоятельной. Феномен *тяжелая рука* характеризуется прямо противоположными характеристиками, но сведения об этом явлении достаточно ограни-

ченны [Балов 1901: 97; Балов 1890: 96, см., в частности, прим. 1].

На языковом уровне дихотомия «легкая рука» ↔ «тяжелая рука» может выражаться с помощью синонимической пары *счастливая рука* – *несчастливая рука*. Стоит при этом указать на отсутствие полного совпадения границ понятий, стоящих за фразеологизмами *легкая рука* / *счастливая рука*, а также *тяжелая рука* / *несчастливая рука*, поскольку понятийные рамки первого коррелята обеих пар шире, чем второго.

С ЛЕГКОЙ РУКИ

Выделенные магические оттенки обнаруживаются у прилагательного *легкий* и в составе формально близкого фразеологизма *с чьей-то легкой руки*. В соответствии с толкованием, помещенным в «Словаре русской фразеологии», этот фразеологизм употребляется, когда речь идет «о чьем-л. удачном почине, примере, послужившем началом ряда каких-л. действий, поступков» [СРФ: 503]. Действительно, как правило, оно употребляется в сообщениях об успешных начинаниях, причем со ссылкой на другое лицо, которому приписывается роль инициатора или вдохновителя. Ошибочно, на наш взгляд, представление Л. С. Паниной об имевшем здесь место сокращении более полного оборота *С легкой руки все сойдет* [Панина 1986: 16]. Такое утверждение неверно прежде всего потому, что *с легкой руки* употребляется без негативного или иронического оттенка, явно присущего поговорке *С легкой руки все сойдет*. Вызывает несогласие и сама исследовательская установка все неясные по своей внутренней форме фразеологизмы подводить под единый стандарт и объяснять деформацией или сокращением более развернутых речений. Подобный подход допустим лишь к ограниченному числу случаев, причем нередко пейоративного содержания (напр., *подвесить под монастырь*, *нам татарам все равно* и др.). Л. С. Панина не обратила также внимания на то, что более распространенным вариантом нашего идиоматичного высказывания является тот, который содержит указание на субъект, обладающий легкой рукой (*с чьей-то легкой руки*). Приведем не-

сколько характерных контекстов высказывания, почерпнутых из Интернета: *С легкой руки президента «РИА Новости» заговорило по-китайски*; *С легкой руки голливудских продюсеров этот день считается прямо-таки магнитом для притягивания всевозможных кошмаров и ужасов*; *С легкой руки Михаила Горбачева с мужской дискриминацией было покончено*. Напомним, что именно субъект, инициирующий сев, жатву, покупку, оказывался в центре большого числа суеверных действий и обрядов, следовательно, его именование невозможно было обойти при построении высказывания ни синтаксически, ни лексически. Т.о., полагаем, что исходная синтаксическая структура фразеологизма требует обязательного упоминания деятеля.

Аналогичной синтаксической структурой и грамматической семантикой отличаются выражения типа: *с благословения родителей, с разрешения друзей*. Они также фокусируют внимание на индуцирующем действии субъекте. В XIX в. пожелание *с легкой руки* нередко употреблялось при передаче чего-либо другому лицу, причем, произнося, напр., *Возьми с моей легкой руки пряжи, овсу*, верили, что взятое с добрым пожеланием не пропадет, но принесет достаток, удачу в хозяйственных делах [Балов 1890: 96, прим. 1]. В недавнем прошлом в разговорном языке параллельно бытовало несколько сходных выражений, связанных с торговлей, для которых была характерна описываемая семантика: *(торговать) с легкой руки / со счастливой руки*; *(разбогатеть, разжиться) со счастливой руки / по счастливому, удачному почину*. Ср.: *В торговле продать для почина значит продать дешево, чтобы с легкой руки продавать после много* [СЛА V: 333].

Хотим обратить внимание на морфолого-синтаксическую оформленность высказывания *с чьей-то легкой руки* (сущ. в Р. п. с предлогом с) — и на то, как средствами грамматики передается идея начинательности. Для этого сравним наше высказывание с аналогичными конструкциями типа: *с начала, с утра, с обеда*. В нашем случае грамматика и семантика находятся в согласии с фактами этнографии. Напомним, что человек, обладавший легкой рукой, по решению крестьянской об-

щины начинал посевную страду, вел в стойло только что купленную лошадь или корову, выставлял по весне улы односельчан [Балов 1890: 96–97; Ашукин 1955: 409].

Окказионально прилагательному *легкий* можно приписать не только значение, передающее способность субъекта благотворно влиять на начало и дальнейший ход вещей, но и профетическое значение. Это подтверждает анализ паремии *Рука легка, была бы шея крепка / толста*¹ [Снегирев 1999: 231].

Нет сомнений в том, что обладатель легкой руки в древности воспринимался как член родовой общины, отмеченный свыше (ср. выбор «засевальщика» по жребию) [Зеленин 1991: 55], наделенный особой магической, продуцирующей силой², он же выступал как медиатор между двумя мирами. Способность благотворно влиять на будущее проявляется в том, что обладатель легкой руки сам назначал благоприятный для сева день [Максимов 1991: 337]. На его жреческий статус косвенно указывают следующие характерные детали обряда.

¹ Данная «темная» поговорка получает объяснение при допущении у прил. *легкий* магической семантики и при учете приуроченности поговорки к гаданию. В таком случае паремия может рассматриваться как иронический совет ворожее быть осмотрительнее в своем опасном ремесле, чтобы не оказаться жертвой нечистой силы. Хорошо известно, что любые гадания и колдовские действия осуществляются при помощи нечисти, обладающей всеведением по определению. Наличие легкой руки еще не является гарантом успешного гадания, поскольку черти, призываемые для ворожбы, находятся за чертой магического круга в ожидании легкой поживы в лице гадальщицы, которая может не суметь правильно ответить на их загадки или вовремя расчертиться. Как правило, неосторожных гадальщиц или ворожей черти душат (*давят* — в соответствии с народным лексиконом) [Неклепаев 1996: 53, 64–65]. Рассмотренная под таким углом зрения паремия должна иметь следующее метафорическое значение: «Занимаясь опасным делом, помни о возможных последствиях».

² Этого же почетного старца в первый день Рождества сажали в черной рубахе на печной столб для гаданий об урожае и зазывания мороза на кутью [Максимов 1991: 337].

В качестве центральной обрядовой фигуры выступает либо дряхлый старик («первый человек на селе»), являющийся живым воплощением первопредка, либо подросток десяти-четырнадцати лет, не достигший половой зрелости. Повсеместно при обряде соблюдается требование ритуальной чистоты (чистая белая рубаха, предварительное посещение бани, соблюдение поста), начало сева сопровождается молитвой об урожае [Зеленин 1991: 57]. В христианский период жреческие функции от старца (отрока) перешли к священнику. Функциональное замещение священника богобоязненной крестьянкой в обряде зажинок объясняется женским характером дожинальной обрядности, но выбор конкретной кандидатуры, без сомнения, диктуется традиционными представлениями о сакральном статусе обладателя легкой руки [там же: 59].

НЕЛЕГКАЯ СИЛА / НЕЛЕГКИЙ

Наиболее отчетливо семантические оттенки слова *легкий* проступают на фоне однокоренных, но при этом антонимичных (с префиксом *не-*) по своему исходному значению лексем: *нелегкий* ‘черт’, *нелегкая (сила)* ‘нечисть’ (ср.: *Принесла нелегкая, Чтоб нелегкая взяла!* [Михельсон 1997 II: 511], *Деньги копил да нелегкова / лешего купил* [Снегирев 1999: 91]). С. В. Максимов в своей хрестоматийной монографии первым поместил обширный список «отрицательных» наименований низших демонов (*не наш, недобрый, нечистый, нелегкий, неладный, неключимая сила, некошный*) [Максимов 1991: 151, прим. 1]. В наши дни этот перечень был дополнен севернорусскими диалектными данными [Черепанова 1983: 70]. Исследуя явление табу в языке и культуре, Д. К. Зеленин привлек наименования демонов на *не-*, чтобы показать, что в подобных случаях номинация идет через отрицание положительных качеств или свойств, присущих человеку [Зеленин 1930: 94]. В словообразовательном отношении мотивирующая основа указанных слов может претерпевать суффиксальное расширение: *нечистик, немытик, недобрικ* и т. д. В качестве же собирательного наименования нечисти используется устойчивое словосочетание с опорным словом *сила*: *нечистая сила, не-*

крещеная сила, нелегкая сила, — или же без него (нелегкая, некрещеная). Если на основе этих бинарных противопоставлений попытаться составить «фоторобот» благого существа, противостоящего черту, то придется выделить такие качества как *кошный* ‘красивый’ (диал.), *добрый, ладный, хороший, мытый, легкий*. Последние две номинации кажутся несколько неожиданными, если исходить из представления о том, что антиподом черта является живой человек. С другой стороны, «фоторобот» приобретает законченность, если допустить, что в качестве объекта противопоставления здесь выступает не живой человек, а покойник, похороненный по всем правилам погребальной обрядности, почитаемый и поминаемый как *родитель, дед* (предпочтительнее употребление в форме мн. ч.: *родители, деды, дедки-прадеды, святые*). *Мытый* содержит указание на то, что над этим покойником совершили правильный погребальный обряд, частью которого является ритуальное обмывание. В таком случае *легкий*, очевидно, характеризует духовное состояние такого покойника после смерти.

Качество легкости, невесомости в контексте описания «чужой» реальности или загробного бытия оценивается в традиционной картине мира сугубо положительно. Это проявляется, в частности, в напутствиях, обращенных к только что погребенному покойнику, и при последующем упоминании его имени: *Пусть земля тебе будет пухом!*, *Пухом земля!*, *Пусть тебе легка будет земля* [Зимин, Спирин 1996: 181], *Да будет ему земля легка!* [СлА V: 331], ср. также укр. *Хай ему земля пером!* [там же], *Легкая земля!*, *Легко лежать!*, *Дай вам Боже легко лежати и Христа в очи видати!*, *Легко ему лежать, пером землю держать!* [Номис 1864: 8]. В русской сказке «Иван Быкович» проверка «на легкость» сходна с известным сказочным испытанием кипящим молоком¹ [Афанасьев

¹ Оказавшись за тридевять земель, Иван Быкович вынужден состязаться с Чудом-Юдом (демоническое существо, функционально близкое гоголевскому Вию). Состязание заключается в том, чтобы жердочка, перекинутая над пропастью, не прогнулась под тяжестью испытываемого при переходе на другую сторону. «Пройди

1957 I: 286], с помощью которого можно узнать благое существо. Таким образом, *легкий* — это признак благого (чистого, святого) существа. На славянской почве этот мотив обнаруживается только в сказках и повествованиях о посещении «того» света, но он находит яркие параллели в других фольклорных и религиозно-культовых системах (напр., тибетской, египетской), для которых мотив сравнения души покойного с пером, взвешивания души и суда над ней является доминирующим. В качестве яркого примера можно привести эпизод из древнеегипетской «Книги Мертвых», описывающий суд Осириса над человеческой душой (ок. 2000 г. до н. э.): «Когда вес сердца уравнивал вес Правды, оправдание умершего в его поведении считалось истинным. Тот и Осирис проверяли, достаточно ли равновесие обозначал отвес, и, в случае благоприятного результата, возвещали допущение мертвого в рай. В противном случае его предавали адским мукам» [Морэ 1998: 103]. Элементы психостазии (взвешивания души) присутствуют во многих религиозных памятниках, в том числе в средневековой христианской иконописи (традиционный иконописный сюжет — взвешивание архангелом Михаилом душ умерших для определения их вечной участи) [там же: 118]. В апокрифических текстах этого же времени обсуждается тема материально ощутимой легкости безгрешной души и тяжести души греховной.

Данный культурологический экскурс показывает, что благая, безгрешная душа, в соответствии с представлениями ряда древних народов (в том числе славян), непременно должна быть легка. Истоки и пути распространения этих идей в мировом культурном пространстве пока не выяснены, но наличие типологических параллелей свидетельствует в пользу справедливости представленных здесь семантических построений.

При этом было бы явным заблуждением настаивать на том, что современное русское выражение *с легкой душой* (вариант *с легким сердцем*, то есть ‘с охотой, без сожаления и печали’)

легче пуха лебединого», — закликает Царевна Золотые кудри, и Иван Быкович благополучно преодолевает препятствие [там же].

также должно непременно интерпретироваться с учетом всех указанных мифологических нюансов. Вероятнее всего, в его основе лежит простая метафора, аналогичная той, какую мы обнаруживаем в высказываниях типа *с тяжелой душой / с тяжелым сердцем*. Однако сама лексическая сочетаемость компонентов приведенных высказываний не кажется случайной. Она объясняется притяжением компонентов значения лексем *душа* и *легкий*: сема легкости присутствует в исторической семантике слова *душа* (ср. *дыхание, дух, дышать*).

ЛЕГОК НА ПОМИНЕ

История этого фразеологического сращения неоднократно обсуждалась учеными, правда, довольно отрывочно и по преимуществу в научно-популярном ключе. Еще И. Е. Тимошенко в своей монографии «Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок» впервые высказала догадку об истоках этого устойчивого высказывания [Тимошенко 1897: 94]. Независимо от нее М. И. Михельсон также отметил возможность сопоставления оборота *Легок на помине* с поговоркой *Помяни волка, а он из колка* [Михельсон 1997 I: 505, II: 83–84]. Таким образом, еще в конце XIX в. из разных источников была сформирована интересующая нас гипотеза, которая в дальнейшем мало менялась в своей логической основе, но дополнялась новыми фактами. В настоящий момент ее придерживаются В. М. Мокиенко, Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов, Ю. А. Гвоздарев [Мокиенко 1999: 138; КЭФ: 81; Опыт 1987: 73; Гвоздарев 1982: 123]. Эти исследователи настаивают на том, что фразеологизму предшествовала поговорка *Легок волк на помине*. Оба устойчивых речевых оборота (т. н. полный и сокращенный) являются отражением древних суеверных представлений, в соответствии с которыми волк способен появиться сразу же после произнесения его имени. Табуированием мотивируется и исключение слова *волк* из конечного варианта высказывания.

Обсудим сильные и слабые стороны этой этимологии. Во-первых, эта гипотеза выгодна тем, что на первый взгляд хорошо подтверждает идею ряда ученых о том, что непонятные

фразеологизмы надо трактовать как результат компрессии (действительно, оба варианта — как «полный», так и «сокращенный» — зафиксированы словарями). Во-вторых, на первый взгляд «полный» вариант хорошо подкреплён типологически, как на русской, так и на индоевропейской почве. Ср.: рус. *Про волка речь, а он навстречь, Помянули волка, а он и тут, Помяни волка, а он из колка* [Снегирев 1999: 223, Даль 2004: 648]; польск. *O wilku mowa (a wilk tuż)*; болг. *Говорим за вълка, а той в кошарата*; фр. *Quand on parle du loup*; лат. *lupus in fabula* (буквально: «волк в басне») и др. [Михельсон 1997 II: 83–84]. Последнее крылатое выражение характеризуется наиболее древней фиксацией. Оно приписывается Теренцию и датируется ок. 185–59 гг. до н. э. Культурологическое обоснование всех поговорок про волка, кроме **Легок как волк на помине*, тоже возражений не вызывает.

Теперь коснемся внутренних противоречий, источником которых является данная гипотеза. Принимая такое объяснение, мы неизбежно должны признать немотивированный характер смены адресации (отнесенность к волку сменилась отнесенностью к человеку) и неожиданность перехода от отрицательной окраски к положительной. В соответствии с позицией упомянутых ученых, выражение **Легок волк на помине* произносилось с неприязненным оттенком, а при сокращении фразеологизма последний утратился (авторы-составители КЭФ помещают сокращенный вариант с пометой «с оттенком доброжелательства») [Опыт 1987: 72, КЭФ: 81]. И, наконец, «полный» вариант *Легок волк на помине* содержится только в «Толковом словаре» В. И. Даля [Даль 1981–1982 I: 233]. Его даже нет в пословичном сборнике того же автора, не говоря уже о других паремийных собраниях. Другие же пословицы типа *Помяни волка, а он из колка, Помяни волка — а он тут* (в совокупности с западными параллелями) не содержат лексического компонента *легкий, легок*, не характеризуют волка этим эпитетом, а следовательно, не дают оснований ему приписывать качество легкости.

Для преодоления отмеченных противоречий предложим собственную этимологию, учитывая семантические возмож-

ности приводившихся выше устойчивых контекстов. До сих пор было очевидно, что прилагательное *легкий*, участвуя в построении фразеологизмов, генерирует новые положительные оттенки смыслов. В очень общем виде его контекстуальное значение можно передать как 'относящийся к благому существу, удачливый, счастливый'. Такая, пусть и окказиональная, семантика, подтверждающаяся рядом структурных закономерностей, вступает в противоречие с только что приведенной этимологией. Другое возражение идет со стороны этнографического материала. Во всех индоевропейских культурах волк — существо одиозное, сходное с нечистью. Образ волка может принять оборотень, то есть человек, добровольно совершивший обряд превращения, либо кем-то проклятый или заколдованный. С нечистой силой волка сближает способность внезапно появляться при произнесении его имени (ср. англ. *Speak of the devil and he will appear* (зафиксировано с 1666 г.), нем. *Wenn man vom Teufel spricht, dann kommt er*, голл. *Als je het over de duivel hebt, dan zie je zijn staart*, швед. *Tala om trollen*). Это качество присуще всем демонам, а также ведьмам, колдунам, как пограничным существам, обладающим всеведением. В народном понимании волк не может быть «легким», но только «нелегким». Логично предположить, что если случилось так, что человек появлялся сразу же после произнесения его имени, он тем самым давал повод заподозрить его в связях с нечистой силой и оборотничестве. Возглас *Легок на помине!* должен был снять заклятье или гарантировать при контакте с новопришедшим защиту от колдовства. Напомним, что в русском просторечии имеется и другое выражение, допустимое при внезапном, но нежелательном приходе кого-л. и характеризующееся резко отрицательной окраской: *Принесла нелегкая!* Эта паремия содержит уже знакомое нам наименование нечисти (ср. *нелегкая*) и однозначно указывает на отношение говорящего к действию, ей приписываемому. Положительное отношение к тому, кто, будучи назван, внезапно появился, отражено в иркутском уменьшительно-ласкательном варианте *Легонький на поминках* [ФСРГС: 104].

Выражение же *Легок волк на помине*, если и не является артефактом, то по крайней мере должно расцениваться как поздняя контаминация выражений *Легок на помине* и *Помянули волка, а он и тут*.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ!

Это выражение до сих пор не имеет однозначного толкования. В. Н. Сергеев полагал, что «шедшему в баню желали легкого пару, то есть такого пару, который легко поднялся бы от раскаленных камней до полка» [Сергеев 1973: 158–159]. При этом, как полагает исследователь, условия для мытья были бы оптимальными. Однако фразеологизм *легкий пар* в предлагаемом им смысле нами обнаружен не был¹, а у самого автора ссылка на первоисточник отсутствует. Остается предположить, что такое объяснение создано искусственно, без опоры на словарный, этнографический материал. Помимо этого, стоит указать и на другую фактическую ошибку исследователя. Он утверждает, что пожелание *С легким паром!* предшествовало походу в баню, тогда как реально этим приветствием встречали только что помывшегося.

Близкое естественнонаучное объяснение предлагает также В. Н. Вакуров: «В древней Руси бани были очень примитивными, непригодными, часто с паром смешивался угарный газ. Таким образом, пар был “легким” и “тяжелым”. От “тяжелого” пара люди нередко угорали» [Вакуров 1977: 85]. И снова автор не приводит лексикографических свидетельств существования фразеологизмов *легкий пар* / *тяжелый пар*.

Нами уже обращалось внимание на магические коннотации прилагательного *легкий* в составе фразеологизмов и паремий. Продолжим рассмотрение нашего материала в этом направлении. В крестьянском быту баня — это место, противостоящее жилому пространству (аналогично овину, риге). Баня — обиталище банных демонов (*банника, задержихи* и др.), место не-

¹ В СРНГ можно найти выражение *легкий дух*, но оно также далеко от предлагаемого В. Н. Сергеевым толкования и значит ‘слабый жар (в печи)’ [СРНГ 16: 310].

чистое, где смывали с себя грязь, гадали, принимали роды. Банный дух выступал в сознании крестьянина как реальный хозяин этого опасного локуса. По этой причине в бане не вешали ни икон, ни крестов, оставляли для банника веник, шайку, мыло, чтобы он также мог попариться. Опасно было мыться в неоговоренные традицией дни и времена. За нарушение закона банник мог разорвать или задушить. Четвертый пар (по другим источникам — третий) в бане предназначался баннику: «После того как в бане вымоются три пары, наступает очередь банника, он моется в тот же вечер четвертым, и мыться кому бы то ни было другому в это время опасно: считается, что в лучшем случае банник напугает моющегося, сбросив с печи камни, а в худшем — сдерет с него живого кожу» [Зеленин 1991: 285]. Именно этот пар, видимо, считался «нелегким», поскольку предназначался баннику. Это суеверие подкрепляется поговоркой *Пар в бане не одной Мане* [Снегирев 1999: 211, 411]. Исторически приветствие *С легким паром!*, как и в предыдущем случае, является апотропейным возгласом, функция которого — снять действие нечистой силы с человека, вернувшегося из опасного, «нечеловеческого» пространства. Именно в функции оберега это приветствие актуально не до, а после мытья. Относясь к жанру приветствий, оно имеет характерную синтаксическую структуру: предл. с + именная группа в Р. п. (ср.: *С Новым годом!*, *С днем рождения!*). Аналогичное приветствие известно болгарскому речевому этикету: *Честита баня!* (букв. «Со счастливой баней!»). Оппозиция «легкого» — «нелегкого», «счастливого» — «несчастливого» характеризует традиционную дуалистическую систему верований, основанную на представлении о семиотическом противостоянии двух миров: «мира людей» и «мира демонов». При этом «мир людей» отмечен положительными характеристиками.

Подведем следующие итоги. Как известно, контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи в зависимости от окружения и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста. Несмотря на то, что для слова *легкий* такое узуальное значение как 'счастливый, удачливый, магический, посюсторонний' слова-

рями не фиксируется, оно тем не менее вычленяется на основе ближнего контекста (синтаксически), широкого (парадигматически, при сопоставлении с другими высказываниями) и экстралингвистического (на основе этнографических фактов). Однако контекстуальные значения не привносятся извне, а являются реализацией потенциально заложенных в слове значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А. Н. 1957 — *Народные русские сказки*. Москва.
- Ашукин Н. С. 1955 — Примечания. Максимов С. В. *Крылатые слова*. Москва.
- Балов А. 1890 — Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде, Яросл. губ. *Этнографическое обозрение*. Кн. VI. № 3. М. 90–115.
- Балов А. 1901 — Очерки Пошехонья. Верования. *Этнографическое обозрение*. Кн. LI. № 4. С. 81–135.
- Вакуров В. Н. 1977 — С легким паром. *Рабоче-крестьянский корреспондент*. № 1. Москва. 85.
- Гвоздарев Ю. А. 1982 — *Пусть связь речений далека*. Ростов-на-Дону.
- Даль В. И. 1981–1982 — *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Даль В. И. 2004 — *Пословицы русского народа*. Москва.
- Зеленин Д. К. 1930 — Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 2. Запреты в домашней жизни. *Сборник Музея антропологии и этнографии*. Т. IX. Ленинград. 1–166.
- Зеленин Д. К. 1991 — *Восточнославянская этнография*. Москва.
- Зимин В. И., Спириин А. С. 1996 — *Пословицы и поговорки русского народа*. Москва.
- КЭФ — Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии. *Русский язык в школе*. 1979. № 4. Москва. С. 76–86.
- Максимов С. В. 1991 — *Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила*. Кемерово.
- Михельсон М. И. 1997 — *Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*. Москва.
- Мокиенко В. М. 1999 — *В глубь поговорки*. С.-Петербург.

- Морз А. 1998 — *Цари и боги Египта*. Москва.
- Неклепаев И. 1996 — Поверья и обычаи Сургутского края. Переиздание очерка 1903 г. *Русская традиционная культура (Альманах). Традиционные зимние увеселения взрослой молодежи в районах Среднего Приобья*. Вып. 1–2. С.-Петербург, С. 5–66.
- Номис М. 1864 — [Симонов М.] *Українські приказки, прислів'я и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других*. С.-Петербург.
- Опыт 1987 — Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. *Опыт этимологического анализа русских фразеологизмов*. Москва.
- Панина Л. С. 1986 — *Образование фразеологических единиц на базе пословиц в русском языке: Автореф. канд. дис.* Ростов-на-Дону.
- Сергеев В. Н. 1973 — С легким паром. *Русская речь*. № 1. Москва. С. 158–159.
- СЛА — *Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук [А–обезоруживать]*. С.-Петербург–Петроград–Ленинград. 1891–1929.
- Снегирев И. М. 1999 — *Русские народные пословицы и притчи*. Москва.
- СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. Москва. Ленинград–С.-Петербург. 1965–.
- СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. С.-Петербург, 2001.
- Тимошенко И. Е. 1897 — *Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок*. Киев.
- ФСРГС — *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск. 1983.
- Черепанова О. А. 1983 — *Мифологическая лексика русского Севера*. Ленинград.
- ЭС — Рэдфорд Э., Рэдфорд М. А., Миненок Е. *Энциклопедия суевений*. Москва, 1997.

SÕNA ЛЕГКИЙ 'KERGE' SEMANTIKA
MÜTOLOOGILINE ASPEKT
(Vene fraseologismide ja paröömiat põhjal)

A. Šteingolde

Artiklis analüüsitakse sõna *легкий* 'kerge' kontekstuaalset semantikat vene fraseologismide ja paröömiat koostisosana. Omadussõna *легкий* on

neis kasutatud ülekantud tähenduses: *легкая рука* 'õnnelik käsi' {kerge käsi}, *с легкой руки* {kergelt käelt} 'tänu heale näpunäitele, algatusele', *нелегкая сила / нелегкий* {mitte kerge / raske jõud} 'kuri jõud / kuri vaim', *легок на помине* {kerge meenutusel} '*Hundist jutt — hundil rutt*', *С легким паром!* {kerge auruga} — '*Hüva leili!*' jt.

Легкая рука

Etnograafilise materjali kaasamine näitab, et ettekujutus sellest, et üks inimene võib olla «kerge käega», teine «raske käega», on vene teadvuses siiani käibel. Inimene, kellel on «kerge käsi», mõjub maagiliselt heategevalt vegetatiivsetele protsessidele, iga asja algusele, ta võib oma puudutusega edastada heaolu ja tervist. Täpselt vastupidisel viisil mõjub ümbritsevale maailmale «raske käe» omaja. Keelelisel tasandil võib dihhotoomiat «kerge käsi» ↔ «raske käsi» väljendada ka sünonüümilise paari *счастливая рука* 'õnnelik käsi' — *несчастливая рука* 'õnnetu käsi' abil.

С легкой руки

Peale maagilise semantika sisaldab see väljend alguse ideed. «Kerge käe» omajal oli talupojahühiskonnas silmapaistev koht: teda kutsuti kohale selistel juhtudel, kui oli tähtis edukas algus (kaubandustehingu sõlmimine, külvi alustamine jm). Alguse semantika on väljendisse *с легкой руки* kinistunud ka grammatiliste vahenditega (vene k. nimisõna genitiivis eessõnaga *с*, millele eesti keeles vastaks sel juhul seestütlev kääne; näited: *с утра* 'alates hommikust', *с обеда* 'lõunast').

Нелегкая сила / нелегкий

Need kurja vaimu «negatiivsed» nimetused on motiveeritud positiivse tunnuse eitusega. Idaslaavi rahvaste arvates tähistavad need kurjade vaimude juures kerguse omaduse puudumist. Sarnased vaated on iseloomulikud erinevatele rahvastele ja kultuuridele: ettekujutus patuta hinge kergusel ja patuse, deemonliku hinge raskusest.

Легок на помине

Polemiseeritakse uurijatega, kes seostavad seda fraseologismi teisega — *Легок волк на помине* 'Kus hundist jutt, seal hundil rutt'. Võttes arvesse väljatoodud omadussõna *легкий* semantilisi iseärasusi, püütakse tõestada selle väljendi apotroopilist (kaitsvate omadustega seotud) iseloomu.

С легким паром!

Artikli autor leiab, et ka see väljend oli algselt seotud maagiline pragmaatikaga. Hüüatus pidi võtma maha needuse inimeselt, kes naases ebapuh-

tast kohast (saunast) ning võis seal sattuda kurja vaimu mõju alla.

Jõutakse järeldusele: vaatamata sellele, et sõna *легкий* usuaalset tähendust 'õnnelik, edukas, maagiline, igakülgne' sõnastikud ei fikseeri, eristub ta sellegipoolest lähima (süntaktiliselt), laiema (paradigmaatiliselt) ja keelevälise (etnograafiliste faktide põhjal) konteksti alusel.

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: СВОЕ И ЧУЖОЕ

В. П. ЩАДНЕВА

ВВЕДЕНИЕ

Терминология, как известно, является одной из наиболее активно пополняемых и подвижных частей лексической системы научного (а также официально-делового) стиля. Специалисты считают, что «...удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные — тормозить развитие научных данных...» [Гринев 1993: 9].

Постоянное развитие науки приводит не только к созданию ее новых подязыков, но и к изменению и пополнению уже существующих терминосистем даже в рамках одной дисциплины. Поэтому сейчас нет ни одной области знаний, которую можно было бы изучать и развивать, не владея специальной лексикой. В эпоху глобализации термины становятся неотъемлемой частью языка не только узких специалистов с высшим образованием и профессионалов среднего звена, но и широкого круга непрофессионалов, которые в процессе общения создают удобные для употребления специальные лексемы и модификации книжных заимствованных терминов.

По этой причине специалисты в области терминоведения не оставляют попыток разграничить собственно термины и другие специальные лексические единицы (профессионализмы, профессиональные арготизмы, квазитермины и др.) [см., например: Кузьмин 1970; Скворцов 1972; Лейчик 1981; и др.].

Тем самым обсуждение терминологических проблем имеет огромное практическое значение для:

а) систематизации, стандартизации и унификации терминологии;

б) для оптимизации процесса перевода терминов;

в) для оптимизации работы по составлению разного типа словарей, предназначенных для специалистов разного профиля и ранга.

Выбор темы данной статьи объясняется как субъективной, так и объективной причинами. Во-первых, в процессе соавторской работы над выбором и систематизацией терминов в двух изданиях учебного русско-эстонского медицинского и медико-социального словаря¹ накопились наблюдения и общего, и частного характера. Во-вторых, сопоставление терминосистем разных наук свидетельствует о своеобразии именно медицинской терминологии, что проявляется как при сопоставлении ее с другими терминосистемами в рамках одного языка, так и в сопоставлении медицинских терминосистем разных языков.

1. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ МЕДИЦИНСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Формирование современной медицинской терминологии связано не только с ее общей лексической основой, то есть а) с постоянной опорой на греческий и латинский языки, б) с общим содержанием понятий медицины, которое значимо для разных языков, но и в) с новыми техническими возможностями, с современными технологиями, а также с теми социальными изменениями, которые происходят и в мире в целом, и в отдельных странах со сложившимися медицинскими школами. При этом современная медицина стала больше внимания об-

¹ Разсте Э., Щаднева В., Вайгла Э., Карасева Н. *Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь*. 1-е изд. Tartu – Paide: Kuma Kirjastus, 2005; 2-е изд. Paide: Kuma Kirjastus, 2007. Значительная часть примеров (отдельные лексемы, части словарных статей и некоторые словарные статьи) данной публикации извлечена из названного словаря.

ращать на профилактику заболеваний, на помощь людям с ограниченными возможностями и т. п. Такая социальная направленность, естественно, отражается и на качественном, и на количественном составе медицинской лексики.

Сходство медицинских терминологий разных языков проявляется, прежде всего, в следующем:

1. Основу медицинской терминологии составляют а) давно заимствованные греко-латинские термины, б) термины, созданные искусственно из греко-латинских терминоэлементов. Тем самым подавляющее большинство терминологической лексики создано и до сих пор создается на базе классических языков (впрочем, как и в терминосистемах других наук). При этом анатомическая и гистологическая номенклатуры целиком составлены на основе алфавита, фонетики и грамматики латинского языка.

2. Поскольку греко-латинские терминологические единицы и их элементы лежат в основе медицинской терминологии практически всех европейских языков, значительная часть медицинских терминов является **интернациональной**. В профессиональном языке медика любой страны мира некоторые специальные выражения употребляются только на латинском языке, то есть, по сути дела, представляют собой узаконенные варваризмы: *cito!* (срочно!), *in vivo* (на живом организме), *in vitro* (в стекле, то есть в пробирке), *per os* (через рот) и т. п.

3. В сфере медицины активно используются эпонимические термины (по имени исследователя / открывателя того или иного болезненного явления), поскольку сразу отнести заболевание к той или иной определенной форме порой бывает сложно. Когда удастся выяснить этиологию (причины болезни) или основные стороны патогенеза (особенности возникновения и развития заболевания), появляется новый термин, дающий точное представление об отнесении понятия к определенному классу, а эпонимический термин или вытесняется, или остается в память об ученом, например: 1) рус. *болезнь Боткина* = *hepatum A* — эст. *Botkini tõbi* = *A-hepatiit* (от греч. «печень»); 2) рус. *отек Квинке* = *ангионевротический отек* — эст. *Quincke ödeem* = *angioneurootiline ödeem* = *angioödeem* (от

греч. «отёк» + «сосуд» + «жила, нерв»). Постепенное вытеснение эпонимического термина иллюстрирует, например, название *болезнь Гебердена* (синонимы: *стенокардия*, *грудная жаба*, *angina pectoris*), которое сохраняется только в подробных специальных описаниях.

Развитие современной медицины, как известно, определяется интеграцией различных наук, то есть вкладом, который вносят в нее такие фундаментальные науки, как химия, физика, математика. На границе этих наук и медицины развиваются новые области исследования: генная инженерия, медицинская радиология, космическая и авиационная медицина и т. д. В связи с этим медицинская терминология регулярно пополняется терминами, заимствованными из терминологий других наук. Получается, что развитие науки и языка идет параллельно, так как каждое новое понятие должно быть зафиксировано словом-термином.

Медицина как сфера человеческой деятельности по сути своей является социальной: трудно представить себе область медицины, не связанную с человеком, с обществом. Тем не менее сравнительно недавно появился в определенной степени плеонастический термин *социальная медицина*, видимо, призванный разграничить клиническую медицину и ее неклинические направления. Но социальный фактор, влияющий на состав медицинской лексики, проявляется и через сферу употребления, где происходит своего рода естественное разделение на узкопрофессиональный и полупрофессиональный медицинский язык. Последний содержит обыденные наименования необходимых в медицинском обслуживании предметов, действий и даже болезней и лекарственных препаратов. Иными словами, следует учитывать:

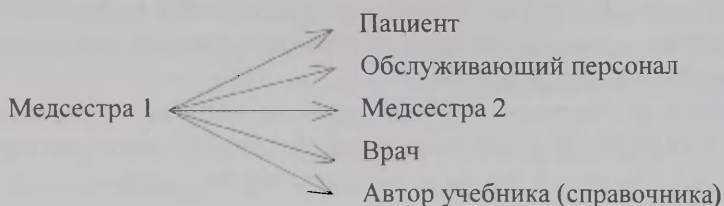
1) разные **уровни общения** медицинских работников:

- а) официально-профессиональное общение,
- б) неофициально-профессиональное общение,
- в) неофициальное обыденное общение;

2) языковые различия, обусловленные **статусом адресата**.

Например, общение медсестры многопланово: оно складывается из целого ряда частных (часто типичных) ситуаций с пе-

ременным адресатом. Сказанное отражено в схеме, иллюстрирующей многоплановость общения медсестры:



Наличие разных уровней коммуникации медицинских работников, различия в степени официальности / неофициальности общения, естественно, влияют на лексический состав языка медицины, расширяя ее семантическое поле не только количественно, но и качественно.

2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ МЕДИЦИНЫ

Тем самым, будучи направленной «на сохранение и укрепление здоровья человека, продление его жизни, предупреждение и лечение болезней» [Словарь иностранных слов 1983: 301], медицина представляет собой не только науку, но и практическую деятельность, нацеленную на физическое и психическое здоровье населения. Поэтому семантическое поле медицины оказывается объемным и разнообразным. Поскольку сейчас увеличилось и без того большое число медицинских отраслей, образующих свои лексические подсистемы, то во всех национальных языках медицинская терминология содержит большое количество семантически разнородных тематических групп, отдельные члены которых под воздействием социального фактора могут, в свою очередь, развивать синонимию (а точнее — семантическую, смысловую дублетность). Последнее обычно оценивается специалистами как отрицательное явление, однако речевая практика часто идет вразрез с нормативными предписаниями.

Лексический состав названных подсистем в разных национальных языках может не совпадать как количественно, так и качественно. Есть расхождения и в происхождении лексем, и в их производящем потенциале, и в сочетаемости, то есть на-

блюдаются как парадигматические, так и синтагматические различия. В следующей таблице на фоне парадигматического сходства медицинской терминологии в ряде языков представлены и отдельные примеры существенных расхождений между разными языками:

рус.	лат., роман.	англ.	эст.
ангина (от лат. «душить»), тонзиллит (от лат. «миндалина»), воспаление миндалевидной железы, воспаление нёбных миндалин	<i>tonsillitis</i>	<i>tonsillitis, quinsy</i> (= острый, гнойный тонзиллит)	<i>angiin, kurgu-mandli-põletik</i>
стенокардия (от греч. «узкий, тесный» + «сердце»), грудная жаба	<i>angina pectoris</i>	<i>angina, angina pectoris</i>	<i>stenokardia, rinnaangiin</i>
грипп, инфлюэнца (от итал. «грипп») устар.	<i>influenza</i> итал.	<i>grippe, influenza; flu(e)</i> разг.	<i>gripp, influentsa</i> устар.

Даже эти немногочисленные примеры свидетельствуют о том, что степень опоры на латинскую и греческую основу в разных языках разная: хотя русский и эстонский языки не отказываются от использования номенклатурных латинских терминов, в отличие от английского в данном случае они используют и терминологические элементы греческого происхождения, а также термины, строящиеся посредством использования элементов своего национального языка.

Таким образом, в терминологии наблюдается как межъязыковая, так и внутриязыковая синонимия, что с точки зрения терминоведения расценивается как нарушение требования точности термина [о требованиях к термину см. подробнее: Васильева 1998: 508–509], однако является, на наш взгляд, функционально оправданным, так как облегчает общение медиков со специалистами и не специалистами, например: *офтальмолог* (сугубо книж.; от греч. «глаз» + греч. суффиксоид «-лог») — *окулист* (книж.; от лат. «глаз») — *глазной врач* (нейтр.) — *глаз-*

ник (разг.). Тем самым кроме смысловой дублетности, допускающей параллельное использование своего и заимствованного термина, наблюдается и стилистическая синонимия, как в разговорном *глазник*. А в случае *эпилепсия* — *падучая* синоним не просто относится к разговорному стилю, но и является сниженным разговорным и уже устаревшим словом.

Можно спорить, следует ли вводить в словари синонимы терминов, однако разноязычные лексикографические издания, ориентированные на употребление, как и названный в начале данной публикации словарь, все-таки предпочитают — хотя и с разной степенью полноты — включать в свой состав синонимические ряды. Приведем примеры отдельных словарных статей из упомянутого ранее издания:

марганцовк/а *разг.* kaaliumpermanganaa/t, -di, -ti; **раствор** ~и kaaliumpermanganaadi lahus; *син.* **марганцовокислый калий, перманганат калия**

нарыв (mäda)paise, -, -t, -id; mädanik, -u, -ku; **гнойный** ~ mädapaise; **вскрывать / вскрыть*** ~ скальпелем paiset skalpelliga avama; ~ **созрел** paise on puhkemas; *син.* **абсцесс, гнойник**

обмен веществ ainevahetus, -e, -t, metabolism, -i, -j; **белковый** ~ valkude ainevahetus; **жировой** ~ rasvade ainevahetus; **углеводный** ~ süsivesikute ainevahetus; **процесс** ~а **веществ** ainevahetusprotsess; **нормализовать** ~ ainevahetust normaliseerima, korrastama; *син.* **метаболизм**

тетанус [тэ] teetanus, -e, -t, kangestuskramp/tõbi, -tõve, -tõbe; *син.* **столбняк**

Приведенные примеры показывают, что набор синонимов в русском и эстонском языках может качественно и количественно различаться.

Следует отметить разный производящий потенциал и синтагматические различия, проявляющиеся в специфичной для каждого языка сочетаемости, что в процессе употребления может вызывать интерференцию. Например, русское *живот* не способно в языке медицины порождать производное *животный*, поскольку последняя лексема закреплена за другим значением, а этот факт ограничивает и возможности лексиче-

ской сочетаемости. В эстонском же языке такой проблемы не существует в силу особенностей эстонской словообразовательной системы, для которой типично активное образование сложных слов:

абдомен *abdoomen*, -i, -it, *kõh/t*, -u, -tu, *allkeha*, -, -; *син. живот, брюшная полость*

абдоминальн/ый *abdominaal/ne*, -se, -set, -seid, *kõhtmi/ne*, -se, -st, -si *e* -seid, *kõhu*-, *kõht*-; ~ая боль, боль в животе *abdominaalne valu*, *kõhuvalu*; ~ое дыхание, брюшное дыхание *abdominaalne hingamine*, *vahelihasehingamine*, *van. kõhuhingamine*; *син. брюшной*

Различия в сочетаемости единиц, происходящих из общего языка-основы, ярко демонстрирует лексема *оральный* (от лат. «рот») и ее соответствия в других языках: если в английском прилагательное *oral* многозначно и широко употребляется как в книжном научном, так и нейтральном стилях, то в русском и эстонском языках ситуация иная:

- 1) англ. *oral cavity* — рус. *ротовая полость* — эст. *suuõõs*;
- 2) англ. *oral hygiene* — рус. *гигиена ротовой полости* — эст. *suuõõsi hügieen*;
- 3) англ. *oral examination* — рус. *устный экзамен* — эст. *suuline eksam*;
- 4) англ. *oral school* — рус. *школа для глухонемых* — эст. *kurtummade kool*.

Тем самым в русском языке *оральный* имеет ограниченную сочетаемость и является исключительно терминологизированным: *оральный прием лекарственных препаратов; оральный кандидоз (молочница — у детей)*.

Работа над русско-эстонским медицинским словарем [Раэсте, Щаднева и др. 2005, 2007] показала, что в целом эстонский язык в большей степени, чем русский стремится использовать терминологические единицы, созданные на эстонской языковой почве: практически для каждого иноязычного термина в эстонском языке имеется свое соответствие, чего нельзя сказать о русской медицинской лексике.

Общая для современного состояния обоих языков ориентация на английский язык в эстонском и русском обществе про-

является по-разному. В эстонском языке термины и специальные понятия активно создаются на базе элементов своего языка — прежде всего как калькирование иноязычной лексемы. Особенно много таких случаев в экономической и юридической сферах, хотя и здесь существуют прямые англицизмы (точнее, американизмы). В русском же языке реалия чаще заимствуется вместе с лексемой, ее называющей.

Что касается медицинской лексики, сравнительно недавно появившейся в обоих языках, то ее сопоставление свидетельствует о неоднозначности современных процессов в терминовтворчестве. Напомним, что с точки зрения словообразовательной структуры термины можно разделить на:

- 1) непроезводимые термины-слова;
- 2) производные термины-слова;
- 3) производные сложные слова;
- 4) аббревиатуры и разного рода сокращения;
- 5) термины-словосочетания.

Типичным для современной медицины является образование терминов-аббревиатур и соотносящихся с ними терминов-словосочетаний. Подобные единицы способствует тому, что современные медицинские термины оказываются семантически прозрачными и обладают высокой степенью мотивированности, а тем самым и системности. Не следует думать, что таких терминов не было раньше, например, русские языковые единицы: ДНК — *дезоксирибонуклеиновая кислота*, РОЭ — *реакция оседания эритроцитов* и более современный термин СОЭ — *скорость оседания эритроцитов* и др. Попутно отметим, что в эстонском языке соответствие в виде аббревиатуры может и отсутствовать, например:

ОРВИ [орзви] (*неизм., ж. р.*), **острая респираторная вирусная инфекция** äge (-da, -dat) respiratoor/ine (-se, -set) viirusnakkus (-e, -t)

Однако названия современных болезней, заимствованные из американского варианта английского языка, используются в эстонской терминологической системе в виде английских аббревиатур. В русском языке, крайне либеральном к заимство-

ваниям, таким названиям соответствует словосочетание-калька и передающая его аббревиатура:

ВИЧ, вирус иммунодефицита человека H1-viirus, -e, -t; **ВИЧ-инфицированный** HIV-ga nakatunu; **ВИЧ-инфекция** HIV-infektsioon, HIV-nakkus

СПИД, синдром приобретённого иммунодефицита AIDS, aids, -i, -i, omandatud immuunpuudulikkuse sündroom, -i, -i; **заражение** ~ом AIDSi nakatumine; **методы профилактики передачи** ~а AIDSi edasikandumise tõkestamise meetodid; **программа по борьбе со** ~ом AIDSiga võitlemise programm; **распространение** ~а AIDSi levik

Если давно вошедшие в медицинский язык иноязычные термины упрощают общение специалистов и составляют определенную и неотъемлемую часть не только номенклатуры, но и повседневной медицинской лексики, то многие современные заимствования успеху коммуникации способствуют далеко не всегда. Сейчас русская научная речь в сфере медицины засорена иноязычными словами. Хотя заимствования — явление типичное для языка медицины, злоупотребление ими в современных медицинских текстах нередко оказывается просто данью моде на англицизмы. Однако это уже вопрос культуры речи, а не собственно терминосистемы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, заимствования — неотъемлемая и даже обязательная часть языка медицины, поскольку для нее значима общая для всех языков номенклатура терминологических единиц. Это отличает язык медицины от других подязыков науки. Однако появление нового иноязычного термина в той или иной национальной терминосистеме не носит регулярного характера. И потому образование медицинских терминов подчиняется законам заимствующего языка. Но введение новой терминологической единицы в научный обиход осуществляется и с учетом экстралингвистических факторов, в тот или иной временной период влияющих на выбор терминов специалистами, включающими термин в национальную терминосистему.

При условии нацеленности термина на конкретного адресата целесообразно выделять медицинские термины и в узком, и в широком смысле слова. Об этом свидетельствует практика терминографии как раздела терминоведения, поскольку при решении конкретных языковых проблем в ходе разработки специальных словарей неизбежно встает и вопрос о подходе к термину как особому знаку. Тем самым вопрос этот требует дальнейшего уточнения.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильева Н. В. 1998 — Термин. *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*. Москва.
- Гринев С. В. 1993 — *Введение в терминоведение*. Москва.
- Кузьмин Н. П. 1970 — Нормативная и ненормативная специальная лексика. *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии*. Москва.
- Лейчик В. М. 1981 — Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии. *Термин и слово*. Горький.
- Скворцов Л. И. 1972 — Профессиональные языки, жаргоны и культура речи. *Русская речь*. Вып. 1.
- Словарь иностранных слов* 1983 — 10-е изд. Москва.

СЛОВАРИ

- Новый англо-русский словарь*. Москва, 1994.
- Eesti-vene sõnaraamat* 1–3 (A–P). Tallinn, 1997 – 2003.
- Краткая медицинская энциклопедия*. Т. 1–3, 2-е изд. Москва, 1989–1990.
- Ladina-eesti ja eesti-ladina meditsiinisõnastik*. Tartu, 2004.
- Meditsiinisõnastik*. 2., uuendatud trükk. Tallinn, 2004.
- Piiskoppel, L. *Inglise-eesti meditsiinisõnaraamat õdedele*. Tallinn, 2000.
- Разсте Э., Щаднева В., Вайгла Э., Карасева Н. *Русско-эстонский медицинский и медико-социальный словарь*. 1-е изд. Tartu–Paide, 2005; 2-е изд. Paide, 2007.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения*. 1-е изд. С.-Петербург, 1998; 2-е изд. С.-Петербург, 2000.

MEDITSIINI TERMINOLOOGIA: OMA JA VÕÕRAS

V. Štšadneva

Terminoloogia kujutab endast aktiivselt täiendavat teadusstiili sõnavarasüsteemi osa. Artiklis analüüsitakse võõrlaenu, mis on lahutamatu ja kohustuslik meditsiinikeele koostisosa. Meditsiini terminoloogia eripära ilmneb a) kõrvutamises sama keele teiste oskussõnade süsteemidega ja b) kõrvutamises meditsiinoskussõnade süsteemidega teistes keeltes.

Autor on olnud tervishoiu- ja sotsiaaltöö sõnastiku kaaskoostaja. Artiklis esitab ta oma tähelepanekuid, mis on kogunenud sõnastiku kahe trüki ettevalmistamise käigus. Võrreldes vene ja eesti oskussõnu ning arvestades nende ingliskeelseid vasteid, käsitletakse meditsiiniterminoloogia üldisi jooni erinevates keeltes. Pööratakse tähelepanu erinevustele, mis on olulised tõlkijale ja sõnaraamatute koostajale. Nenditakse, et kreeka- ja ladinakeelsete lekseemide ja oskussõnade koostisosade regulaarne kasutamine rahvuskeeltes toimub valikuliselt.

Näidete varal demonstreeritakse, et meditsiiniterminoloogias on levinud nii keeltevaheline, kui ka keelesisene sünonüümia. Sünonüümiridade kvalitatiivne ja kvantitatiivne koosseis oleneb praktilisest keelekasutusest. Samuti täheldatakse keeliti erinevusi ühisest aluskeelest moodustatud oskussõnade ühenduvuses ja nende moodustuspotentsiaalis. Märgitakse, et tänapäeva eesti ja vene keelele omane suund moodustada meditsiini termineid inglise keele baasil ilmneb erineval viisil.

Jõutakse järeldusele, et arvestades sihtrühma, on otstarbekas eristada meditsiini oskussõnu kitsamas ja laiemas tähenduses.

ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ Й. ЮНГМАННА: АВТОРСКИЙ ЗАМЫСЕЛ И ЕГО РЕАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

И. В. АБИСОГОМЯН

«Чешско-немецкий словарь» Йозефа Юнгманна [Jungmann 1835–1839] является одновременно истинно духовным и непосредственно материальным воплощением основной идеи чешского национального Возрождения (далее НВ) — идеи (вос)создания чешского языка как национального и полифункционального. Именно в этом словаре была собрана и на основе новой лингвистической (resp. лексикографической, словообразовательной, морфологической, в какой-то степени этимологической) теории обработана и представлена лексическая система чешского языка. При этом «попытку насильственно перекодировать определенные элементы языка можно в данном случае считать своего рода практической полемикой с (правда, гораздо более поздним) утверждением Соссюра о том, что в языке невозможна революция» [Гланц 2004: 231].

История создания, издания и подготовки к переизданию «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна наиболее полно на сегодняшний день представлена в предисловии Я. Петра к репринтному переизданию этого лексикографического труда [Petr 1989: 5–31], а также в [Slownjk.cz <2005–2008>]¹. В на-

¹ Ср. также один из важнейших первоисточников [Jungmann 1835: III–VIII], а также [Helcl 1959: 238–240; Petr 1981: 80–89; Tyl 1983:

стоящей статье, представляющей собой часть исследования, основной целью которого является реконструкция становления чешской лексикографии в эпоху НВ (особенно его начальной фазы, как наименее изученной¹), рассмотрен процесс формирования лексикографической концепции Й. Юнгманна, в которой лексикографические традиции и достижения предшествующих эпох и авторов были наиболее удачно синтезированы с новаторскими идеями самого Й. Юнгманна. Попытаемся установить, как формировались и чем были обусловлены лексикографические принципы Й. Юнгманна: каков был первоначальный замысел, какие изменения он претерпел и с чем эти корректировки были связаны. Необходимо определить, какое влияние оказали на эту работу Й. Юнгманна идеи национального и языкового возрождения, а также стремительное развитие науки. Особое значение имеет определение роли полемики в процессе создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна.

Как известно, любой проект изначально базируется на некоей идеальной установке автора, который при обдумывании замысла своего труда (в данном случае словаря) определяет: 1) почему возникла необходимость в создании словаря (то есть актуальность проекта), 2) какова целевая установка автора (прагматическая направленность), 3) каким образом будут решаться поставленные задачи (методика). И если первый пункт плана можно рассматривать как фундамент работы, который должен быть прочным и незыблемым, то в отношении второго и третьего пунктов уже в процессе осуществления проекта возможны корректировки, сопряженные с различными, в том числе и субъективными или «внешними», обстоятельствами, например: активное обсуждение проводимой работы, в ходе которого первоначальный план может измениться; требования издателя, связанные с форматом, сроками издания, финансированием и т. д. При этом одной из важнейших предпосылок

113–119; Červená a kol. 1982: 233–247; Šmilauer 1974: 43–56].

¹ См. об этом: [Абисогомян 2008: 322–355].

успеха этой поистине титанической работы является фактор личности автора, поскольку для осуществления подобного проекта необходимы как знания, творческий потенциал, организаторские способности, так и определенные качества характера исполнителя: прежде всего смелость, ответственность, упорство и трудолюбие. Всеми этими качествами и способностями Й. Юнгманн, безусловно, обладал.

РОЛЬ ПОЛЕМИКИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЕ Й. ЮНГМАННА

Нет особой нужды доказывать необходимость и актуальность предпринятого Й. Юнгманном начинания. Достаточно вспомнить, что все изданные уже в период НВ словари-предшественники лексикографического труда Й. Юнгманна¹ не смогли удовлетворить, прежде всего, ученых (являющихся также активнейшими деятелями НВ, создателями возрожденческой идеологии), поскольку эти словари не соответствовали их ожиданиям, хотя в целом и выполняли поставленные задачи по стимуляции и активизации практического изучения чешского языка. Кроме того, замеченные и в некоторых случаях активно обсуждаемые недочеты и ошибки в лексикографических изданиях начальной фазы НВ являлись, прежде всего, следствием отсутствия необходимой теоретической основы, которая на тот момент только начинала осмысляться и постулироваться. Таким образом, лексикографическая деятельность предшественников Й. Юнгманна имела в целом практическую направленность и оказалась либо стартом для его труда (эту функцию, как известно, выполнял «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы 1791 г.), либо наглядным пособием по формированию и апробации лексикографических приемов (это, прежде всего, «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского и другие его работы, направленные на созда-

¹ Например: [Tham 1788, Tomsa 1789, Tham 1799, Dobrowsky 1802–1821, Tham, <Tomsa> 1805–1807, Palkowitsch 1820–1821]. Подробнее см.: [Абисогомян 2006: 242–251].

ние лексикографической концепции, а также полемика между Й. Добровским и К. И. Тамом¹).

В данной связи необходимо учитывать тот факт, что история создания словарей-предшественников главного лексикографического труда эпохи НВ, то есть процесс становления чешской возрожденческой лексикографии и его активное обсуждение, не могли не заинтересовать Й. Юнгманна и несомненно повлияли на его работу над словарем по двум причинам.

С одной стороны, дорога Й. Юнгманна в науку начиналась в период издания и обсуждения первых лексикографических трудов периода НВ. Так, в 1788 г., в год выхода первого «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1788], Й. Юнгманн закончил школу в Бероуне, в 90-х гг. XVIII в. он учился в Праге в гимназии, а затем и в университете. А с 1799 г., в период нашумевшего выхода второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама [Tham 1799], Й. Юнгманн начинает работать учителем в гимназии в Литомержицах и «собирать чешские слова <для будущего словаря. — И. А.>»² [Šmilauer 1974: 43]. Именно с этого момента берет начало история создания словаря Й. Юнгманна [см. также: Jungmann 1835: IV]. По нашему мнению, острейшие диспуты по поводу словаря чешской лексики³ не могли не повлиять на обдуманное, по всей видимости, еще в студенческие годы решение Й. Юнгманна сначала принять участие в подготовительной работе по созданию нового словаря и в разработке необходимой лексикографической (а также лексикологической и словообразовательной) теории, а затем и возглавить данный проект. Причем, если взять за основу рассуждения Й. Добровского о словаре чешской лексики, а также отстаивание, в частности, его словообразовательной теории, включая и дискуссии с

¹ О разногласиях, возникших между Й. Добровским и К. И. Тамом, см.: [Flajšhans 1896: 3–21; Абисогомян 2008: 322–355].

² Переводы цитат выполнены автором статьи.

³ Имеется в виду обсуждение второго издания «Немецко-чешского словаря» К. И. Тама.

К. И. Тамом, то стимулом для Й. Юнгманна являлись, на наш взгляд, не только вера в свои силы, опирающаяся на знания, талант, а также на безупречное владение чешским языком, но и стремление показать словообразовательные и стилистические возможности чешского языка и доказать его полифункциональную состоятельность, подняв чешский язык до ранга национального языка, в том числе и с помощью задуманного Й. Юнгманном словаря. Последняя задача даже не обсуждалась при написании первых возрожденческих словарей.

В этой связи необходимо учитывать идеологический фон всех происходивших событий и смену лингвистических приоритетов для второго поколения чешских будителей¹, поскольку демонстрация — в данном случае в виде словаря — богатого чешского языкового наследия и одновременно многочисленных словообразовательных и стилистических возможностей чешского языка не только возвышала статус родного языка, как основного атрибута возрожденческого движения, до уровня развитых европейских языков, но и вселяла веру в его успешное дальнейшее развитие и функционирование. Данное обстоятельство, на наш взгляд, во многом обусловило положительное и даже восторженное отношение к словарю Й. Юнгманна, который воспринимался, по всей видимости, уже не столько как проект, связанный с языковым «возрождением», сколько как свершившийся факт. Это объясняет и одобрение включения в словарь так называемых потенциальных слов, то есть лексем сконструированных, а не зафиксированных в литературе или в устном употреблении, что, по сути, является грубейшим нарушением лексикографической практики. Хорошо знал об этом и Й. Юнгманн, в том числе из полемики Й. Добровского с К. И. Тамом. Однако то, что в самом

¹ В частности, во второй период «центр внимания к языку как носителю символических функций сместился в сторону живого, который представлялся важнейшим аргументом для жизнеспособности возрождающейся нации, источником познания собственной идентичности и источником будущего ее развития <...>» [Gladkova 2001: 341].

конце XVIII в. нередко воспринималось как ошибка (кстати, зачастую именно таковой и являясь), в 30-е гг. XIX в. стало рассматриваться даже не как потенциальная, а как реальная возможность для актуализации той или иной сконструированной лексемы. Принципиальное различие между словарями первой фазы НВ и словарем Й. Юнгманна в данном случае заключается в том, что Й. Юнгманн, обладая тонким языковым чутьем, старался в словотворческой деятельности строго следовать языковым законам, сформулированным в первую очередь Й. Добровским. При этом необходимо подчеркнуть, что во многом это стало возможным благодаря первым словарям эпохи НВ, обсуждение которых было адекватно воспринято и в дальнейшем творчески использовано Й. Юнгманном; осмыслены были как их недостатки, так и многие позитивные новаторские тенденции¹, нашедшие свое более грамотное воплощение именно в работе Й. Юнгманна.

С другой стороны, Й. Юнгманн, работая над своим словарем, также принимал активное участие в рассмотрении и обсуждении многих лексикографических работ. Показательна в данном случае как история взаимоотношений Й. Юнгманна с Й. Палковичем², так и, прежде всего, углубленное изучение Й. Юнгманном «Словаря польского языка» С. Б. Линде³. При чем выбор словаря С. Б. Линде в качестве главного образца и одного из важнейших источников по сбору лексики Й. Юнгманну приходилось отстаивать в спорах со многими представителями чешского языкознания того времени⁴. У Й. Юнгман-

¹ Ср., например, описание постановки лексикографических задач и способов их решения в предисловиях к словарям К. И. Тама [Tham 1805a: V–LXII; Tham 1805b: <LXV–LXIX>], см. также: [Абисогомян 2008: 327–330].

² Лексикографическая работа этих двух языковедов шла фактически параллельно и даже могла вылиться в совместный проект, однако этого не произошло. См. об этом, в частности, [Paul 1946–1948: 234–253].

³ S. B. Linde. *Słownik języka polskiego*. I–VI. Warszawa, 1807–1814.

⁴ Об этом см., например: [Szyjkowski 1931; Szyjkowski 1935; Orłoś 1967 и др.].

на неоднократно возникала необходимость защищать свою точку зрения, что иногда приводило даже к потере поддержки и помощи со стороны коллег при работе над словарем (можно вспомнить в данной связи о разногласиях, возникших между Й. Юнгманном и А. Пухмайером и не позволивших им продолжить сотрудничество¹). В данном случае, по нашему мнению, Й. Юнгманн в результате «вышел победителем», помимо всех объективных причин, еще и в силу того, что продуктивно рассматривал полемическую сторону ведущейся работы, используя научные диспуты как возможность апробировать свой подход к созданию словаря и представить, например, проводимые им и его командой словообразовательные эксперименты непосредственно в процессе написания словаря. Обсуждение лексикографической работы Й. Юнгманна давало автору необходимый импульс для совершенствования своего труда и стимулировало к дальнейшей работе.

ВЛИЯНИЕ ИДЕОЛОГИИ ЧЕШСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ НА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКУЮ КОНЦЕПЦИЮ Й. ЮНГМАННА

Активно занимаясь изучением и пропагандой родного языка и культуры, участвуя тем самым в возрожденческом движении, Й. Юнгманн в духе идей НВ решает поставить перед собой новую, более «дерзкую» задачу — создать словарь-мечту (фактически то, что когда-то могло получиться у Я. А. Коменского) и одновременно руководство к действию, то есть своеобразный тезаурус чешского языка, где каждый мог бы найти то, что искал: любой желающий получил бы уникальную возможность изучать чешский язык и культуру с помощью такого словаря, ученые могли бы, например, черпать знания об истории чешской лексики или принять участие в обсуждении новых слов, представленных в данном словаре, а также тенденций дальнейшей эволюции чешского языка; а чешское общество в целом получило бы доказательство долгой и

¹ Подробнее см., например: [Szyjkowski 1931: 151–154; Orłós 1967: 13].

интересной истории и демонстрацию возможного прекрасного будущего чешского языка (а значит, согласно главной идеологической доктрине НВ, и всего этноса и государства). В результате это могло привести к реальному изменению существующей языковой ситуации, к возвращению чешскому языку утраченных и к обретению новых функций.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Й. ЮНГМАННА

Для оптимального решения поставленной задачи Й. Юнгманн целеустремленно включился в процесс постоянного поиска новых идей, теорий, новых источников для пополнения словарных материалов и т. д. и предпринял, а точнее предпринимал в течение всех долгих лет работы над словарем (в том числе и уже после его издания¹) следующее:

1) Й. Юнгманн изучил предшествующую лексикографическую традицию и определился в данной связи с основными национальными ориентирами и источниками — Д. А. Велеславин, Я. А. Коменский, В. Я. Роса, Й. Добровский, — с опорой на европейскую (в том числе и даже в первую очередь славянскую) лексикографическую теорию и практику: словари немецкого языка Й. Х. Аделунга и И. Г. Кампе, словарь английского языка С. Джонсона, академический словарь русского языка и, конечно, главный образец для «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна — «Словарь польского языка» С. Б. Линде².

¹ Стоит заметить, что Й. Юнгманн никогда не останавливался на достигнутом и был чрезвычайно самокритичен, подтверждением чему может служить то обстоятельство, что работу над своим словарем, над его корректурой и дополнениями Й. Юнгманн продолжал вести и в период издания словаря, и в дальнейшие годы. См. об этом: [Červená a kol. 1982: 233–247; Petr 1981: 83; Petr 1989: 26–28].

² Все указанные авторы и их лексикографические труды упоминаются в той или иной связи и в предисловии к словарю [Jungmann 1835: III–VIII].

2) Й. Юнгманн следил за развитием лингвистической теории в целом и творчески, нередко критически ее осмыслил, развил и применил в своей лексикографической и особенно словотворческой деятельности. В качестве примера обратимся к вопросу о формировании лексического состава чешского языка в эпоху НВ, прежде всего о создании словообразовательной теории и применении ее на практике¹. Способы формирования чешской лексической системы и ее отражения в словаре в период НВ разрабатывались в нескольких взаимосвязанных, хотя нередко и противопоставляемых, направлениях. В данной связи обычно противопоставляют точки зрения Й. Добровского и Й. Юнгманна [см., например: Jedlička 1953: 175; Havránek 1963: 198–199, Šmilauer 1974: 45]. Однако в предлагаемых лидерами чешских будителей решениях этого вопроса, на наш взгляд, гораздо больше общего и взаимодополняющего.

Прежде всего следует подчеркнуть, что Й. Юнгманн и его соратники не только высоко оценили грамматические труды Й. Добровского, но и во многом следовали языковой теории, им разработанной [об этом см., например: Jedlička 1974a: 33; Křístek 1974: 23, 25; Широкова, Нешименко 1978: 37; Petr 1989: 7–8, 22]. Основным принципом Й. Добровского в вопросе формирования лексического состава и его отражения в словаре и грамматике являлось знание языковых законов и невмешательство в естественный ход языкового развития [Havránek 1979: 89; Jedlička 1948: 10]. Это касалось, прежде всего, способов пополнения лексического состава чешского языка. Задача лексикографов, по мнению Й. Добровского, заключается в том, чтобы собрать и определенным образом упорядочить лексический материал. Й. Добровский, по сути, отказывал составителю словаря в праве конструировать новые лексемы [Havránek 1979: 89; Jedlička 1953: 175; Широкова, Нешименко 1978: 24]. Й. Юнгманн, напротив, проводил активную деятельность по созданию новых слов, причем объяснял это, в частности, необходимостью формирования научной

¹ См. также: [Абисогомян 2003: 270–275].

терминологии и образных средств для обогащения языка художественной литературы (в основном он предлагал вводить синонимы) [Jedlička 1948: 15; Jedlička 1974a: 34; Křístek 1974: 25–26; Šmilauer 1974: 52; Petr 1989: 10].

Однако, как нам кажется, непримиримого разногласия не наблюдалось. Как известно, Й. Добровский нередко весьма резко выступал против нововведений, особенно в области лексики. Хотя нельзя утверждать, что ученый отвергал абсолютно все лексические неологизмы. Он не принимал те новации, которые, по его мнению, были чуждыми языковой системе, создавались без учета правил чешского словообразования [Jedlička 1953: 172]. Й. Добровский также не считал, что чешский язык, по крайней мере в ближайшей перспективе, сможет стать полифункциональным коммуникативным средством. В этой связи он не соглашался с другими авторами, в том числе и Й. Юнгманном, которые нередко предлагали по несколько формальных вариантов для обозначения одного и того же понятия, полагаясь на то, что со временем язык либо примет эти нововведения, например, в качестве синонимов, либо выберет один из предлагаемых вариантов [см., например: Широкова, Нещименко 1978: 73]. Й. Добровский более требователен: есть определенные правила словообразования, поэтому варьирование форм должно быть исключено, а кроме того, далеко не всегда новое становится лучше уже имеющегося в языке.

Воззрения Й. Юнгманна на способы обогащения словарного состава чешского языка, как уже отмечалось, восходили к работам Й. Добровского [Dobrowsky 1791b: 11–32; Dobrowsky 1799; Dobrowsky 1809 и др.]. При этом Й. Юнгманн считал необходимым учитывать функциональную дифференциацию чешского языка. Чешский язык, по его мнению, должен стать совершенным инструментом для создания научных и художественных текстов [Jungmann 1845: 29; Jedlička 1974b: 149–150]. Вслед за Й. Добровским Й. Юнгманн определял лексический уровень языка как внутренне взаимосвязанную систему и считал, что при решении вопроса о ее обогащении или замене ее компонентов необходимо знать и учитывать законы суще-

ствования этой системы [Křístek 1974: 26]. Из этого принципа вытекал постулат, в справедливости которого не сомневались ни Й. Добровский, ни впоследствии Й. Юнгманн: неорганичные для чешской языковой системы неологизмы никогда не смогут стать частью этой системы, поскольку не будут приняты коллективным узусом. В частности, Й. Юнгманн пересмотрел свое поначалу явно пуристическое отношение ко многим интернациональным терминам, признав со временем их право на вхождение в чешскую лексическую систему и существование в ней [Havránek 1974: 199; Křístek 1974: 26].

Основное различие между позициями Й. Добровского и Й. Юнгманна, на наш взгляд, заключается в их индивидуальных научных пристрастиях и разном отношении к дальнейшей эволюции чешского языка. Й. Добровский — прежде всего теоретик. Он создал лингвистическую теорию, исходя из предыдущей традиции и закономерностей языкового развития. Й. Юнгманн, занимаясь созданием текстов на чешском языке (переводы, научные трактаты), остро ощущал нехватку адекватных лексических средств. Й. Добровский скептически относился к расширению функциональных возможностей чешского языка. В частности, он отвергал возможность создания научных текстов и произведений художественной литературы на чешском языке, которые в языковом отношении можно было бы поставить в один ряд с подобными текстами на латинском, немецком и других более развитых языках. Й. Юнгманн, исходя из собственной переводческой и научной, в том числе и лексикографической, деятельности, верил в разностороннее развитие родного языка и очень много сделал для этого (впрочем, как и Й. Добровский) [Jedlička 1948: 11; Křístek 1974: 27; Petr 1989: 5–7]. Й. Юнгманн, «решая сложную проблему восполнения лексического дефицита, призывал к активизации внутренних резервов языка, в частности, его словотворческих возможностей. Избранный Й. Юнгманном путь был новаторским, а поэтому и наиболее сложным, зачастую ему приходилось создавать традицию употребления литературного чешского языка в тех коммуникативных сферах, в которых он ранее никогда не использовался» [Широкова, Нешименко

1978: 62]. Й. Юнгманн острее ощущал динамику языкового развития. Й. Добровский был более консервативен.

При этом оба ученых полагали, что основой для (вос)создания чешского языка нового времени является язык XVI в. — эпохи Гуманизма, «золотого века» в истории чешского языка. Обоим в той или иной степени было свойственно пуристическое отношение к немецкому влиянию на чешский язык (чаще всего это выражалось в отказе от немецких заимствований, их замене славянскими эквивалентами). Оба были высокообразованными людьми, прекрасно знающими историю чешского языка и литературы, владеющими другими, в том числе и славянскими языками. Оба были людьми с научным складом ума и тонким языковым чутьем. Они дополняли друг друга, что позволило Й. Добровскому стать кодификатором грамматики чешского языка, а Й. Юнгманну — составить словарь чешского языка, который на долгие десятилетия стал основным источником информации о чешской лексической системе, ср. также [Havránek 1974: 202–203].

3) Й. Юнгманн определил круг основных источников для эксцерпции языкового материала¹, который, однако, не был замкнутым, и собрал команду помощников, которая также претерпевала изменения, связанные как с различными жизненными обстоятельствами отдельных людей (у кого-то, как, кстати, и у самого Й. Юнгманна, много времени отнимала основная работа², с

¹ Подробнее об основных авторах и источниках, из которых производились извлечения для словаря Й. Юнгманна, см., в частности: [Petr 1989: 17–19].

² С 1799 по 1815 гг. Й. Юнгманн работал в гимназии в Литомержицах, а с 1815 г. занимал должность профессора пражской Академической гимназии. Помимо этого в 1817–1819 гг. Й. Юнгманн готовил к печати первое издание своей знаменитой «Словесности» [Jungmann 1820], с 1823 по 1825 гг. также возник творческий перерыв, связанный с подготовкой не менее значимой «Истории чешской литературы» [Jungmann 1825]. Неудивительно, что такая загруженность работой отразилась на здоровье Й. Юнгманна, в частности, в 1824 г. его хватил паралич. Но самым страшным

кем-то возникали разногласия, кто-то переезжал; кроме того, люди, к сожалению, болеют и умирают), так и с тем, что Й. Юнгманн не прекращал поиски и был открыт для диалога и сотрудничества с различными собирателями чешской лексики и с помощниками в кропотливой работе по выписке, обработке и упорядочению словарного материала.

До того момента, как с 1800 г. [Jungmann 1835: IV] Й. Юнгманн начал непосредственно дополнять «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] словарным материалом, полученным от Ф. М. Пельцля [Jungmann 1835: IV; Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku], он уже начал реализовывать огромную подготовительную работу, которая заключалась, с одной стороны, в постановке основных задач издания и постепенном формировании лексикографических приемов, а с другой стороны, в собирании базового материала для эксцерпции языковых единиц, а также создании команды помощников, среди которых, по первоначальному замыслу Й. Юнгманна, должен был оказаться и главный автор или авторы будущего словаря.

Й. Юнгманн, как в свое время и Й. Добровский, полагал, что основную редакторскую и организаторскую работу по подготовке словаря возьмет на себя кто-то другой. Тем более что многие, в том числе и Ф. Ф. Прохазка, В. М. Крамериус, Ф. М. Пельцль и другие, в то время занимались сбором материала для нового словаря чешской лексики и обдумывали его написание [см., например: Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Поэтому вначале предполагалось, что основную нагрузку по подготовке словаря возьмет на себя Прохазка, имевший как издатель, а значит и знаток древнечешских текстов хорошие предпосылки для успешного воплощения идеи

ударом для Й. Юнгманна стала смерть его любимого сына на рождение 1833 г., по воле случая совпавшая с окончанием работы над рукописью словаря [см., например: Šmilauer 1974: 44–45]. Необходимо отдать дань мужеству и целеустремленности Й. Юнгманна, который с поразительным упорством продолжал работу, преодолевая все трудности и препятствия.

создания нового словаря чешского языка. К сожалению, в 1809 г. он скоропостижно скончался, и Й. Юнгманн смог лишь воспользоваться собранием лексики Прохазки [Jungmann 1835: IV; Šmilauer 1974: 44; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Другим претендентом на звание главного лексикографа эпохи НВ был Й. Палкович, отказавшийся от сотрудничества с Й. Юнгманном и издавший свой словарь [Palkowitsch 1820–1821]. Однако, как известно, этот труд в целом не смог ответить требованиям Й. Юнгманна и его единомышленников [Jungmann 1835: V; Šmilauer 1974: 44]. Также неосуществленной осталась попытка совместной работы над словарем Пухмайера с Й. Юнгманном [Šmilauer 1974: 44]. В 1812 г. Й. Юнгманн пришел к окончательному решению не откладывать более реализацию данного проекта и «приступил к подготовке собственного словаря» [Petr 1989: 10], взяв тем самым весь груз ответственности на себя. Среди главных сотрудников необходимо назвать его друга А. Марека, из переписки с которым во многом удалось восстановить историю работы Й. Юнгманна над словарем¹; более того, только ему Й. Юнгманн, видимо, всецело доверял, поскольку в случае возможных печальных обстоятельств продолжить работу над словарем он поручал именно Мареку, о чем писал ему в 1818 г.: «Если я умру раньше Вас, на Вас придется издание этой невероятной работы» [цит. по: Šmilauer 1974: 44]. Большой вклад в работу по подготовке к изданию «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна внесли также Я. Б. Малый, Й. Ф. Шумавский, П. Й. Шафарик, который, в частности, провел одну из корректур всей рукописи словаря [Paul 1937: 46–54; Petr 1989: 10], а также В. Ганка [Flajšhans 1921: 225–229; Petr 1989: 17] и многие другие [см.: Jungmann 1835: III–VIII].

Несомненно, особого упоминания в данной связи заслуживает Й. Добровский, оказавший огромное и всестороннее влияние на процесс создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна. Именно Й. Добровского можно назвать одним из главных «патронов» и помощников, снабжавших Й. Юнг-

¹ См., в частности: [Szykowski 1931; Szykowski 1935].

манна необходимыми собраниями чешской лексики, познакомившего Й. Юнгманна со многими, кто мог помочь и впоследствии действительно помогал ему в работе над словарем. В предисловии к словарю Й. Юнгманн довольно подробно описал, как начиналась его работа по созданию словаря, каким образом и от кого поступали к нему различные собрания чешской лексики [Jungmann 1835: IV–VI]. В частности, в распоряжении Й. Юнгманна находилось несколько вариантов выписок из собраний, которыми располагал Й. Добровский, в том числе и переданных Й. Юнгманну самим Й. Добровским (например, собрания Я. Михайловского, А. Пишелы, А. Пухмайера, Й. В. Злобичского, Я. Забранского, Ю. Рибай и многих других [Jungmann 1835: IV]; см. также [Petr 1989: 12]), а также выписки из первого тома «Немецко-чешского словаря» Й. Добровского, выполненные Марекком, и рукописные приписки Й. Добровского в словаре Ф. Я. Томсы [Petr 1989: 12]. Й. Юнгманн неоднократно подчеркивал, что особую значимость для его работы имел «Немецко-чешский словарь» Й. Добровского, причем не только в качестве источника лексики, но и как один из важнейших образцов [Jungmann 1835: IV–V]. Также, например, известно, что при посредничестве Й. Добровского Й. Юнгманну удалось в 1813 г. приобрести копию рукописного словаря Росы [Petr 1989: 12] и выйти на прямой контакт с С. Б. Линде, а позже и приобрести его «Словарь польского языка».

При этом Й. Добровского нельзя назвать абсолютным единомышленником Й. Юнгманна. Однако именно их диалог, по нашему мнению, оказал наиболее продуктивное воздействие на процесс создания «Чешско-немецкого словаря» Й. Юнгманна¹.

4) Й. Юнгманн обозначил основных пользователей будущего словаря, тем самым предложив возможное постепенное решение задачи по расширению функционального спектра чешского языка и созданию лексических средств различных

¹ См. в данной связи также пп. 2 и 5.

стилей. По словам Й. Юнгманна, его словарь предназначался читателям, писателям, ученым, проповедникам и «всем, кто по-чешски писать или читать и старые, и новые сочинения хотя́т» [Jungmann 1835: VII]. Как убедительно показали авторы статьи, где представлен сопоставительный анализ текстов извещений о выходе словаря Й. Юнгманна и предисловия к этому словарю, написанных самим Й. Юнгманном, выбор именно указанных представителей чешской общественности в качестве основных адресатов был предопределен одной из основных идей данного проекта, так как именно эти деятели являлись движущей силой чешского НВ и именно они могли реально повлиять на изменение существующей языковой ситуации в сторону активизации использования чешского языка в разных сферах; кроме того, словарь был призван помочь в решении задачи стилистической дифференциации чешского языка: «писатели олицетворяли продукцию “поэтическую”, проповедники — “ораторскую” и чиновники — “прозаическую, обиходно-разговорную”» [Červená a kol. 1982: 238–239], а значит улучшить его «качество»¹ и повысить статус.

5) Й. Юнгманн разрабатывал методику сбора, обработки и документации словарного материала, определил способ представления лексики в словаре и построения словарной статьи. Это относилось к числу наиболее сложных задач, требовало серьезной и обоснованной теоретической подготовки, в том числе и разработки методики их выполнения. При этом решение данных задач претерпело существенные изменения по сравнению с первоначальным замыслом. Именно в данном случае есть возможность наглядно проследить, как Й. Юнгманн формировал весь комплекс лексикографических приемов при работе над своим словарем. К примеру, первоначаль-

¹ В данном случае предлагалось реальное решение задачи по выводу чешского языка из состояния затяжного кризиса («упадка», по словам Й. Добровского [Dobrovský 1955: 113]), который, согласно мнению будителей, угрожал самому существованию чешского языка.

чально Й. Юнгманн использовал прием внесения дополнений и исправлений в выбранный им в качестве основы «Чешско-немецко-латинский словарь» Ф. Я. Томсы [Tomsa 1791] и чуть позже во второе издание этого словаря [Tham, <Tomsa> 1805–1807], о чем есть упоминание и в предисловии к словарю Й. Юнгманна [Jungmann 1835: IV; см. также: Tyl 1983: 113–119; Šmilauer 1974: 47; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku]. Здесь же Й. Юнгманн признал несостоятельность данного метода, применение которого лишь значительно увеличило временные рамки данной работы, но не привело к достижению необходимого результата из-за возникновения бесконечных неудобств, связанных с постоянным увеличением числа новых записей, исправлений и приписок, вносимых в словарь-основу [Jungman 1835: V]. Поэтому в 1812 г. Й. Юнгманном было принято, по всей видимости, сложно давшееся, но единственно верное решение переделать эту часть работы, переписав весь словарный материал на отдельные листы по принципу: один лист — одна словарная статья [Šmilauer 1974: 47; Tyl 1983: 118; Petr 1989: 10; Slownjk.cz <2005–2008>: Historie vzniku].

Главным недостатком лексикографического труда Й. Юнгманна являются, на наш взгляд библиографические неточности, а также приведенный в словаре далеко не полный список источников, из которых черпался словарный материал¹. Именно в этом случае не удалось в полной мере воплотить первоначальный замысел: точно задокументировать все лексические единицы чешского языка с указанием имени автора, названия произведения, издания и страниц, либо места фиксации употребления (например, в случае с диалектной лексикой). Причины такого положения дел были связаны прежде всего с тем, что Й. Юнгманну приходилось работать с различными собраниями чешской лексики, авторы которых не придерживались одинаковых требований к документации языковых единиц, то есть выработанной и принятой всеми методики сбора и обработки лексического материала. Об этом Й. Юнгманн пишет в

¹ См. об этом, например: [Šmilauer 1974: 50–51].

предисловии к своему словарю, где отмечает, например, что в собрании Михаловского приводятся лишь имена писателей, в произведениях которых встретилась та или иная лексема; но при этом информации о конкретных книгах и страницах, где было обнаружено слово, нет [Jungmann 1835: IV]. В связи с материалами Й. Добровского также возникала трудность расшифровки источников, природа которой, однако, была несколько иной. Именно Й. Добровский впервые выдвинул тезис об обязательной работе лексикографа с первоисточником и непременно указании на источник эксцерпции¹. Однако сам Й. Добровский, занимаясь работой по сбору лексического материала, последним пунктом пренебрегал, а вернее «экономил время». Хорошо известно, что Й. Добровский обладал феноменальной памятью, именно поэтому он мог ограничиться лишь запоминанием в данном случае источника со всеми необходимыми выходными данными, или, как отмечал Й. Юнгманн, «полагаясь на свою необычайную память», в большинстве случаев обозначать либо только имя автора, либо время, в которое появилось или было зафиксировано то или иное слово [Jungmann 1835: IV]. Данные обстоятельства наглядно демонстрируют одномоментность разработки лексикографической теории и непосредственной работы над созданием словаря. И Й. Добровский, и позже Й. Юнгманн (как, впрочем, и другие авторы) первоначально собирали лексику чешского языка, так сказать, «для себя», а также, по всей видимости, не рассматривали свою лексикографическую работу как коллективный труд (по крайней мере, на стадии сбора материала). Понимание того, что работа над словарем (в данном случае сбор материала) должна быть подчинена разработанному и установленному плану, а также общепринятой для всех участников проекта методике, пришло уже в ходе работы, что и привело к упомянутым сложностям и, в конечном счете, к библиографическим неточностям в «Чешско-немецком словаре» Й. Юнгманна.

¹ См., например: [Flajšhans 1895: 97–99, 113].

Серьезных размышлений потребовала и организация словаря. Бурная дискуссия велась как по поводу способа представления лексики в словаре (алфавитный или гнездовой, одноязычный или двуязычный), так и в связи с объемом словника и способами его наполнения (включение производных, соответствий из других славянских языков, неологизмов и т. д.), а также относительно различных нюансов построения словарной статьи (грамматические показатели, пометы, примеры употребления, ссылки на источники). Остановимся на двух моментах, демонстрирующих как способность автора принимать «непопулярные» решения вопреки мнению его оппонентов по научной дискуссии о словаре, так и готовность Й. Юнгманна идти на разумные и необходимые компромиссы.

1) Как уже отмечалось выше, в ходе работы над словарем Й. Юнгманн находился в постоянном контакте с Й. Добровским. Известно, что Й. Добровский был впечатлен замыслом Й. Юнгманна и с самого начала работы над словарем поддерживал его как советами, так и непосредственным лексическим материалом для словаря [Šmilauer 1974: 43; Petr 1989: 12], что можно объяснить лишь тем, что изначальная лексикографическая концепция Й. Юнгманна соответствовала представлениям Й. Добровского о словаре чешского языка. В дальнейшем, однако, Й. Добровский в свойственной ему манере весьма критически отозвался о рукописи первой части словаря Й. Юнгманна, в 1812 г. отосланной ему на экспертизу автором. Недовольство Й. Добровского вызвали алфавитный способ представления лексики в словаре и включение в словарь сконструированных лексем, прежде всего терминов¹ [Petr 1989: 12]. Хотя, например, в предисловии к словарю Ф. Я. Томсы Й. Добровский поддержал алфавитный способ представления лексики в словаре, поскольку справедливо полагал, что этот способ наиболее приемлем для широкого круга читателей словаря, основной задачей которых является изучение с помощью этого словаря чешского языка [Dobrowsky 1791a: 8]. Более того, алфавитный способ применил и сам Й. Добровский в своем

¹ См. в этой связи также пункт 2 данного перечня.

«Немецко-чешском словаре» [Dobrowsky 1802–1821]. Непосредственно наблюдая за работой Й. Югманна, Й. Добровский пришел к заключению, что именно этот автор способен создать словарь, который мог бы стать основополагающей базой для научного изучения чешского языка, и в этом случае более подходящим был бы именно гнездовой способ. Поэтому, видимо, Й. Добровского так «разочаровало» окончательное решение Й. Югманна в пользу алфавитного представления лексики. Й. Юнгманн принимал и разделял данную позицию Й. Добровского, о чем свидетельствует и его, к сожалению, не осуществленное решение издать в дальнейшем гнездовую версию словаря [Jungmann 1835: VI; см. также: Šmilauer 1974: 46; Petr 1981: 81; Červená a kol. 1982: 240–241; Petr 1989: 13]. Также стоит упоминания тот факт, что, приняв за основу алфавитный вариант, ко многим заглавным словам Й. Юнгманн приводил и дериваты, частично, таким образом, реализуя гнездовой принцип построения словарной статьи.

2) Существенные изменения в словаре Й. Юнгманна претерпела система помет. Изначально автор планировал применить в своей лексикографической работе подробную систему помет, разработанную и примененную в словаре немецкого языка Кампе¹ [Jungmann 1835: VII; Šmilauer 1974: 47; Petr 1989: 10]. В принадлежавшем Й. Юнгманну издании «Чешско-немецкого словаря» К. И. Тама и Ф. Я. Томсы [Tham, <Tomsa> 1805–1807], в который Й. Юнгманн вносил исправления и дополнения, был обнаружен вставленный лист со списком, состоящим из 12 пунктов для обозначения различных стилистических особенностей того или иного слова, а также ряд иных классификационных параметров, которые автор будущего «Чешско-немецкого словаря» рассчитывал в нем применить [Tyl 1983: 116]. Й. Юнгманн предполагал классифицировать чешскую лексику с позиций ее стилистической дифференциации, времени появления в языке, обозначения ее локализации и «языковой правильности» [Petr 1989: 16]. Очевидно, что

¹ J. H. Campe. *Wörterbuch der deutschen Sprache*. Bd. 1–5. Braunschweig, 1807–1812.

распределение лексем по стилям и особенно констатация их «правильности / неправильности» могли соответствовать на момент создания словаря лишь стилистической теории самого Й. Юнгманна и в большей степени его языковому чутью. При этом данные слова и многие пометы к ним не авторитарно устанавливались, а предлагались автором словаря для обсуждения и возможной дальнейшей кодификации, или, например, определения стилистической ограниченности употребления.

В ходе обсуждения предложенного Й. Юнгманном списка помет выяснилось, что «множество обозначений не понравилось некоторым современным писателям», поэтому, пойдя в данном случае на компромисс, в окончательной версии словаря Й. Юнгманн сохранил лишь две пометы: «для обозначения устаревших и нехороших, либо подозрительных слов» [Jungmann 1835: VII]. Особо выделяются, таким образом, неактуальные на первый взгляд лексемы, а преследуются при этом две цели. В случае с устаревшей лексикой к рассмотрению предлагается возможность их актуализации, то есть возвращения к функционированию. Пометы для неудачных, с точки зрения Й. Юнгманна, неологизмов призваны помочь пользователю словаря при их распознавании в новых текстах на чешском языке [Jungmann 1835: VIII] и привести в дальнейшем к отказу от их употребления. Также в словаре сохранились обозначения для диалектной лексики и заимствований.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением о том, что «Чешско-немецкий словарь» Й. Юнгманна является прежде всего информативным [см., например: Kamiš 1974: 68; Šmilauer 1974: 53; Petr 1989: 14–15], что предопределяет, с одной стороны, влияние фактора оценки лексического материала с той или иной позиции (поскольку информация всегда оценочна); а с другой стороны, позволяет, получив ту или иную информацию о слове, сделать свои выводы по поводу его «правильности» и функциональных возможностей. Как отмечает В. Шмилауэр, «Юнгманн был противником строгой нормализации; предлагал <для словаря. — И. А.> все, что обнаружил, и верил, что из этого сохранится и установится лишь то, что будет самым лучшим» [Šmilauer 1974: 53]. Таким обра-

зом, Й. Юнгманн вновь занимал позицию, открытую для активного обсуждения, доработки и дополнения его лексикографического труда.

Наиболее обсуждаемыми, таким образом, являлись задачи № 2 и № 5. Именно здесь возникали острые дискуссии, для которых Й. Юнгманн, как уже неоднократно подчеркивалось, был всегда открыт, поскольку именно в динамике, в развитии, в постоянном поиске Й. Юнгманн нашел ответ на главный вопрос — каким должен быть его словарь. Он совершенно осознанно отождествил свой труд (и соответственно сам чешский язык) с живым организмом¹, для которого постоянные изменения — суть жизни: «... живой язык, каким, слава богу, до сих пор чешский и является, не останется навсегда в одном состоянии, а, подобно всему живому, постоянно будет меняться» [Jungmann 1835: III]. Необходимо лишь знать и соблюдать закономерности этих изменений и не бояться возможности оказать на них необходимое и теоретически обоснованное влияние, что, как показало время, Й. Юнгманну удалось удачно осуществить.

ЛИТЕРАТУРА

- Абисогомян И. 2003 — К вопросу о теории и практике формирования лексического состава чешского языка в эпоху национального Возрождения. Часть I. Теоретические предпосылки. *Valoda-2003: Valoda dažādu kultūru kontekstā. Zinātnisko rakstu krājums XIII*. Daugavpils. С. 270–275.
- Абисогомян И. 2006 — К вопросу об истории чешской лексикографии эпохи национального Возрождения: опыт хронологии. *Мукрорязыки. Языки. Интерязыки. In honorem professori Alexandro D. Dulicenko*. Tartu. С. 242–251.
- Абисогомян И. 2008 — Значение первых словарей эпохи чешского национального Возрождения и роль их авторов в процессе становления чешской лексикографии. *Славянское языкознание: по-*

¹ Безусловно, здесь необходимо отметить известное влияние стремительно развивающегося в то время естествознания на другие научные отрасли, в данном случае на языкознание.

- кидая XX век... К XIV международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). *Slavica Tartuensia VIII*. Tartu. С. 322–355.
- Гланц Т. 2004 — Чешская версия языкового строительства: Национальное возрождение и его остаточные идеологемы. *Новое литературное обозрение*, № 68. Москва. С. 231–241.
- Широкова А. Г., Нешименко Г. П. 1978 — Становление литературного языка чешской нации. *Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков*. Москва. С. 9–85.
- Červená V. a kol. 1982 — K dějinám vzniku a vydávání Jungmannova Slovníku. *Naše řeč*, roč. 65, Praha. S. 233–247.
- Dobrowsky J. 1791a — Vorrede. *Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache*. Prag. S. 3–10.
- Dobrowsky J. 1791b — Ueber der Ursprung und die Bildung der slawischen und inßbesondere der böhmischen Sprache. *Tomsa F. J. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache*. Prag. S. 11–32.
- Dobrowsky J. 1799 — *Die Bildsamkeit der slawischen Sprache, an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt*. Prag.
- Dobrowsky J. 1809 — *Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache*. Prag.
- Dobrovský J. 1955 — *Geschichte der böhmischen Sprache und Literatur*. Halle.
- Flajšhans V. 1896 — Spory Dobrovského s Thammem. *Druhá výroční zpráva c. k. Statního gymnasia na Král. Vinohradech za školní rok 1896*. Praha. S. 3–21.
- Flajšhans V. 1921 — Jungmann a — Hanka. *Naše řeč*, roč. 5. Praha. S. 225–229.
- Gladkova H. 2001 — Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века». Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения. *Slavia*, roč. 70, Praha. S. 335–351.
- Havránek B. 1963 — Josef Jungmann a český jazyk. *Studie o spisovném jazyce*. Praha. S. 195–199.
- Havránek B. 1974 — Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny. *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha. S. 195–203.
- Havránek B. 1979 — *Vývoj českého spisovného jazyka*. Praha.
- Helcl M. 1959 — Kdy opravdu vycházel Jungmannův Slovník česko-německý? *Naše řeč*, roč. 42, Praha. S. 238–240.

- Jedlička A. 1948 — *Josef Jungmann a obrozená terminologie literárně vědná a linguistická*. Praha.
- Jedlička A. 1953 — Jazyková kritika u Josefa Dobrovského. *Slovo a slovesnost*, roč. 14, Praha. S. 167–179.
- Jedlička A. 1974a — Jungmanovy zásluhy o nový český jazyk spisovný. *Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (*Acta Universitatis Carolinae* 1974, *Philologica* 3–4, *Slavica Pragensia* 17). Praha. S. 29–41.
- Jedlička A. 1974b — Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe v pojetí Josefa Jungmanna. *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha. S. 147–156.
- Jungmann J. 1820 — *Slovesnost aneb Zbírka příkladů s krátkým pojednáním o slohu*. 1. vyd. Praha.
- Jungmann J. 1825 — *Historie literatury české aneb Soustavný přehled spisů českých, s krátkou historií národu, osvícení a jazyka*. Praha.
- Jungmann J. 1835 — Předmluva. *Slownjik Česko-Německý*. Djl I. Praha. S. III–VIII.
- Jungmann J. 1845 — *Slovesnost aneb Nauka o výmluvnosti básnické i řečnické se sbírkou příkladů v nevázané i vázané řeči*. 2. vyd. Praha.
- Kamiš A. 1974 — Slovní zásoba v Jungmannově slovníku. *Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (*Acta Universitatis Carolinae* 1974, *Philologica* 3–4, *Slavica Pragensia* 17). Praha. S. 67–76.
- Křístek V. 1974 — Společenské předpoklady a vůdčí osobnosti českého jazykového obrození. *Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku* (*Acta Universitatis Carolinae* 1974, *Philologica* 3–4, *Slavica Pragensia* 17). Praha. S. 15–28.
- Orłóš T. Z. 1967 — Zapozyczenia polskie w słowniku Jungmanna. *Polska Akademia Nauk — oddział w Krakowie. Prace komisji slowianoznawstwa*, № 11. Wrocław–Warszawa–Kraków.
- Paul K. 1937 — P. J. Šafařík a Jungmannův slovník. *Naše řeč*, roč. 21, Praha. S. 46–54.
- Paul K. 1946–1948 — Jungmannův Slovník česko-německý a Slovensko. *Linguistica Slovaca IV–VI*. Bratislava. S. 234–253.
- Petr J. 1981 — K neuskutečněnému druhému vzdání Jungmannova Slovníku. *Naše řeč*, roč. 64, Praha. S. 80–89.
- Petr J. 1989 — [Předmluva k 2. reprint. vyd. Slovníka česko-německého J. Jungmanna]. *Jungmann J. Slownjik Česko-Německý*. 2. vyd. Djl I. Praha. S. 5–31.

- Slownjk.cz <2005–2008> — Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. *Jungmannův Slownjk.cz*. URL: <http://www.slownjk.cz/>.
- Szykowski M. 1931 — *Polská účast v českém národním obrození*. Sv. I. *Práce Slovanského ústavu v Praze*, sv. III. Praha.
- Szykowski M. 1935 — *Polski udział w czeskiem odrodzeniu (Próba rekapitulacji)*. Poznań.
- Šmilauer V. 1974 — Jungmannův slovník česko-německý. *Josef Jungmann a jeho pokrokový odkaz dnešku (Acta Universitatis Carolinae 1974, Philologica 3–4, Slavica Pragensia 17)*. Praha. S. 43–56.
- Tham K. I. 1805a — Ueber den Charakter der Slawen, dann über den Ursprung, die Schicksale, Vollkommenheiten, die Nützlichkeit und Wichtigkeit der böhmischen Sprache (Statt der Vorrede). K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phrasologisches Nationallexikon oder Wörterbuch* <...>. I–II. Prag. S. V–LXII.
- Tham K. I. 1805b — Einleitung. K. I. Tham, <F. J. Tomsa>. *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phrasologisches Nationallexikon oder Wörterbuch* <...>. I–II. Prag. S. [LXV–LXIX].
- Tyl Z. 1983 — K historii vzniku Jungmannova Slovníku česko-německého. *Naše řeč*, roč. 66, Praha. S. 113–119.

СЛОВАРИ

- Dobrowsky J. 1802–1821 — *Ausführliches und vollständiges deutsch-böhmisches synonymisch-phrasologisches Wörterbuch*. I–II. Prag.
- Jungmann J. 1835–1839 — *Slownjk česko-německý*. I–V. Praha.
- Palkowitsch G. 1820–1821 — *Böhmisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch, mit Beifügung den Slowaken und Mähren eigenen Ausdrücke und Redensarten* <...>. I–II. Prag – Prešpurk.
- Tham K. I. 1788 — *Deutsch-böhmisches Nationallexikon* <...>. Prag und Wien [2. Aufl. 1799; 3. Aufl. 1814].
- Tham K. I. 1799 — *Deutsch-böhmisches Nationallexikon* <...>. I–II. 2. Aufl. Prag.
- Tham K. I., <Tomsa F. J.> 1805–1807 — *Neuestes ausführliches und vollständiges böhmisch-deutsches synonymisch-phrasologisches Nationallexikon oder Wörterbuch* <...>. I–II. Prag.
- Tomsa F. J. 1791 — *Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-deutsch- und lateinischen Sprache*. Prag.

J. JUNGMANNI LEKSIKOGRAAFILISTE PRINTSIIBIDE
KUJUNEMINE: AUTORIIDEE JA TEMA TÕELINE
TEOKSSAAMINE

I. Abisogomjan

Artiklis pööratakse tähelepanu J. Jungmanni leksikograafilise kontseptsiooni kujunemisele, milles eelkäijate saavutused ja traditsioon põimusid tema enda ideedega. Selle tulemusena kujunes „Tšehhi-saksa sõnaraamat“ [Jungmann 1935–1839] rahvusliku ärkamisaja ideede kehastuseks, kui-võrd just selles sõnaraamatus oli süsteemselt esitatud tšehhi sõnavarasüsteem uute teooriate valguses.

Analüüsitakse Jungmanni leksikograafiakontseptsiooni kujunemise protsessi, milles on edukalt sünteesitud eelnevate ajastute ja autorite leksikograafilised traditsioonid ja saavutused Jungmanni enda novaatorlike ideedega. Püütakse välja selgitada, kuidas on kujunenud ja millest on tingitud Jungmanni leksikograafilised printsiibid: milline oli esialgne kavatsus, missugused muudatused selles toimusid ning millest need olid tingitud. Määratletakse ka rahvusliku ja keelelise „ärkamise“ ideede, samuti teaduse hoogsa arengu mõju Jungmanni tööle. Eriline roll on Jungmanni „Tšehhi-saksa sõnaraamatu“ loomeprotsessis poleemikal, kuna just dünaamikas, arengus, pidevas otsingus leiab Jungmann vastuse oma peaküsimusele — milline peab olema tema sõnaraamat. Ta samastab teadlikult oma tööd (järelikult ka tšehhi keelt) elusorganismiga, kelle jaoks pidev muutumine on elu olemuseks. Peab vaid teadma ja järgima nende muudatuste seaduspärasusi ning mitte kartma neile põhjendatud vajalike ja teoreetiliste mõjude osutamist, mis Jungmannil, nagu näitab aeg, ka edukalt teostada õnnestus.



ISSN 1406-2623
ISBN 978-9949-19-156-7